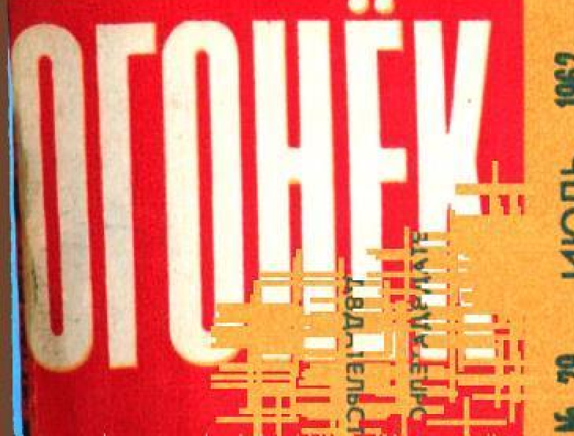

№ 29 ИЮЛЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЛЮДЯМ ТРУДА — МИР!

Удостоверение № 992 • РАССКАЗ Е. ШАТЬКО «ЗАБОТЫ» • А. Старков — СЕКУНДА • ВРАГ НОМЕР ДВА • Внимание! Литер «Ф»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 29 (1830)

15 ИЮЛЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

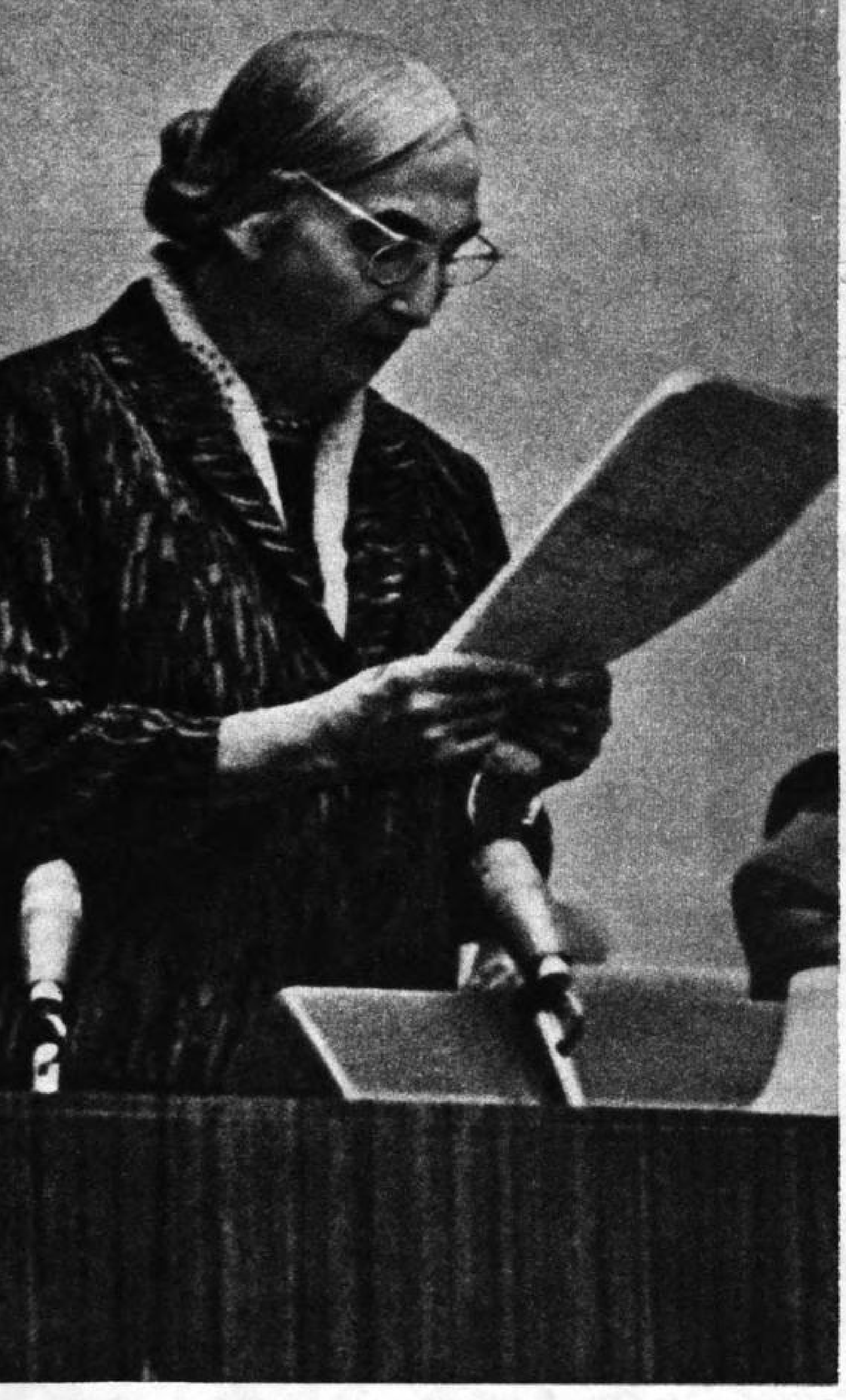
МИРА Т

Москва, 9 июля 1962 года, Кремлевский Дворец съездов. Первые минуты работы Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир.

Фоторепортаж Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и Я. РЮМКИНА.

РЕБУЕТ МИР!

Во всех странах известно имя Эжени Коттон, выдающейся деятельницы в защиту мира. Ей была предоставлена честь открыть Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир.

Эта девочка, приехавшая с мамой из Венесуэлы на

СЛУШАЙТЕ, КОН

Г. ГУРКОВ, А. СЕРБИН

В тот день, 9 июля, телетайпы, установленные в редакциях газет, как всегда, выстукивали сообщения из разных уголков планеты. Буквы складывались в слова, слова — в новости.

...В помещении муниципалитета древней столицы Цейлона города Анурадхапура открылась выставка советского искусства и литературы.

...В Кении бастовали рабочие чайных плантаций. Полиция произвела аресты.

...В западноберлинском районе Нейкельн бандиты подожгли дом, где находится районное бюро Социалистической единой партии Германии.

...Бельгийскому королю вручен манифест, в котором 490 писателей, профессоров университета, членов парламента выражают тревогу в связи с намерением правительства оснастить бельгийскую армию ядерным оружием.

...По приказу генерала Норстэда началась переброска двух тысяч солдат из США в Западную Германию.

...В Алжире французские саперы сняли с пьедесталов бюсты бывших генерал-губернаторов. Их отправят во Францию и установят в музеях.

Бесстрастно стучали аппараты. Шли передачи из Лондона и Ран-

Тепло встретили делегаты Конгресса выступление чилийского поэта Пабло Неруды.

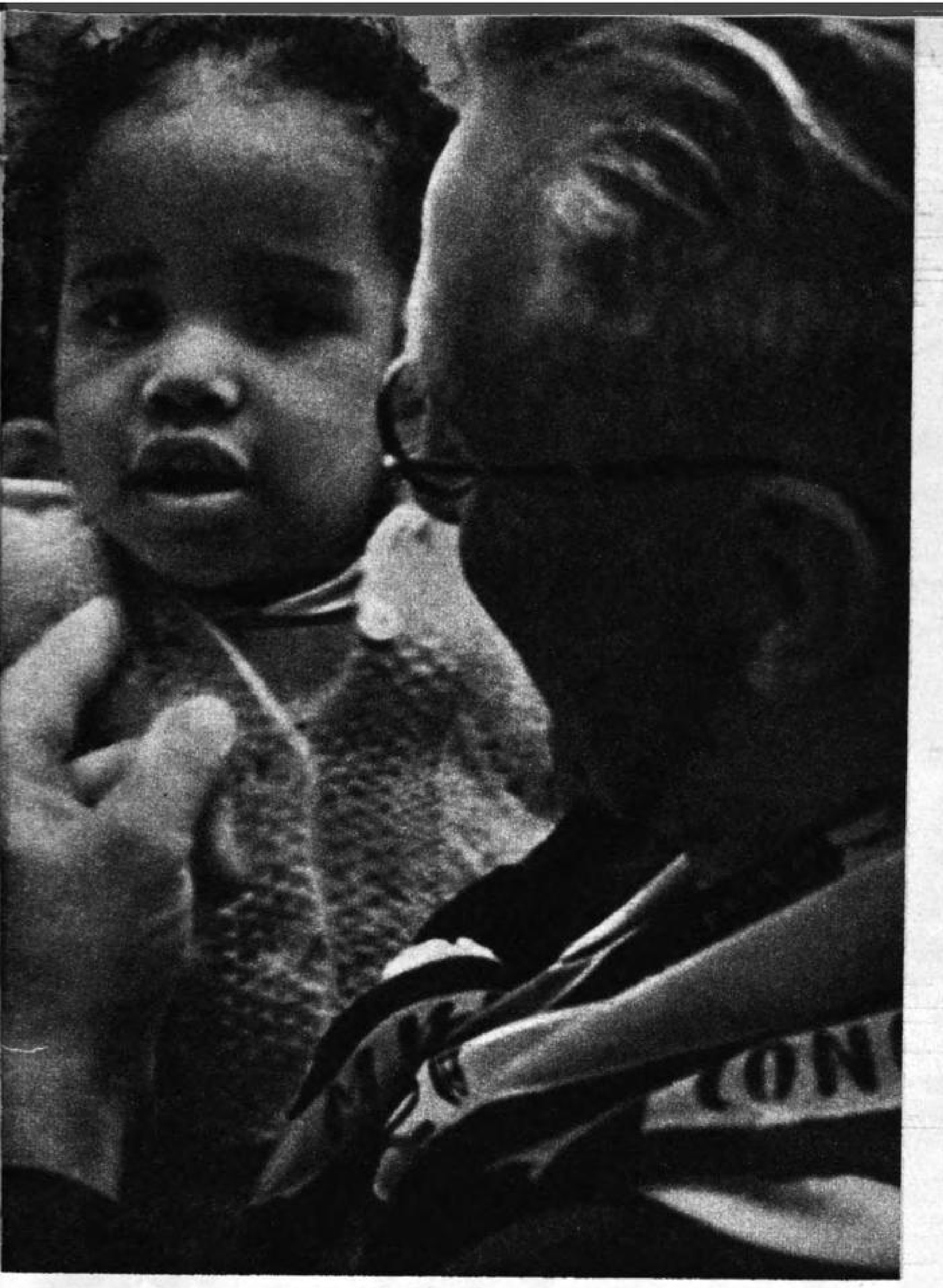

В дни работы Конгресса кубинскому поэту Николасу Гильену исполнилось 60 лет. Его приветствовали советские писатели. Слева от Н. Гильена — драматург Г. Мдивани.

Президент Академии наук СССР М. В. Келдыш: «Наука и ученые должны служить миру...»

Конгресс в Москву, должна жить в мире без оружия!

Рамешвари Неру (Индия) беседует с делегатами Конгресса.

Дружеский разговор. Александр Корнейчук встретился с членом английского парламента Сиднеем Сильверменом.

ТИНЕНТЫ!

гуна, с Филиппин и из Южного Вьетнама, из Бухареста и Дели.

И из Москвы.

Отсюда пришла самая важная новость: открылся Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир — могучий форум доброй воли.

Нам посчастливилось пережить волнующие моменты открытия Конгресса, находясь в зале Кремлевского Дворца съездов. Из ложи прессы мы видели, как занимали места делегаты. У каждого из них — своя работа. За станком, за письменным столом, в поле или за дирижерским пультом. У каждого — своя. И у всех — общая. Большая, важная. Работа во имя мира.

Свыше двух тысяч делегатов, наблюдателей и гостей, представляющих общественное мнение более ста стран, — вот они, перед нами. Занимают места «небесные братья» — герои-космонавты Юрий Гагарин и Герман Титов. Идет по залу английская домохозяйка Айви Барлоу. В Ист Хэме, где она вела кампанию против ядерного оружия, женщины по шиллингам собирали ей деньги на поездку в Москву. Каждый хотел помочь, чем мог. Даже местный па-

Профессор Джон Бернал, председатель Международного комитета Конгресса: «...Найти способы содействовать разоружению и миру».

Женщины мира всегда хорошо понимают друг друга. Н. В. Попова и г-жа Субандрио (Индонезия).

Советские писатели Н. Тихонов, Б. Полевой, председатель Всеяпонского совета по запрещению атомного и водородного оружия Каору Ясуи и его дочь, студентка московского вуза.

Группа делегатов Конгресса. Слева — чилийский профессор Ольга Поблете, рядом — (стоит) — ректор Гаванского университета Хуан Маринельо.

рикмахер сделал ей прическу для этой поездки...

Шагают алжирцы. Они завоевали мир и свободу для своей многострадальной земли. Проходят смуглолицые люди в черных шапочках — посланцы «страны тысячи островов», Индонезии. Здесь нет равнодушных. Каждый принес сюда свои мысли о мире, свою решимость победить в борьбе за него.

Мы встречаем седовласого Костаса Варналиса, прославленного греческого поэта, чья муза посвящена миру.

— Это огромная радость — снова быть в Москве, — говорит он нам. — Но еще большая радость заключена для меня в том, что здесь, в Москве, на этом Конгрессе, я вижу прообраз братского единения народов земли в борьбе за мир. Нельзя противопоставить угрозе войны лишь слова и благие пожелания. Наш долг — сделать силы мира могущественнее сил войны. Я счастлив сегодня: я вижу, что ни границы, ни цвет кожи, ни разница во взглядах не могут помешать братскому единению народов.

Гул в зале, сотканный из десятков языков и наречий, смолкает, когда за столом президиума появляется стройная женщина. Это Ольга Поблете, профессор университета в Сант-Яго. Она приветствует делегатов.

— Здесь, в Москве, — звучат в наушниках слова перевода, — вы будете обсуждать, как превратить волю народов в конкретные дела.

Взрывается аплодисментами зал, когда другая женщина — гордость и ветеран движения сторонников мира, неутомимая Эжени Коттон — открывает Конгресс. Она была 20 апреля 1949 года в парижском зале Плейель, где начал тогда работу I Всемирный конгресс сторонников мира. Великий ученый Франции Фредерик Жолио-Кюри открыл его словами:

— Мы обращаемся ко всем честным людям с призывом предотвратить это бедствие — войну. Все вместе, в сознании своей силы, мы поведем борьбу с уверенностью в победе.

Не так уж много времени прошло с тех пор, но как неизмеримо выросли силы, выступающие за мир без оружия, мир без войн!

Тогда, в сорок девятом, из мастерской Пабло Пикассо выпорхнула в победный полет по континентам белая голубка — эмблема, популярнее которой вряд ли сыщешь.

Сегодня голубка смотрит с огромного плаката, установленного в Кремлевском Дворце съездов. Здесь для нее хорошее, надежное место.

На трибуну Конгресса поднимается Рамешвари Неру, президент Всеиндийской ассоциации солидар-

Бурными аплодисментами встретили делегаты Конгресса речь главы

ности стран Азии и Африки. Она призывает Конгресс подготовить программу единых действий всех организаций защиты мира. Народы мира должны устранить препятствия на пути к разоружению.

Взволнованно и громко прозвучали голоса женщин на Конгрессе. Им, женщинам, тем, кто дает жизнь человечеству, нельзя без боли думать о том, что этой жизни угрожает война.

Накануне Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир председатель Международного подготовительного комитета профессор Бернал направил письма главам правительств государств, участвующих в переговорах по разоружению в Женеве. Он просил разъяснить Конгрессу позиции правительств этих государств по важнейшему вопросу современности.

Глава Советского правительства Никита Сергеевич Хрущев ответил, что он готов выступить на заседании Конгресса и поделиться с участниками ассамблеи доброй воли взглядами Советского Союза на пути и способы решения проблемы разоружения. Президент Кеннеди на письмо профессора Бернала не ответил. Ответ Америки стал известен позднее.

Механические сердца телетайпов не стали биться сильнее, передавая сообщение, которое пришло в день открытия Конгресса. Вот оно, это сообщение. Вот он, ответ официальной Америки...

«Нью-Йорк. Корреспондент агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл передает из Гонолулу:

Соединенные Штаты взорвали ядерное устройство, поднятое ракетой на высоту около 200 миль над островом Джонстон в Тихом океане.

Этот взрыв произошел в 9.00 по Гринвичу и осветил небо над Гавайями.

Это был самый мощный взрыв на большой высоте в нынешней серии испытаний».

Телетайпы оставались бесстрастными. Но люди! Гнев и горечь — такова была реакция Конгресса. Нет оправдания американским атомщикам! Не нужно было голосовать, чтобы убедиться: это — единодушное мнение.

— Люди возмущены, и их гнев справедлив,— заявила нам лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», руководительница движения «Поющие голоса Японии» Акико Сэки.— От взрыва, который произвели США, дрогнули не только небесные сферы, но и гневно задрожали наши сердца. Нужно мобилизовать все силы, чтобы остановить эту игру с огнем. Здесь, на Конгрессе, присутствуют разные люди, но сейчас их сердца бьются одинаково, потому что они разделяют общую тревогу мира, потому что они хотят освободить землю от оружия, потому что они хотят счастья для человечества. У каждого из нас свое место в борьбе за мир. Мы, «Поющие голоса Японии», обращаем свои песни к душам людей, чтобы сделать их крепкими и стойкими в этой борьбе.

...В вестибюле Дворца съездов рыжебородый парень раздает листовки. Одну из них он сует нам в руки.

— О чем это?

— О датской «Кампании за ядерное разоружение».

В ответ на просьбу рассказать об этом движении рыжебородый показывает на стоящего рядом с ним человека.

— Пусть он расскажет. Он его начал.

Сосед рыжебородого встряхивает прямыми, закинутыми назад волосами и начинает:

— Карл Шарнберг, писатель. Я решил организовать это движение в моей стране после того, как побывал в Англии. Оттуда пришла к нам и эмблема нашего движения. Мы выступили против того, чтобы в Дании были атомные бомбы. Сначала в газетах нас называли коммунистами, говорили, что нами дирижируют из Москвы...

Карл Шарнберг не коммунист. Из листовок, которые раздает рыжебородый, это видно ясно. Но так уж устроены головы нынешних лидеров стран, входящих в НАТО, что каждый, кто выступает против ядерного безумия, в их представлении «коммунист», каждый, кто требует мира,— «агент Москвы». Коммунисты гордятся такой славой. Но они не собираются присвоить себе монопольное право на борьбу за мир. Для каждого честного человека хватит дел, когда речь идет о том, чтобы уберечь человечество от военной катастрофы.

— Свою первую демонстрацию по стране в 1959 году мы решили начать в том случае, если наберем пятьдесят сторонников,— продолжает рассказ Карл Шарнберг. — Набрали сто. А в Копенгагене нас было уже восемьсот. И так из года в год росла численность наших демонстраций...

Цифры, которые приводит Карл Шарнберг, свидетельствуют, что все больше и больше датчан выступает за мир. В 1960 году в демонстрации принимали участие 10 тысяч человек, в 1961 году — 20 тысяч, а в этом году демонстрацию начинали 5 тысяч, а заканчивали ее в Копенгагене 65 тысяч человек.

И так всюду в мире: вчера единицы — сегодня тысячи. Массы народа, недавно державшиеся в стороне от политики, выходят на улицы городов, требуя мира.

Рагнар Форбекк, норвежский «неистовый капеллан», как его любовно называют друзья, говорил нам:

— В работе Московского конгресса отразился гигантский рост сил мира. Вы посмотрите, сколько

Советского правительства Н. С. Хрущева.

Здесь, пожалуй, труднее, чем в космосе.

Путями борьбы за мир прибыли они в Москву из Африки.

новых организаций, сколько новых стран принимают в нем участие! Атмосфера Конгресса свободная, совершенно свободная дискуссия. Каждый может говорить то, что он считает правильным. А если наши взгляды во многом совпадают, так плохо это только для врагов мира. Вот почему они и не скупятся на обвинения в наш адрес. Однако что толку?..

Самую важную проблему современности — проблему разоружения — обсуждает Конгресс. Прошли времена, когда решение наболевших вопросов международной жизни было привилегией дипломатов. Теперь в решении таких вопросов самым активным образом участвуют народы. И это — их естественное право. Ведь любое событие в жизни государства — грозное или радостное — всегда проходит через жизнь людей, накладывая на нее свой отпечаток.

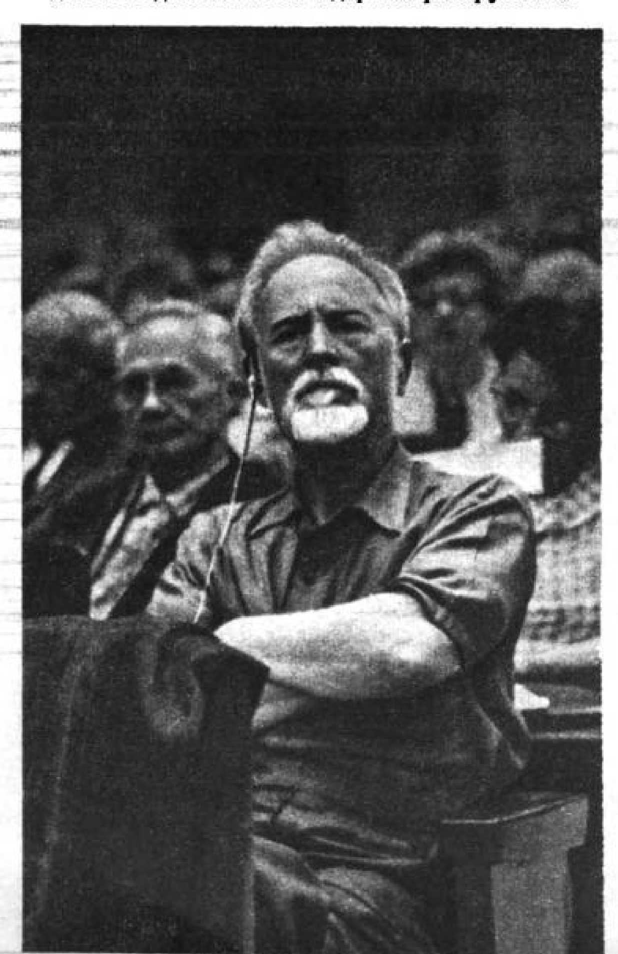
Когда делегаты Конгресса, делегаты мира, собрались в Москве, пришло сообщение из Парижа. «Делегат» холодной войны Конрад Аденауэр и раскрывший ему объятия президент де Голль принимали танковый парад в Мурмелоне. По земле, обильно политой кровью французов, погибших в трех войнах, развязанных против их родины германским милитаризмом, грохотали бронированные чудовища бундесвера. А на трибунах рядом с французскими офицерами стояли вчерашние гитлеровцы, без стеснения нацепляющие на мундиры НАТО железные кресты, полученные от фюрера.

Мы встретили в фойе Дворца съездов пожилого человека с пустым правым рукавом, заколотым булавкой, с розеткой ордена Почетного легиона в петличке пиджака. Познакомились. Мэтр Этьен Нуво — адвокат из Парижа. Руку потерял в 1917 году, участвуя в боях против кайзеровских войск. Через четверть века снова германское вторжение. Наш собеседник сражался в движении Сопротивления.

— Все бывшие фронтовики, — сказал он, — разгневаны тем спектаклем, который разыгран во время визита Аденауэра. Наши руководители говорят о «примирении». Но примирение с германским милитаризмом невозможно. Французский народ не верит в то, что вол-

В зале заседаний.

Джон Деннинторн — скульптор с Британских островов. В Уэльсе он один из руководителей движения за ядерное разоружение.

Они из Марокко.

Слева — делегат Кении Огинга Одинга.

ки превратились в овец. Мы очень хотели бы примирения народа с народом. Но с агрессивной прусской военщиной — никогда!

Народ Франции, народы Европы с полным основанием не доверяют политике Бонна. Но Бонн — это не вся Германия. На востоке страны крепнет и развивается первое в истории германское государство, которое идет по пути мира.

Мы разговаривали с тоненькой белокурой девушкой, приехавшей из новой Германии — из Германской Демократической Республики. Девушку зовут Бэрбель Зефков. Ее отец, Антон Зефков, был одним из руководителей подпольного антифашистского центра. Он сражался против нацистской чумы, за будущее своей родины, за будущее своей дочери.

Бэрбель знает отца только по фотографиям. Гестаповцы забрали его, когда ей не было года. Антон

Продолжение репортажа с Конгресса — на стр. 26—27.

По всей Японии звучат песни, которые несет народу движение «Поющие голоса Японии». Им руководит Акико Сэки. Она делегат Конгресса.

МИР через 20 лет

«Как вы себе представляете мир через 20 лет?» Этот вопрос задан в международной анкете агентства печати «Новости» тысячам людей.

На вопрос, который волнует все человечество, отвечают известные общественные деятели и скромные труженики, люди различных убеждений и политических взглядов из 51 страны.

В дни работы московского Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир мы публикуем несколько ответов, отразивших надежды и мечты наших современников из разных стран.

Николай ТИХОНОВ,
писатель, председатель Советского комитета защиты мира

...Будущее увидит только живой. Чтобы жить, человек должен есть и пить. Ему нужны воздух и солнце. И хлеб, и вода, и воздух, и солнце — простые и всем понятные вещи. Но есть еще одна простая и всем понятная вещь: чтобы остаться в живых, нужен мир.

Сайрус ИТОН,
промышленник (США)

...Я предсказываю, что через 20 лет бомба будет изгнана из жизни общества, США и СССР будут самыми большими друзьями.

Американцы сами по себе приветливы, несмотря на временное обратное впечатление при теперешней обстановке военной истерии в США. Я верю, что время охладит очень немногочисленные горячие головы в Америке, которые ныне сеют зло между Востоком и Западом. Ослабление международного напряжения позволит конструктивно использовать огромные суммы, которые сейчас идут на вооружение.

По мере того, как разум возобладает над предрассудками и фанатизмом, а знания американцев о Советском Союзе будут расширяться и углубляться, я надеюсь, что американцы полностью оценят огромные достижения Советского Союза в области науки, техники, образования и сельского хозяйства.

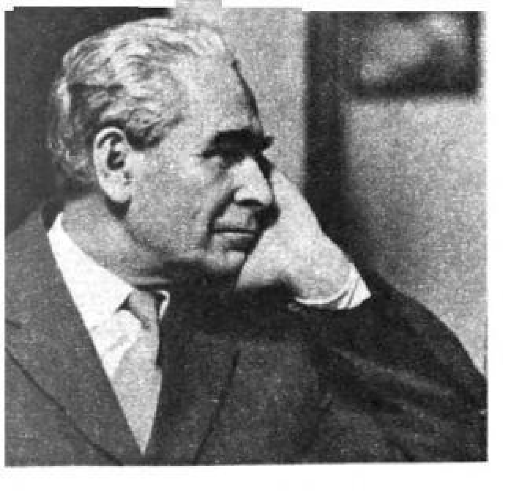
Гордон ШАФФЕР,
председатель исполкома Английского комитета защиты мира, член Всемирного Совета Мира

Трудно заниматься предсказаниями, когда миру угрожает ядерная война. Все надежды человечества связаны с борьбой за мир. Если мир будет обеспечен, то не будет пределов для прогресса всего человечества.

Сегодня можно сказать, что силы мира неуклонно растут, разоблачая и изолируя меньшинство, которое наживается на подготовке к войне и строит свою политику на военной угрозе. Недавно Ассоциация военно-воздушных войск США, которая непосредственно финансируется магнатами авиационной и ракетной промышленности, опубликовала доклад, который справедливо был назван лордом Расселом самым ужасающим документом, который он когда-либо читал. В этом документе говорится следующее: «Цель нашей страны должна состоять в том, чтобы полностью уничтожить советскую систему», а задача США должна состоять в «желании пойти на риск ядерной войны и в том, чтобы обеспечить восстановление национальной структуры после всеобщей войны».

Когда я пишу эти строки, я еще не могу отделаться от мысли, что это не кошмарный сон. Но нет: я вижу документ, на котором черным по белому напечатаны эти слова. Этих сумасшедших нужно заковать в цепи — вот наша первая задача! Если бы им дали волю, то ваш вопрос о будущем моей страны был бы неуместным, так как американские милитаристы открыто заявляют, что нашим маленьким островом, с его богатым наследием и тем вкладом, который он внес в мировую цивилизацию, можно пожертвовать... И через 20 лет он представлял бы груды радиоактивных обломков.

Но я верю, что будущее готовит моей стране более счастливую жизнь, потому что убежден, что силы мира смогут заковать в цепи безумцев. Миру по крайней мере трижды угрожала ядерная война (Корея, Индокитай, Суэц), но силы мира заставили отступить поджигателей войны. У человечества есть сила, которую оно может противопоставить любой новой попытке начать войну.

МОИ СИМПАТИИ — БОЛЬШОМУ ИСКУССТВУ

Павел КОРИН,
народный художник РСФСР,
действительный член Академии художеств СССР

Мой учитель Михаил Васильевич Нестеров говорил: «Корин, вы хотите стать художником? Знайте: искусство есть подвиг. Вы должны все нести для искусства».

Нельзя точнее и полнее определить художество, которое избрано человеком по призванию, пожизненно.

Я познакомился с Нестеровым в 1911 году, когда делал копию с его картины. С тех пор завязались наши близкие отношения, как учителя и ученика, как друзей-художников, и продолжались до конца его жизни. В Нестерове были страсть и подвижничество, как это свойственно истинному художнику. Он учил любоваться природой, человеком, но, восхищаясь натурой, не копировать слепо, а осмысливать увиденное, одушевлять, дополнять воображением. И мечтать о большом, не знающем преград мастерстве.

Художник достигает мастерства всю жизнь. Перед каждой новой работой он трепещет в сознании своего несовершенства, а берясь за нее, старается изо всех сил исполнить труд достойно. Художник работает до седьмого пота, не жалея себя, вкладывая всю душу. Но пот остается на спине, а картина кажется исполненной легко, с полной артистической свободой. Вот тогда лишь можно сказать, что писал мастер.

Очень немногие могут ныне представить себе, как я начинал. Мои деды и прадеды — палешане, все были иконописцами. Отец был серьезный, признанный мастер в своем деле и обучал ему сыновей. Я уехал из Палеха шестнадцати лет, изучив начала ремесла, с мечтой стать настоящим художником. Еще в Палехе я слышал легенды о Брюллове, Александре Иванове. Славу великую имели также Репин, Васнецов, Нестеров. Попал я в московские иконописные мастерские «мальчиком». К искусству, о котором я мечтал, это не имело никакого отношения: «мальчики» услуживали мастерам, бегали на посылках...

По счастью, судьба свела меня с художником Клавдием Петровичем Степановым, учеником известного Чистякова. Он дал мне легкую для чтения «Историю искусств» Гнедича; от него я впервые услышал о Боттичелли, Перуджино, Пинтуриккио — любимых им итальянских художниках XV века.

Понемногу я стал входить в истинное художество. Посещал Третьяковскую галерею и Румянцевский музей, подолгу сидел перед «Явлением Христа народу», захваченный величием гениального замысла и дивным мастерством художника. Верхом блаженства для меня было, когда я сам начал писать с натуры. Серова, Сурикова, Врубеля, Нестерова стал понимать постепенно, не сразу. Ведь вырваться из иконописи, из ее канонов, из иконописной полуремесленной среды поистине значило ободрать с себя кожу и как бы родиться заново...

В 1912 году я поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества. Занимался прилежно, упорно, стараясь узнать как можно больше. Некоторые студенты, как водится, пренебрегали лекциями, я же был в этом мире совсем свежий человек, жадно все впитывал, радовался, что попал в художественную среду и могу отдаться любимому делу. Приходил в училище из первых и работал сколько хватало сил...

Стать художником мне досталось очень трудно. И я считал, что нельзя размениваться на мелочи, что художник должен думать о большой, масштабной картине. Мечта о такой картине поначалу была совсем туманной. Только после революции, уже в 20-х годах, у меня стал вырисовываться конкретный замысел. Я задумал картину о старой Руси, о целых социальных и психологических пластах жизни, навеки исчезающих под давлением нового. Уход исторически обреченных людей был ведь непрост, нелегок. В русском искусстве на полотне представали такие исторические трагедии, как «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова» Сурикова... Готовясь к своей картине, я искал выразительные человеческие типы. В моделях более всего привлекало меня психологическое существо — напряженная внутренняя жизнь, страстность духа.

В 1931 году, 3 сентября, мою мастерскую неожиданно посетил Горький. Показывая свои работы, я волновался страшно. До того эти вещи смотрел Нестеров. Он одобрял, говорил хорошие слова. Но Михаил Васильевич был друг, близкий человек, он мог быть пристрастным. А Горький, как мне тогда казалось,— художник другого склада, другого мышления... И вдруг Алексей Максимович обратился ко мне: «Отлично! Вы большой художник. Вам есть что сказать. У вас настоящее здоровое, кондовое искусство». Привожу эти слова, чтобы объяснить всю дальнейшую заботу Горького обо мне, а прав ли он был, нет ли,— не мне судить. Горький укрепил и поддержал меня. Той же осенью он взял меня с братом — художником А. Д. Кориным — в Италию. Я увидел непревзойденные создания искусства, почувствовал светлый ум, дерзновенный талант, великую суровую душу гениев Возрождения.

В Сорренто я впервые написал портрет Горького. Семейные советовали изобразить его улыбчивым, радушным, каким он бывал за чаем, в дружеских беседах. Но меня привлекал совсем не такой Горький. Гуляя с Алексеем Максимовичем, разговаривая с ним, я подглядел иного — задумчивого, сосредоточенного. Таким виделся мне автор «Челкаша», «Фомы Гордеева», романа «Мать».

Горький прошел через всю мою жизнь как призыв и надежда. Во время одного из последних посещений моей новой мастерской, устроенной заботами Алексея Максимовича, он сказал мне: «Вы накануне написания замечательной картины. Напишите ее, слышите, обязательно напишите!» Горький дал задуманной картине название: «Русь уходящая». Из-за сложившихся в моей жизни тяжелых обстоятельств картина эта осталась ненаписанной. Но и в дальнейшем, даже после смерти Горького, я всегда как бы ощущал его присутствие и поддержку.

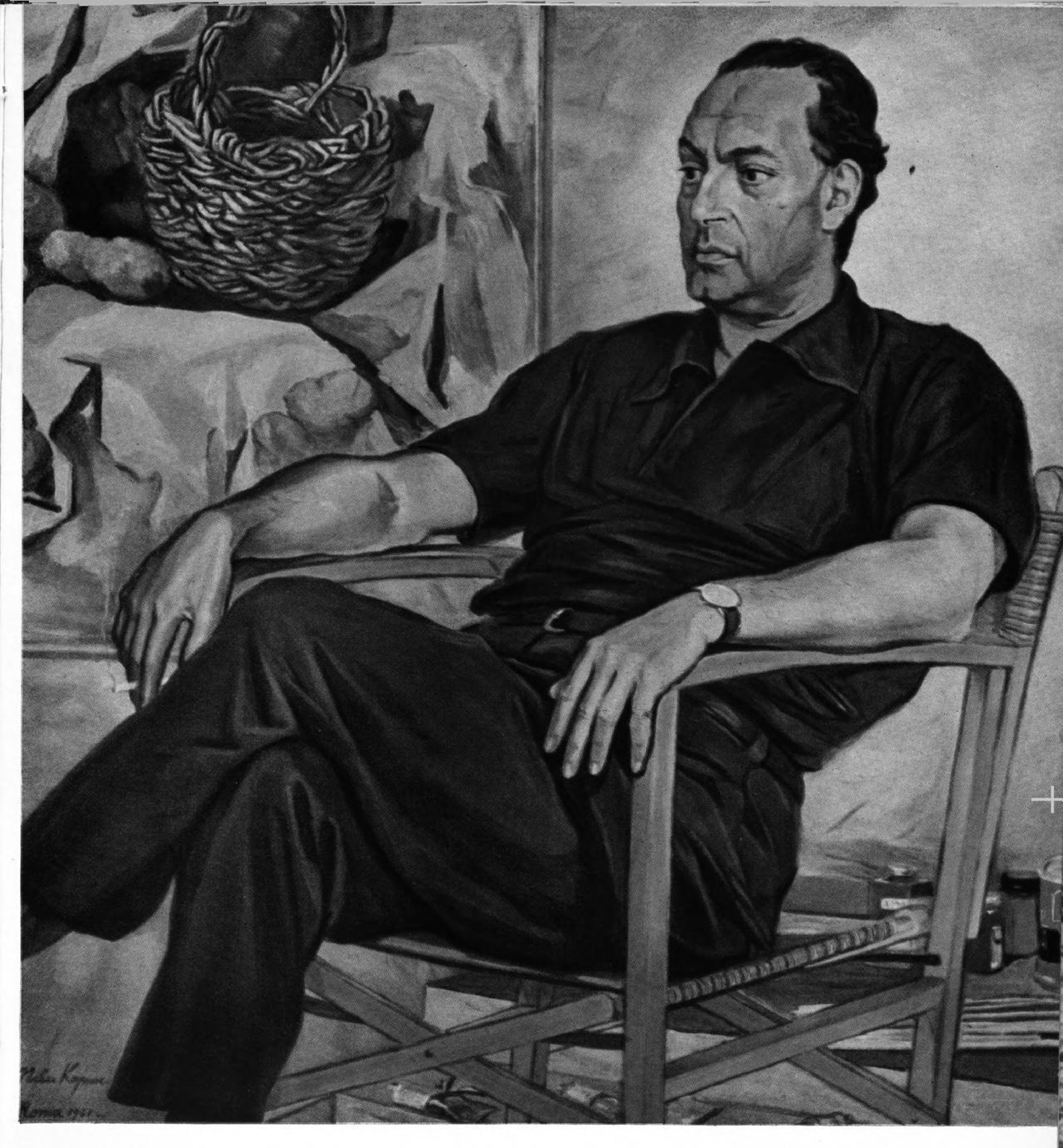
Я считаю себя «картинщиком», но мне привелось работать над многими портретами. Исполняя портрет, я всегда ищу духовную осанку, неповторимый склад личности. Человек ведь любопытен своей духовной жизнью. Людей с убогим, мещанским мышлением я никогда не мог писать.

Прошлым летом в Италии я писал Ренато Гуттузо. У нас установилось взаимное понимание, хотя мы с ним разные художники, каждый идет в искусстве своим путем. Но я испытываю глубокое уважение к этому большому мастеру и благородному человеку. Вот эти чувства я и хотел передать.

Мои симпатии принадлежат большому искусству — искусству больших мыслей, искусству, которое смотрит на мир открыто, широко и обобщенно, а потому потрясает, возвышает, облагораживает. Глубоко современным и демократическим я считаю только такое искусство. Возможности реализма, кажется мне, безграничны, неисчерпаемы, и я не понимаю тех западных художников, которые могут отворачиваться от природы, от людей и губить себя в худосочном абстрактном сочинительстве ради моды и оригинальничанья. Талант, по-моему, обязательно должен связать художника с живой жизнью.

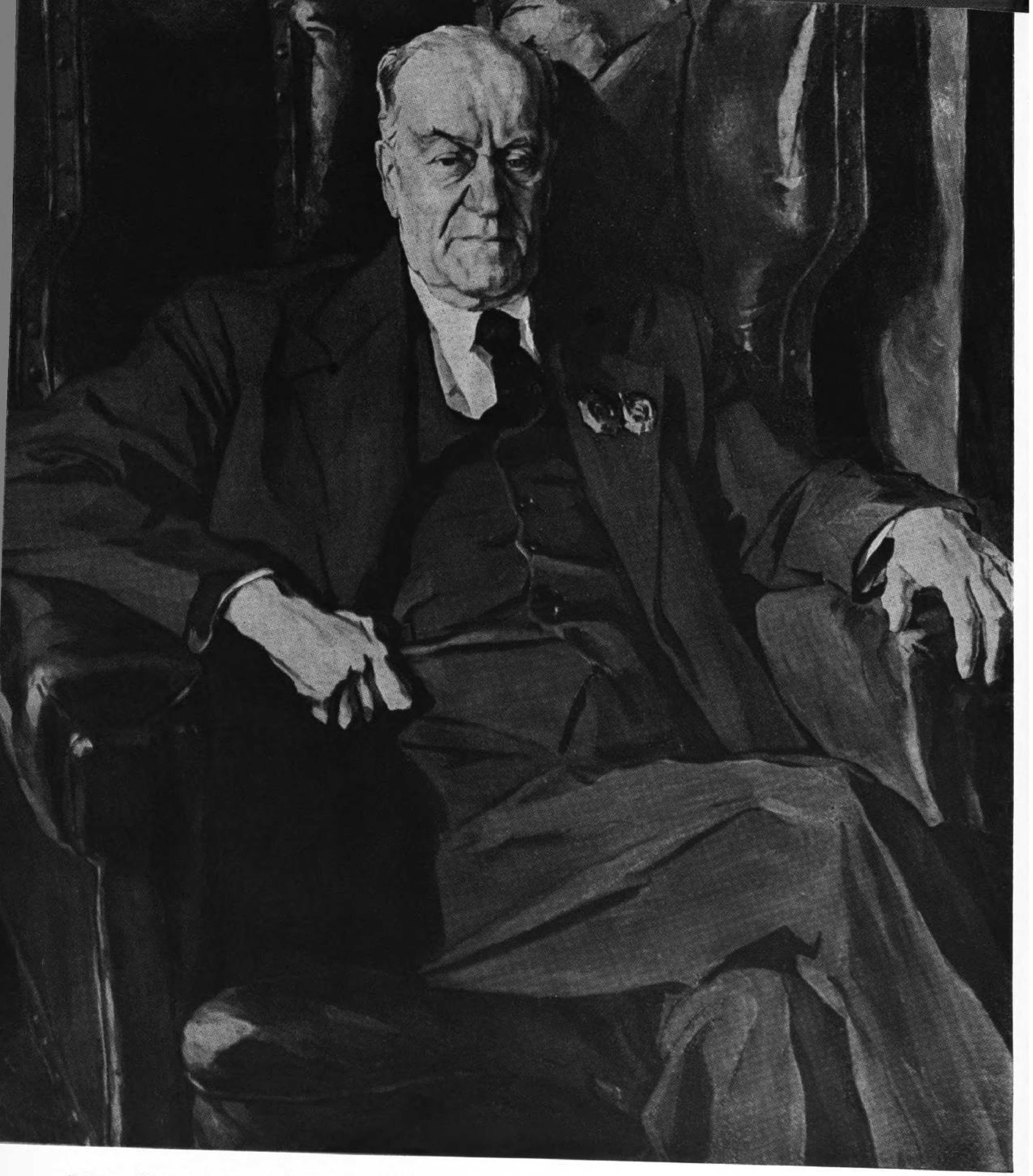
В нашем советском искусстве много молодых, вселяющих большие надежды художников. Каждый раз на выставках я жду работ Коржева, В. Иванова, Жилинского, Оссовского, П. Никонова, Голицына. Они непохожи на других, работают каждый по-своему, и этому нужно радоваться. Мы, старые художники, должны быть чуткими и благожелательны к молодым, должны помогать каждому истинному таланту обрести себя, поверить в свои силы, укрепиться на своем, оригинальном пути. В этом нам пример — все большие русские художники с их душевной щедростью и доброй заботой о будущем нашего искусства. И как бы, например, сложилась моя художническая жизнь без поддержки Нестерова и Горького?..

За свои семьдесят лет я мог многократно проверить принципы, усвоенные в юности. И теперь с полной убежденностью повторяю сказанное мне когда-то Нестеровым: искусство есть подвиг. Без страсти и подвижничества нет художника.

П. Корин. ПОРТРЕТ ИТАЛЬЯНСКОГО ХУДОЖНИКА РЕНАТО ГУТТУЗО. 1961.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

П. Корин. ПОРТРЕТ АРТИСТА Л. М. ЛЕОНИДОВА. 1939.

Государственная Третьяковская галерея.

ЦЕЛИНА, ГОД ДЕВЯТЫЙ...

В. ПОЛЫНИН

1

Шортанды — это маленькая железнодорожная станция на магистрали, идущей с юга на север и делящей край примерно на две равные части. Находится она в двух часах езды к северу от Целинограда. Если бы не элеватор, трудно было бы понять, зачем вообще здесь останавливаются поезда.

Несколько лет назад название станции мало кому было известно. Но совсем недавно здесь запульсировала жила, по которой так же удобно определять целинный тонус, как ритм человеческого сердца по запястью. Рядовая опытная станция, основанная неподалеку от железнодорожного разъезда, была сначала преобразована в республиканский, а затем и во Всесоюзный научно-исследовательский институт зернового хозяйства при Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина.

Я бывал здесь и раньше, в ту пору, когда областная опытная станция только что была переименована в республиканский институт. Именно «переименована». Этим словом определяется характер свершившегося тогда преобразования. И в Акмолинске, еще не ставшем краевой столицей, Целиноградом, один из руководящих товарищей отговаривал меня: «Не теряйте время на поездку в Шортанды». Засели, мол, там оторвавшиеся от жизни начетчики и мешают своими заумными теориями проводить на целине правильную агрономическую политику:

— Какие же это ученые, если на полях института урожаи ниже, чем в соседнем колхозе?

— Зачем же создавался такой худосочный ученый центр? — спрашивал я.

— А как же! — был ответ. — Науку уважать надо...

И помню, как два года назад, перед началом седьмой целинной страды, сидели мы в одноэтажном барачного типа здании, где заведующему отделом земледелия института Сергею Сергеевичу Сдобникову был отведен маленький кабинетик. Хозяин его, агроном средних лет, с жаром, как это бывает с энтузиастами, не избалованными вниманием и нашедшими вдруг слушателей, раскрывал передо мной причины большой засоренности целинных, когда-то чистых полей злостными сорняками — овсюгом, осотом и другими.

— Когда мы предлагаем прислушаться к выводам, сделанным наукой, от нас отмахиваются. Как это, мол, мы можем учить других, если на производственных полях института не получили прошлой осенью самого высокого в области урожая и отстали от Кан Де Хана! Никому нет дела, что Кан Де Хан наводил в своем колхозе порядок чуть ли не двадцать лет, а нам прирезали хозяйство, в котором, наверное, более двадцати лет было потрачено на расстройство всякого порядка.

Прошло два года... Поезд в знакомом месте начинает повторять крутой изгиб, проделанный железнодорожным полотном, и в окно уже видны возникшие за это время институтские постройки. А справа по дороге, где поезд притормаживает из-за близости стрелок, вдруг вижу — стоит небольшой городок с двухэтажными домами и озерцом, подпертым плотиной с железобетонным водосбросом. Улица двухэтажных домов, не считаясь со стихийно возникшим тут в давние годы деревенским порядком приземистых саманных лачужек, взломала, перечеркнула этот старый порядок, спихнула его со своего пути. Их прежние обитатели переселились, по-видимому, в эти двухэтажные дома.

2

Оказалось, что мы ехали с Сергеем Сергеевичем Сдобниковым от Целинограда одним поездом.

— Делал доклад на краевом совещании о сроках сева, — первое, что сказал мне старый знакомый. — Понятно?!

В этом коротком и, казалось бы, заурядном сообщении — подумаешь, событие! — таился ясный нам обоим большой подтекст: к голосу ученых целины здесь теперь внимательно прислушиваются.

— Сеять решено в оптимальные сроки, — торжествующе сообщил Сдобников.

И тут торжествующий тон ученого тоже вполне оправдан. Вообще-то всегда и везде надо сеять в оптимальные сроки. Но на целине до сегодняшнего дня, точнее, до девятой весны, оптимальные сроки учеными и их оппонентами-практиками понимались по-разному. Существовала руководящая линия: сеять как можно раньше, едва почва поспеет, то есть в конце апреля или в первых числах мая. Ученые считали, что оптимальные сроки наступают позже. Почему? Целинный климат — изучен он достаточно — имеет свои особенности. Длинная, недружная весна с затяжными холодами. Если сеять рано — пусть даже в спелую почву, — то всходы долго будут угнетаться майскими холодами. А после них сразу начинается июньская засуха. Естественно, в таком режиме растение не может развиваться нормально. И к середине августа, когда наступает срок уборки, косить приходится частью уже осыпавшийся, частью еще зеленый и только частью поспевший хлеб.

Если же с севом не торопиться, а провести его вовремя, то растения в той фазе развития, когда им требуется наибольшее количество влаги и питания, попадают как раз под июньско-июльские дожди. И дожди, как говорят здесь агрономы, попадают хлебам «прямо в рот». Тогда-то урожай обеспечен.

Есть у ранних сроков сева еще один недостаток. При ранних сроках сева практически невозможно бороться со злостным сорняком — овсюгом. Он поднимается вместе с пшеницей, и тогда его ничем не возьмешь. Даже с помощью химии. Овсюг — злак, и обычные гербициды ему так же не страшны, как не страшны они пшенице.

Вот почему ученые на целине предлагают: «Сеять не как можно раньше, а в оптимальные сроки, чтобы летние дожди попадали растениям «прямо в рот» и чтобы до посева зерновых проводилась борьба с сорняками». Именно за такие призывы ученым-шортандинцам и доставалось до последнего времени от их оппонентов.

Разумеется, у оппонентов были свои «веские» основания. Во-первых, многих устраивали самые ранние сроки сева потому, что чем раньше начнешь сеять, тем раньше сможешь доложить «наверх» о досрочном выполнении плана сева. Во-вторых, если в хозяйствах, подведомственных оппонентам, к севу подготовились неважно, то, начав сеять в сверхранние сроки, едва успеешь отсеяться в сверхпоздние. А если послушаешься ученых, то при существующем положении дел вообще весной не успеешь отсеяться.

Недобрую службу целинникам сослужили некоторые ученые из центральных областей страны, которые, не очень-то хорошо зная особенности целинного климата, вовсе игнорировали мнения старожилов. На основе исключительно умозрительных заключений они горячо поддержали сторонников ранних сроков.

Два года назад, холодным весенним днем, я был свидетелем того, как директор одного из лучших в крае совхозов, Чистовского, в Северо-Казахстанской области, И. К. Темирбеков дипломатничал с районными властями, чтобы не выполнить их приказ и не начать сев в слишком ранние сроки. Темирбеков только что приехал из Москвы, где встречался с большим знатоком сибирского земледелия Терентием Семеновичем Мальцевым. Тот и сказал ему: «Кто нынче поторопится с севом, останется без хлеба». Хорошо Мальцеву, у которого всесоюзный авторитет. А Темирбекову каждый день напоминали: «Подводишь район!..»

Не будем рассказывать о способах, к которым прибегали Темирбеков и другие директора совхозов, председатели колхозов, чтобы рапортовать о своих успехах не весной, а после сбора уро-

МИР через 20 ЛЕТ

Вячеслав ПЕТРОВ,
рабочий станкостроительного завода
(СССР)

...Каким я представляю мир через 20 лет?

Самую большую опасность для счастья трудящихся всего мира представляет угроза войны. Поэтому и я и все люди земного шара хотим представить себе нашу планету без грозной тени оружия, без насилия, без рабства.

Через 20 лет будет учрежден — я уверен в этом! — праздник трудящихся всех стран: «ДЕНЬ МИРА».

Рауль Маснас ФРАНКО,
председатель Национальной коллегии архитекторов
(Куба)

...Мир в целом, по моему мнению, претерпит за 20 лет существенные изменения. Навсегда будет уничтожена угроза войны, мир станет естественным состоянием человека. Навсегда исчезнут империализм и колониализм, которые уже находятся в состоянии агонии, хотя не перестают быть агрессивными и кровожадными, безнадежно цепляющимися за старое. Социалистический лагерь значительно расширится на всех континентах.

ВРАГ НОМЕР ДВА

Вот о чем говорит статистика: рак является врагом «номер два» человека, уступая первое место только сердечным заболеваниям. И поэтому не случайно, что борьба с врагом «номер два» приняла интернациональный характер. Всемирный противораковый союз объединяет онкологов 80 стран мира. Врага номер два атакуют не только хирурги, как было когда-то. Сегодня с ним воюют химики и физики, рентгенологи и радиологи, биохимики и цитологи, генетики и эндокринологи, инженеры-конструкторы и специалисты по электронике. Вся мощь современной науки и техники мобилизуется на штурм этого врага человечества.

Накануне VIII Всемирного противоракового конгресса наш корреспондент обратился к главе советской онкологии, ПРЕЗИДЕНТУ АКАДЕМИИ МЕДИЦИНСКИХ НАУК СССР, ПРОФЕССОРУ Н. Н. БЛОХИНУ и попросил его рассказать о том, что нового достигнуто за последние годы наукой и практикой в борьбе против рака.

Прежде всего мы попросили Николая Николаевича Блохина, поскольку он сам по специальности хирург, рассказать о достижениях хирургов, «в плену» у которых, как иногда шутят ученые, находится проблема рака. Какие нововведения нашли применение в хирургической технике?

— Хирургия,— ответил Н. Н. Блохин,— не только не сдала свои позиции, но, наоборот, масштаб ее вторжения в противораковую борьбу даже расширился. Сегодня хирург бесстрашно оперирует любую часть тела, даже легкие, а это недавно считалось абсолютно невозможным. При этом хирургия не конкурирует с другими методами лечения, а в ряде случаев применяется в сочетании с ними.

Если говорить об усовершенствовании методов хирургии и техники, ее обслуживающей, то нельзя не отметить новых мероприятий по обезболиванию операций, по борьбе с операционным шоком, по переливанию крови, по технике сшивания некоторых внутренних органов. Все шире в нашу практику внедряется производство операций электрическим ножом, с помощью которого ткани рассекаются и тут же прижигаются — свариваются.

Весьма неожиданное применение в онкологии, в частности при лечении некоторых опухолей рук и ног, нашли аппараты искусственного кровообращения, которые используются при сложных операциях на сердце. Имеются лекарственные препараты, полезные для борьбы с этими опухолями, но опасные по своей токсичности для всего организма. Чтобы устранить вредные последствия, кровеносная система конечности, скажем, ноги, отключается от общего кровообращения организма оперируемого и соединяется с аппаратом искусственного кровообращения. Теперь уже не опасно насытить кровь в аппарате химическим соединением, гибельным для клеток опухоли ноги. После такого «промывания», длящегося часа полтора, сосуды ноги снова включаются в общую кровеносную систему больного. Этот метод находится еще в стадии изучения, хотя уже сейчас сделано более двадцати таких операций.

— Что нового имеется в лечении рака с помощью лучевой терапии? Что интересного сделано за последнее время рентгенологами и радиологами?

— Лучевая терапия, — сказал профессор Блохин,— еще относительно молода. Если рентгеновыми лучами, а затем излучениями радия медицина начала овладевать в начале нынешнего столетия, то применение различных радиоактивных изотопов стало возможным лишь в недавнем прошлом.

Новые ротационные рентгеновские аппараты, в которых излучение действует лишь на опухоль, не повреждая здоровых тканей, все чаще находят применение при лечении рака пищевода и легких.

Довольно перспективно применение в онкологии изотопов и меченых соединений.

Лучистая энергия — не только терапевтическое лечение. Весьма велика ее роль в диагностике рака и особенно в научно-исследовательской работе.

Третий вопрос, который корреспондент «Огонька» поставил перед профессором Блохиным, касался создания лекарственных веществ; речь шла не только о химиотерапии, но и о новом направлении в онкологии — биотерапии рака, начало которому положили советские ученые — профессора Н. Г. Клюева и Г. И. Роскин.

жая. Заметим лишь, что такие способы существуют...

— Так вот, договорились в крае сеять этой весной во второй декаде мая, — говорит улыбающийся Сдобников, и эта короткая, негромкая фраза звучит, как салют победы.

3

Это было в воскресенье 22 апреля 1962 года. Мы условились с директором института Александром Ивановичем Бараевым встретиться у него дома. В назначенный час я поднимался по лестнице на второй этаж. Бараев в полном снаряжении для дальней дороги спускался мне навстречу.

— Аппарат с вами? Вам здорово повезло! — Он был в радостном, возбужденном состоянии. — Сейчас приедет машина. Захватит нашего старшего научного сотрудника Госсена. Ему специально поручено изучать ветровую эрозию. Все увидите своими глазами...

Еще до знакомства с Александром Ивановичем я знал, что ветровая эрозия — его «конек». Он изучал это явление не только у нас, но и в Канаде. Где только можно и как только можно, Бараев старался привлечь к борьбе с эрозией внимание ученых и хозяйственников, партийные и советские органы.

Ветровая эрозия — разрушение, а точнее, уничтожение ветром верхнего плодороднейшего слоя почвы. Бывали случаи на Северном Кавказе и на Украине, когда черные бури поднимали в воздух почву вместе с семенами и уносили ее за сотни километров, а вскоре выпадали черные дожди в Прибалтике. Иногда, при интенсивных бурях, приходится по нескольку раз пересевать сотни тысяч гектаров.

Но на Украине черные бури случаются сравнительно редко, а потому отношение к ним там такое же, как к неожиданному стихийному бедствию, как, например, к граду или лету без единого дождя. На целине, до ее сплошной распашки, сильные весенние ветры тоже не составляли большой опасности. Эрозии подвергались лишь давно паханные почвы. До 1954 года таких массивов было немного. Иное дело сейчас. На целине вот уже несколько лет одни и те же поля безостановочно пашут, боронуют, лущат, культивируют, и то тут, то там зазвучали тревожные сигналы. Началось это с Павлодарской области, где почвы особенно легки из-за большого содержания песка. С 1955 по 1957 год в Павлодарской области погибло от выдувания около трехсот тысяч гектаров пшеницы, сильно повреждено было сто тысяч гектаров. Большие неприятности пережили павлодарцы из-за эрозии и в 1959 году. А в прошлом году в области подверглось ветровой эрозии свыше 456 тысяч гектаров. К девятому целинному году опасная зона в крае расширилась до 4 миллионов 200 тысяч гектаров.

Но в масштабе бескрайних целинных просторов, насчитывающих десятки миллионов гектаров, какие-то несколько сотен тысяч пересеянных гектаров — небольшой процент. Гром еще не грянул, и Бараева кое-кто за глаза называет паникером.

— Вот бы их всех сегодня сюда! — говорит Бараев.

В кабинете это был спокойный, с мягкими жестами, приятный собеседник. Теперь Бараев напоминал пожарного во время пожара или моряка в бурю. То он пристально вглядывался прямо перед собой, где над горизонтом поднимались струи улетающей почвы, словно кто-то заложил по всей поверхности поля дымовые шашки и зажег их, как перед начинающейся штыковой атакой. То, перегибаясь через спинку сиденья, показывал мне и Госсену, как черные тучи, похожие на клочья паровозного дыма, перелетали через 20-метровой высоты лесозащитные полосы, вздымаясь все выше и выше, к самому небу, и трудно было поверить, что это не паровозный дым и не разорванные в клочья резким ветром низкие дождевые тучи, а земля, тяжелая земля, кубометр которой весит около тонны.

— При сегодняшнем ветре с гектара за час уносит пять тонн,— уточнил Госсен.

— Вот это несет! Вот это несет! — повторял Бараев. — У нашего овощевода, — сказал он Госсену, — унесло сегодня девять гектаров огородов вместе с семенами. Интересно, будут ли они теперь считать нас с вами паникерами?

— Шестнадцать метров в секунду, — уточнил Эрвин Госсен, когда мы вылезли из машины на край дымящегося поля и он выставил на ветер анемометр, прибор, похожий на небольшой будильник с вертушкой из четырех крестообразно соединенных чашечек, слившихся на ветру в сплошное темное кольцо.

— Снимайте,— посоветовал мне Бараев.

Но снимать летящую над полем землю — все равно, что снимать сумерки или туман. Фотографам еще удается сделать такие снимки, когда на различном расстоянии от аппарата находятся какие-либо предметы. В поле же не было ничего, кроме темной земли, темного воздуха, темного поднебесья. На зубах скрипел песок, и веки приходилось смыкать, оставляя под ресницами небольшую щелочку, сквозь которую можно было смотреть, да и то лишь когда стоишь спиной к ветру. Против ветра, когда мы возвращались к машине, приходилось идти, глядя на свои ноги и ориентируясь по тому, откуда дует. Шли мы по полю, которое недавно было хорошо перепахано, проборонено, выровнено. Но ступать по земле было легко.

— Как на танцплощадке,— определил Эрвин Госсен.

Верхнего разрыхленного слоя не осталось и в помине. На поверхности, словно утрамбованной, виднелись лишь царапины от дисков сеялки. Значит, унесло весь почвенный слой до глубины заделки семян, а вместе с почвой и семена.

— Красиво? — спросил Бараев, когда машина мчалась на другой край институтской земли и клочья почвенного дыма обгоняли наш автомобиль, на спидометре которого стрелка показывала скорость 60 километров.

Иногда, это случалось главным образом на взлобках, машина словно влетала в дымовую завесу, и Герасим, наш водитель, хотя и знал, что тут теперь не встретишь ни души, резко снижал скорость, и мы двигались, как самолет в слепом полете.

— А знаете, почему это поле дымит сильнее всех? — обернулся

— Уже сегодня,— ответил профессор,— мы применяем в практике с теми или иными результатами более двух десятков препаратов против раковых заболеваний.

Характерно, что некоторые химические соединения, вынесенные из лаборатории, где они проходили проверку на животных, на практике оказывались действительными не против тех видов рака, для борьбы с которыми они предназначались, а против других. Так, например, препарат сарколизин, созданный профессором Л. Ф. Ларионовым в содружестве с О. С. Васиной, А. С. Хохловым, и Е. Н. Шкодинской, успешно испытывался в лаборатории на крысах против саркомы (отсюда и название препарата). В клинике же сарколизин против саркомы оказался неэффективным, но зато показал успешное действие против семиномы и некоторых других форм рака.

В практике нашли применение и другие химические препараты, например, омаин, успешно применяемый при раке кожи. Создатели этого препарата—Г. П. Меньшиков и Е. М. Вермель. Попутно отмечу, что этот вид ракового заболевания излечивается современными методами почти всегда (в 95 процентах случаев), что в значительной степени объясняется возможностью его раннего распознавания: рак кожи, как правило, на виду. А ведь 25—30 лет назад смертность от рака кожи была относительно большой.

Коллективы советских химиков, руководимые академиком И. Л. Кнунянцем, членом-корреспондентом Академии наук СССР Н. М. Эмануэлем и другими, активно работают над изысканием новых противораковых средств, сотрудничая с биологами и врачами, изучающими новые препараты.

— Необходимо заметить,— продолжал Николай Николаевич,— что к делу противораковой борьбы иногда «приключаются» дельцы и невежды — «кваки», как их называют в США. Подчас несведущие люди подымают шумиху по поводу различных открытий, которые после проверки оказываются не только бесполезными при лечении рака, но даже вредными.

Что касается биотерапии рака, то она имеет безусловное право на существование. Работа, которую проделали профессора Г. И. Роскин и Н. Г. Клюева, имеет принципиальное значение. Они вызвали интерес к биотерапии рака. В последнее время разработан ряд лекарственных веществ антибиотического происхождения как в нашей стране, так и за границей. Так, например, советский ученый В. С. Деркач разработал симптоматический препарат неоцид, применяемый при заболеваниях некоторыми видами рака. Однако существующие препараты из группы антибиотиков пока еще не имеют большого значения в лечении опухолей.

Положительные результаты дает в отдельных случаях гормонотерапия, на базе которой созданы лекарственные вещества против опухолей молочной железы и рака простаты.

— Ожидаются ли на конгрессе сообщения о каких-либо выдающихся открытиях, еще нигде не обнародованных! — спросили мы у нашего собеседника.

— Не думаю,— ответил Н. Н. Блохин,— чтобы кто-либо из ученых специально берег для конгресса сделанное им открытие. Если бы были открыты какие-либо принципиально новые способы лечения рака, то они стали бы известны и раньше. Нет, ученые не ждут от конгресса сенсаций. Мы обойдемся и без них и не сомневаемся, что VIII конгресс будет иметь большое значение для дальнейшего развития исследований по онкологии, для расширения и укрепления международных научных связей.

* * *

В то время, как шла беседа с президентом академии, поездами, самолетами и пароходами в Москву направлялись многочисленные участники этого небывалого по масштабам форума ученых — VIII Всемирного противоракового конгресса. Картотека в оргкомитете лаконично рассказывала о том, кто приезжает в столицу Советского Союза.

...Англия. Среди десятков своих коллег — один из основателей противораковой химиотерапии, профессор Хеддоу. Ему принадлежит заслуга применения уретана, едва ли не первого химического препарата, использованного против рака.

Из Соединенных Штатов Америки приезжает несколько сот ученых. Работы многих из них получили мировое признание.

Когда мы подготавливали этот репортаж, в Москву должен был выехать известный клиницист и экспериментатор Лакасань, ряд лет руководивший институтом радия в Париже. В числе французских ученых онколог Матэ, имя которого связано со смелым экспериментом лечения группы югославских ученых, ставших жертвами радиоактивного излучения.

В картотеке заявок на участие в конгрессе — имя румынского ученого Октава Костакола, директора Бухарестского онкологического института, сочетающего в своей деятельности лучи рентгена с химиотерапией.

В отряде онкологов с Востока — крупнейший японский ученый Йошида, получивший мировое признание своими работами по изучению воздействия на живой организм так называемых азо-красителей, с помощью которых Йошида вызывал у крыс рак печени.

VIII Всемирный противораковый конгресс — своеобразный смотр сил перед новым, может быть, решающим наступлением. Штурм врага «номер два» продолжается...

Бараев и тут же ответил: — Его пашут вот уже двадцать пять лет, с тех самых времен, как сюда приехал наш Валентин Петрович Кузьмин и основал здесь Шортандинскую опытную станцию. И если мы не перестанем безжалостно пахать все целинные поля, от ветровой эрозии не спастись. Надо с этим кончать, и немедленно!

С чем кончать? Кончать обрабатывать поля? Для чего же мы пришли в этот край? Не для того же, чтобы попользоваться этой землей один-два десятка лет и, приведя ее в запустение, бросить!

Машина перебралась через железную дорогу, за тот новый городок двухэтажных домов, который я заметил еще с поезда, и остановилась на горушке. Отсюда открывался вид на поле, разделенное на четыре равные части. Теперь я понял, почему это поле Бараев «припрятал» на конец нашей поездки.

Один прямоугольник поля был обработан обычным способом, и тут «несло» в полную силу: верхний почвенный слой таял буквально по часам. Рядом был прямоугольник, обработанный безотвальными мальцевскими плугами. Это поле тоже дымилось, хотя и не так сильно, как первое. На третьем и четвертом полях воздух был прозрачен, а ветер мог терзать своими ураганными порывами лишь оставшееся после прошлогоднего урожая жнивье, или, как принято называть его здесь украинским словом, стерню, хотя тут после уборки урожая пахали зябь, а весной и летом провели несколько культиваций. Стерня держит почву так же крепко, как арматура цемент.

— А ведь эти поля обработаны и плугами и культиваторами, и, не уничтожая стерню, мы проведем на них посев. Стерня в борьбе с ветровой эрозией у нас, на целине, — единственное действенное средство. И мы знаем, как обрабатывать почву с сохранением стерни. Но, к сожалению, у нас нет единого мнения — даже в институте, а на целине и подавно,— что малейшее промедление с внедрением нового способа обработки почвы смерти подобно.

Потом на демонстрационной площадке института мы еще раз осмотрели машины, которым суждено победить ветровую эрозию. Роль плуга призван выполнять глубокорыхлитель-плоскорез. Он так же непохож на своего предка видом, как и названием. Представьте себе миниатюрный с размахом крыльев в один метр реактивный истребитель без хвостового оперения, опущенный под землю на тонкой и плоской, как нож, стойке. Двигаясь под стернею, истребитель рыхлит, крошит, измельчает почву, истребляет сорняки, оставляя стерню невредимой. Тонкая стойка режет верхний почвенный слой, как нож масло, и неопытный глаз даже не заметит, что поле перепахано. У плоскореза два таких «истребителя», и способны они лететь под землей на глубине до сорока пяти сантиметров. Есть «истребители» с размахом крыльев в два с половиной метра. Такие, тоже действующие в паре, рыхлят почву на глубину до четырнадцати сантиметров и называются культиваторами-плоскорезами. И я не оговорился, сказав про «истребители», что они не ползут, как плуг, а летят под землей. Форма крыльев, словно форму их отрабатывали с помощью аэродинамической трубы, позволяет вести работу на высоких скоростях. И новые орудия, как оказалось, не только помогают бороться с эрозией, но они куда производительнее и экономичнее старых.

Оставленная на поле стерня, спасая почву от выветривания, способна сослужить несколько служб сразу. Не дает почве глубоко промерзать. Удерживает снег. Мешает полой воде размывать почву, то есть ликвидирует водную эрозию. А в засушливом целинном климате еще и сокращает испарение драгоценной влаги. И урожаи при сохранении стерни получаются выше. Единственное от нее, от стерни, неудобство: с обычными сеялками в нее не заедешь. Но уже есть и специальные постерневые сеялки, которые работают не хуже обычных. Все есть!

Когда в последний свой приезд на целину товарищ Н. С. Хрущев был в институте, он одобрительно отозвался о новых машинах. Машины уже запущены в серию. В этом году целинники начнут получать их с сибирских и украинских заводов. Надо, чтобы эти машины не стояли в хозяйствах. А такая опасность есть и будет существовать до тех пор, пока ветровую эрозию не перестанут считать выдумкой ученых.

— В конце прошлого и начале нашего века, — рассказывает Бараев, — канадцы, как и мы сейчас, осваивали у себя целину. Они тоже, как и мы, мельчили почвы завезенными из Европы машинами. И спустя десяток-другой лет эрозия там натворила такое, что теперь иногда сотни километров проезжаешь по когда-то плодороднейшим равнинам и видишь брошенные фермы среди бесплодной пустыни. И когда ведешь с канадцем разговор о земледелии, то первое, о чем начинает рассказывать фермер, — это о том, какие меры принимаются для борьбы с ветровой эрозией. Но, знаете, как у нас многие рассуждают: «Канада далеко... Пока земля хлеб родит. А что будет через двадцать — тридцать лет... Эх! Тогда ученые что-нибудь да придумают». Мы уже связались с Кокчетавской, с Павлодарской областями, и там тоже сегодня здорово несет. Хорошо еще, что к севу не приступали... И как бы мне хотелось, чтобы сегодняшний ветер выветрил беспечность из многих голов...

От разных людей и в разных концах приходилось слышать о целине: «Неверный край. Сегодня неслыханный урожай, завтра недород». Верно. И неверно. Капризнее целинной природы не сыщешь, пожалуй, нигде на всей планете. Но тут надо сделать поправку: капризнее непеределанной целинной природы. А переделать ее, как оказалось, можно. И первые шаги в этой переделке — новая система обработки почвы, свои сроки сева, свои засухоустойчивые, холодостойкие культуры, которыми населяет край пионер целинной селекционной науки, выдающийся ученый, основатель Шортандинской опытной станции академик Валентин Петрович Кузьмин. Если положиться на доброту целины, не жди от нее милостей. А побывав в Шортандах, убеждаешься: взять эти милости силой — дело вполне осуществимое.

Нина Павлова.

Душой исполн

Гримируется Володя Священко.

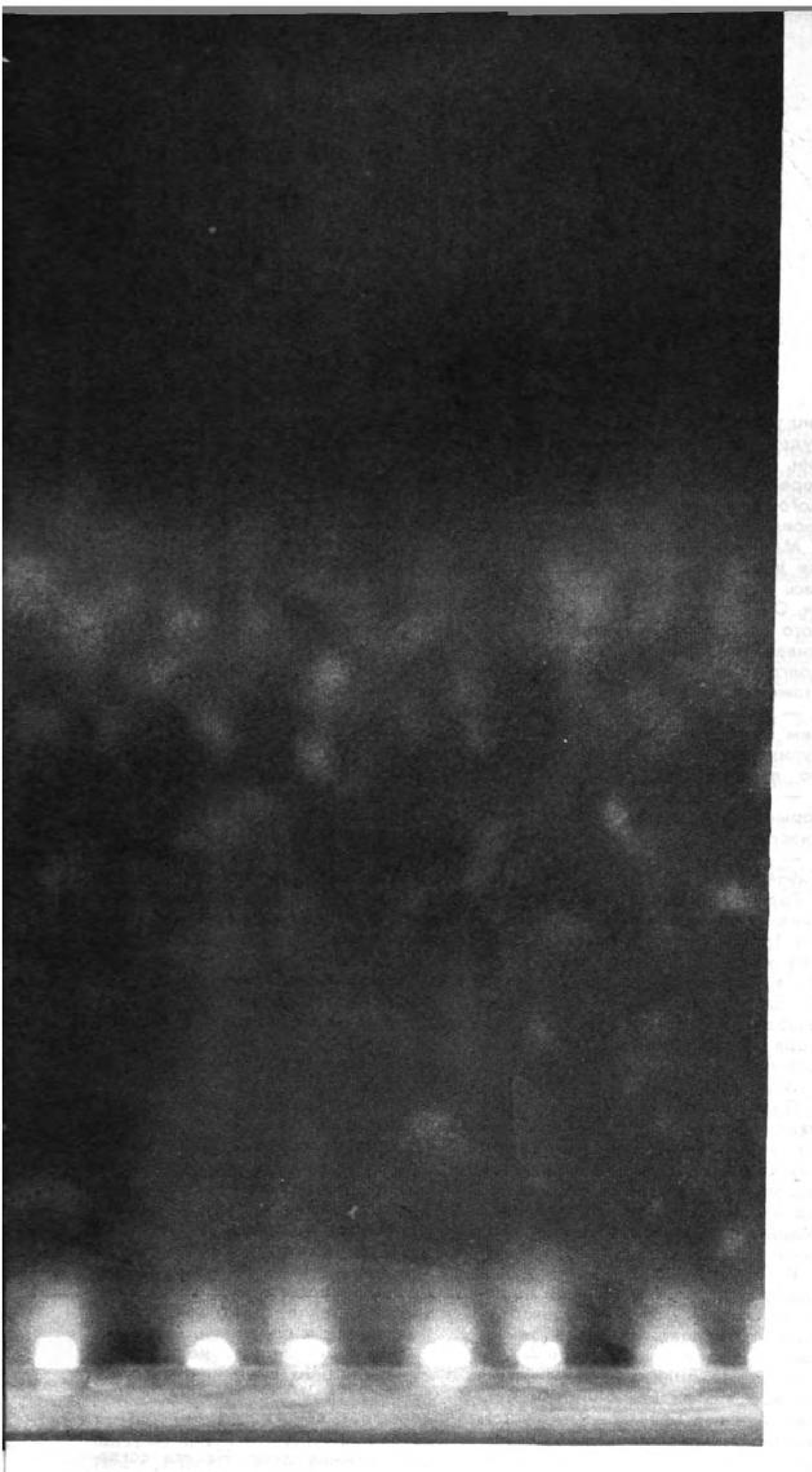

Корсары.

В антракте, перед звонком.

...енный

Л. ОСИПОВА,
Д. УХТОМСКИЙ

Народный драматический театр... Его успехи, заботы и тревоги стали частью наших будней и праздников. Но вот народный балет...

Во Дворец культуры «Ростсельмаша» мы попали в день премьеры балета Адана и Делиба «Корсар». За кулисами суетились электрики, деловито оглядывал декорации художник. Зябко поводя голыми плечиками, на сцену вышла девушка в белом хитоне. Потемневшими от волнения глазами посмотрела на еще закрытый занавес, отвернулась, неуверенно сделала несколько простых па, потом отошла к самым колосникам, разбежалась и вдруг пронеслась над сценой в легком прыжке.

— Павлова Нина! Гримироваться! — раздался голос из-за кулис.

А на сцене уже со звоном скрещивались шпаги, с веселым задором наскакивали друг на друга, вертелись вьюном ловкие, смуглые, подвижные фигуры.

— Вон посмотри,— говорил кто-то из стоящих рядом с нами,— видишь, главный корсар — это инженер Кравченко из конструкторского бюро, а тот, что с ним фехтует, из нашего цеха мастер, Юра Пащинский...

Зазвенел звонок. Сцена мгновенно опустела. Пришлось быстро пробираться в зрительный зал.

В этот раз мы не успели поговорить с руководителем балетного коллектива Ириной Алексеевной Тиме, не сумели перекинуться словом ни с кем из его участников. Но нам казалось, что мы уже знаем самое важное, самое главное: здесь относятся к искусству чисто, трепетно, увлеченно.

Потом, когда мы посмотрели балет один раз, второй, когда познакомились и подружились с артистами, наше убеждение, так сразу сложившееся, еще более окрепло.

Что-то влекло в спектакле, захватывало. И это «что-то» было не в деталях постановки и не в технической выучке танцоров. Носки балерин нельзя было назвать «стальными», а поддержки, пируэты и антраша их партнеров — безупречными. Было другое. Чувство музыки. Восхищенное проникновение в самую душу танца.

И нельзя было хвалить кого-то одного: Медору — Нину Павлову, Гюльнару — Свету Масаневу, Бирбанто — Володю Дер229ужинского... Хвалить приходилось всех, потому что в каждом номере, в каждом танце были свои краски, свой характер, свое откровение. И даже те, кто выходил на сцену в роли «без слов», жили в спектакле.

Мы попытались разобраться, откуда это шло.

— Ребята у нас удивительные, просто какие-то одержимые, честное слово,— рассказала Ирина Алексеевна Тиме.— Сказать, что я от них мало требую, не могу. В нашем театре жесткая дисциплина труда. Начиная от малышей, которые занимаются в самой первой балетной группе,— при театре есть балетная студия — и кончая вот моими артистами, все привыкли, как самого страшного врага, бояться лени, разгильдяйства... Что можно сделать в танце без постоянного профессионального тренажа? А все же... Идешь иногда мимо Дворца культуры, смотришь: окна балетного класса освещены. Значит, опять собрались ребята сами, уговорили дежурного пустить их и занимаются. И завтра у них получится то, что не получалось вчера. А ведь целый день они уже отработали на заводе, некоторые из них еще и учатся... Нет, ребята — энтузиасты настоящие!

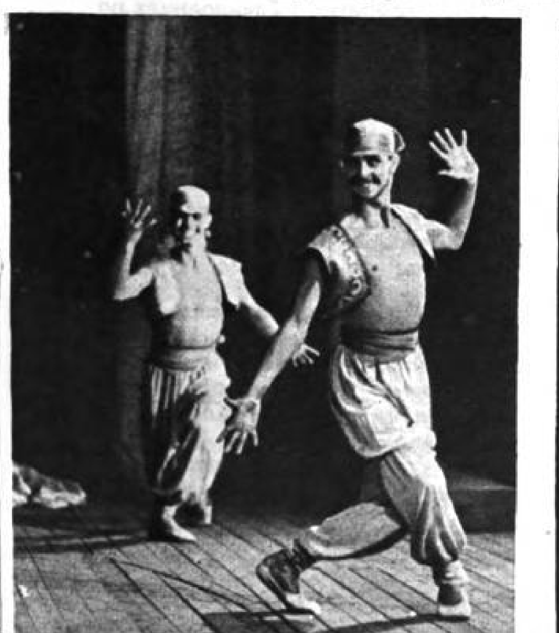
В опустевшем зале Дворца культуры мы беседуем с Виктором Кравченко.

— Знаете, искусство — удивительная вещь... Я инженер, люблю машины, точность формул, железную неизбежность выводов. Но если я хоть один день не занимаюсь танцем, — не хватает чего-то. Ходишь как придавленный. Поэтому мы с ребятами часто не разбираем, есть у нас в балетном классе занятия или нет. Приходим и работаем. И еще знаете, может, это и звучит выспренно, но красоту мира и место мое в этом мире открыл мне балет. Серьезно. Если бы я не занимался им, я был бы другим человеком. Я был бы хуже. Понимаете, нравственно, душевно хуже!..

Виктор говорил взволнованно. Ему очень хотелось убедить нас, что каждая работа (кроме «Корсара», театр поставил «Бахчисарайский фонтан» и ряд балетных сцен) для всех участников не только отчет в техническом совершенстве, но и какой-то душевный взлет.

Нам подумалось: может быть, это и было наиболее волнующим в спектакле — тяготение к тому прекрасному и большому, что может наполнить жизнь человека до краев, стремление стать лучше, чем ты есть.

Еще мало в стране народных театров балета. Пусть их будет больше!

Братья-близнецы Володя и Сережа Федянины.

Мечты сбудутся.

Нелегок путь к цветам.

Борис ИВАНОВ

ФАРФОРОВЫЙ АИСТ

I

Утро не принесло облегчения. Раздумья, глодавшие накануне его мозг, отступив за ночь, с новой силой принялись за работу. Что делать? Как поступить? Совета искать не у кого. Близкие? Они становятся чужими, как только он пытается заговорить с ними о том, что мучает его вот уже второй месяц. Весь его многолетний опыт, подсчеты — все подтверждает: правильно поступаешь, Троусил, решай быстрее, действуй. Ты же сильный человек, Йосиф Троусил! Так что же ты медлишь?

Да, Йосиф Троусил — сильный человек. Его руки немало перетряхнули всякого за сорок лет. Не потому ли они такие широкие в ладонях. Целый каравай хлеба, как голову ребенка, могут покрыть они.

— О-хо-хо! — вырвалось у Троусила сквозь зубы, он резко и шумно повернулся в постели на другой бок.

В глаза брызнуло солнце. Тысячами струй прорвалось оно сквозь тюлевые занавески, запуталось в листьях цветов, тесно уставленных в глиняных горшках на подоконнике, и желтым пшеничным снопом уперлось в голову Марийки.

Что же делать? Впервые в жизни Троусил не мог проявить своего характера до конца. А настойчивости, смелости ему не занимать. Раз он сказал себе «да», разверзнись земля — и через пропасть он перешагнет, не моргнув глазом. А сейчас? Видно, еще не пришло к нему это внутреннее решительное «да». Вернее, оно где-то стоит на пороге его сердца. Нужен лишь один толчок, и Троусил ждет его, просит, требует. «Обмяк, постарел... и все ведь она, она, чертова баба!»

Троусил зло посмотрел на жену. Марийка, сладко посапывая, спала. На ее полных губах дрожала, как у ребенка, серебряная росинка. Разбросанные по подушке волосы словно источали желтый свет.

И злость мгновенно ушла. Нежность, жалость, теплота залили всего его до краев. Он осторожно положил свою широкую ладонь на ее округлое голое плечо.

Марийка пошевелилась, потом широко открыла глаза. И в самой глуби темных зрачков тоже засветились солнечные лучики.

— Так как же, Марийка? — тихо, просяще сказал он, полный надежды услышать в ответ: «Ты, Трусик (Марийка раньше всегда ласково называла его Трусиком), ты у меня умный хозяин. Я всегда это говорила. Делай, как знаешь... А я всегда с тобой».

Но лучики в глазах Марийки погасли, и зрачки стали черными, как окна в нежилом доме.

— Опять за свое? — неласково сказала она.— Надоело, надоело! Убирайся со своим... в общем, иди ко псам собачьим... Меня тогда здесь больше не увидишь. Я выходила не за нищего Йосифа Троусила. Надоело!

Тогда-то, словно натолкнувшись на последнюю преграду и преодолев ее, и пришло это внутреннее решительное «да», после которого Троусил уже никогда не отступал. Он по-мальчишески легко встал с постели, надел брезентовые штаны и с силой хлопнул дверью. Со стоявшего рядом комода упал на пол и разбился белый фарфоровый аист — свадебный подарок, очень нравившийся им обоим.

II

Вроде все дома на один лад в селе Глюшовицы: каменные, под черепицей, с широкими окнами. Но это только на первый взгляд. Стоит пожить здесь даже немного, познакомиться с обитателями Глюшовиц — и внимательный глаз заметит, что нет в селе одинаковых домов, все они разные, как и их хозяева. Говорят, дом похож на своего хозяина. Дом Йосифа Троусила, белый, длинный, с обширным опрятным двором, и впрямь чем-то смахивал на его владельца — высокого, подтянутого блондина с веселым взглядом серых глаз.

Впрочем, слово «владелец» теперь никак не вяжется с именем Троусила, хотя любой из Глюшовиц укажет: «Вон его дом». Но это будет сказано скорее по традиции. Владельцем Йосиф Троусил перестал быть давно, с того самого утра, когда он настоял на своем. Осуществила свою угрозу и Марийка — ушла от него в тот же день. В душе Троусила теплилась надежда: одумается, вернется. Он бережно хранил фарфорового аиста с отбитой головой. Неживая изуродованная птица еще долго стояла в его комнате на этажерке.

— Черепкам место не в переднем углу,— шутили его друзья,— купил бы нового аиста, если так по душе.

— Еще нет таких денег, на которые можно было бы купить себе счастье.

— А кому ж оно нужно, разбитое-то?!

Год шел за годом, а от Марийки никаких вестей. Окольными путями Троусил узнал, что жена первые несколько недель жила у отца в Оломоуце, потом уехала в Остраву, да так где-то в шумной, озабоченной толпе большого города и затерялось Троусилово счастье.

Затерялось ли?

Поступок Йосифа Троусила вызвал вначале недоумение, а потом на много дней суды-пересуды. Шутка ли: ни с чем не посчитался человек, даже с женой! Крестьян, однако, поразил не столько уход Марийки, сколько другая сторона дела.

В Глюшовицах хозяйство Йосифа Троусила считалось если не самым богатым, то очень зажиточным: пятнадцать гектаров земли, десять коров, две лошади — словом, дом — полная чаша. И нажил он все это за какие-нибудь пять лет. А начал буквально на пустом месте. Отступающие немецкие части устроили на его усадьбе свою огневую точку. После горячего боя, в котором принимал участие и Йосиф в качестве санитара-добровольца на стороне Советской Армии, от всего его дома даже стен не осталось.

Энергичный, цепкий, расчетливый, Йосиф Троусил уже к пятидесятому году не только восстановил то, что у него было раньше, но еще и расширил хозяйство. И все больше он один: он и землепашец, он и дояр, и сам себе коммерсант. Правда, коммерцией занималась и Мария, ловкая, оборотистая женщина. Помогло и то, что Глюшовицы были недалеко от Оломоуца, областного города, где спрос на молоко и овощи никогда не падал.

Казалось бы, жить да поживать этому удачливому семейству. Путь, проверенный поколениями, верный. Так вот, поди ж ты, толкнуло мужика на другую дорогу.

В то раннее утро, когда Йосиф в сердцах хлопнул дверью, он не пошел, как обычно, задавать корм скоту, а направился к соседям: Геренкину, Скленаршу и Бенешеку. Не чета они были Троусилу: пива вдосталь не пили, а он им:

— Вот что, братцы. Давайте-ка отныне работать на одном поле. Все, что ваше,— мое, что мое, будет ваше.

— Как это «мое — ваше?» — недоуменно спросил Бенешек.— Все наше у всех троих вместе одного твоего не стоит... Ты что-то, мужик, хитрое задумал. Уж не работничков ли ищешь?

— Пустое мелешь,— ответил ему Троусил.— Мы и других в наше общество пригласим.

Нельзя сказать, чтобы в Глюшовицах ничего не слышали о коллективном ведении хозяйства. Слышали, конечно. Но многим казалось, что кооператив нужен людям победнее, чтобы, объединившись, стать крепче. Да еще при этом и сомневались: так ли уж крепче? Разное болтали о кооперативах. Особенно на базаре, куда съезжались крестьяне со всей округи. «Свое все же надежнее,— говорили мужики,— и теленок быстрее в рост идет, когда не болтанку пьет, а из одного вымени сосет». И о кооперативе в Глюшовицах активного разговора как-то не получалось. А тут, пожалуйста, не какой-нибудь безлошадный Яничек, а сам Троусил объединиться предлагает! Было чему удивиться людям, о чем подумать. Йосиф Троусил знает, где выгода лежит. С бухты-барахты такое предлагать не станет. И все же?..

— Вот что, соседи,— сказал Троусил,— сразу решить трудно. Сомнения ваши мне понятны. Приходите-ка вечером ко мне домой. Вместе все и прикинем.

Вечерами целую неделю не смолкал шум в одиноком доме Йосифа Троусила. Уже не только соседи, а все село собиралось у него в просторной горнице обсудить важное дело. Не все соглашались с вескими доводами опытного хозяина, не каждому пришлось по душе его предложение. Да и тот, кто вечерами горячо держал сторону Троусила, ночью, под собственной крышей, кряхтел, пыхтел, отбиваясь от острой на язык жены, грозившей примером Марийки.

Не сладко спалось и Йосифу.

Но кооператив в Глюшовицах по решению большинства все-таки был создан. И имя ему долго не искали. Так как в Глюшовицах, где тридцать шесть советских солдат сложили свои головы, был последний бой с фашистами на чешской земле, назвали кооператив Кооперативом чехословацко-советской дружбы.

III

Мало на свете таких людей, которые еще в юности определяют свою дорогу в жизни и идут по ней прямо и до конца. Йосиф Троусил не принадлежал к этому счастливому племени. Он собирался стать учителем музыки. Поступил в специальную школу. Был

МИР через 20 лет

Кумаити ЯМАМОТО,
президент Японской ассоциации содействия развитию международной торговли

...Моя специальность — торговля, и поэтому мне хочется представить себе прогресс в этой области.

Через двадцать лет в СССР будет построен коммунизм... Нашим близким соседом будет освоенная и экономически развитая Сибирь — край подлинного изобилия. Все экономические и политические вопросы между нашими странами будут к тому времени окончательно урегулированы, и советско-японская торговля увеличится в 10—15 раз по сравнению с сегодняшним днем...

Й АИСТ

не последним там учеником, особенно успевал по классу фортепьяно. Но дома случилась беда. Она всегда подкрадывается из-за угла. Умер старший брат. И по издревле заведенному порядку отец призвал Йосифа к земле. Мычание коров заменило чарующие звуки Дворжака.

Трудно было свыкнуться чуткому уху Троусила с новой мелодией жизни. Не повезло! Но так ли? Счастье... За какими печатями прячет его судьба? Есть легенда о двух половинках одного кольца. Каждый человек при рождении получает свою, одному ему дарованную половинку. А потом всю жизнь ищет вторую. И если встретит ее, значит, и пришло счастье. Бери его, береги и крепко держи.

Такой второй половинкой для Йосифа Троусила оказалась земля отцов. С ней и обручился он.

«Все у меня есть, полный достаток,— писал Йосиф в своем дневнике в 1950 году.— И чего-то нет. Душевного спокойствия? Дни, как звенья цепи, цепляются один за другой и все крепче приковывают меня к наделу. Ни шагу от Глюшовиц. А мир велик. Кургузая жизнь. Куда же дальше?»

И ниже:

«Улучшить породистость коров. Красно-белые — вот фабрика молока».

Еще одна страничка за тот же год:

«Трудно Геренкину. Земли мало, семья большая. И не ему одному. А я в стороне? Нет, правильно кто-то сказал: горе стучится в окно соседу — оно стучится и в твое окно, ибо ты человек, а человечество едино. Потому и сердечная боль. Так что же делать? Что предпринять, чтобы окна у всех были настежь открыты солнцу? Работать сообща. И все будут свободны от нужды, и богаче каждый».

Последняя фраза в дневнике подчеркнута карандашом трижды.

Дальше целую страницу занимают цифры. Гектары пахотной земли всех хозяйств села. Количество скота: коров, лошадей. Удобрения. Налоги. Цены. Сумма первого взноса денег. Еще какие-то цифры, не обозначенные никакой графой. И часто повторяющиеся слова: «личный опыт».

В конце страницы написано:

«Итог: ничуть не меньше каждому, чем мне сегодня. И еще выгода — время. Будет оставаться время на Дворжака, Шопена и Чайковского!»

Но Йосиф Троусил одного тогда не рассчитал — сопротивления жены Марийки, красавицы Оломоуца, как не без основания нарекли ее.

IV

Начало этой истории я услышал еще в Праге. Кое-что рассказали мне об Йосифе Троусиле его друзья. Но больше рассказал он сам.

Йосифа Троусила, председателя Кооператива чехословацко-советской дружбы, я нашел на молочнотоварной ферме, часть которой размещалась в его бывшем обширном дворе. Красно-белые коровы, одна к одной, мирно стояли в своих опрятных загончиках, пожевывая сено.

— Хороши! — с восторгом сказал Троусил.— У нас теперь все такие. Сто двадцать девять голов. Идемте в дом. Вам, городским, этот дух непривычен.

Троусил в вязаной шапочке, надвинутой на самый затылок, в резиновых сапогах с короткими голенищами, быстро провел меня к себе и усадил за стол.

— С чего начнем? — спросил он, и в серых глазах его вспыхнула улыбка.— По нашей традиции, надо бы с пива. Не возражаете? У меня ведь еще праздник не кончился.

Накануне Йосиф был у президента республики Антонина Новотного, который вручил ему Золотую медаль Героя Социалистического Труда.

За жемчужным пльзенским пивом время бежало незаметно. Йосиф не только рассказывал, но и показывал: альбомы фотографий о своей поездке по Советскому Союзу, виды Сочи, где он в прошлом году отдыхал. Раскрыл он и толстую тетрадь в клеенчатой обложке — свой дневник.

Руки его, широкие в ладонях, с длинными пальцами музыканта, то покоились на столе, то вдруг взлетали над головой, когда рассказ касался чего-нибудь особенно памятного и приятного.

Кооператив стал теперь чем-то вроде учебного центра.

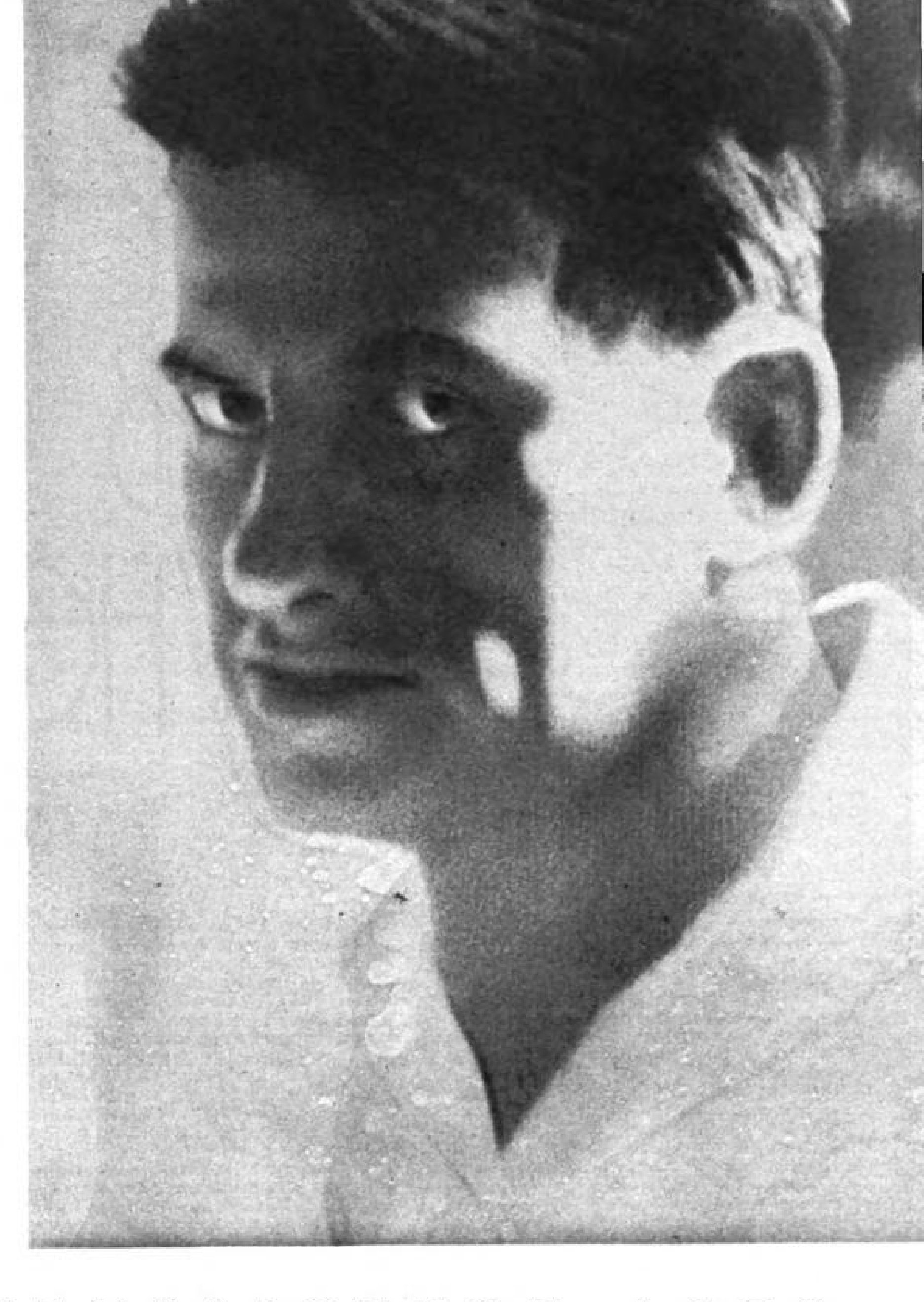
В Глюшовицы приезжают животноводы со всей страны. Шутка ли, здесь на ферме нет коровы, которая давала бы меньше шести тысяч литров молока! Полеводы собирают самые высокие урожаи свеклы, кукурузы. Что ни дом — полная чаша. Кооператоры отказались не только от личного скота, но и от приусадебных участков. Появилась и выгода, о которой писал в дневнике Троусил,— время. Жители Глюшовиц много теперь видят. Своя библиотека, клуб, музыкальный кружок. Не пропали даром знания, полученные Троусилом в музыкальной школе. Двухнедельный оплачиваемый отпуск кооператоры, как правило, проводят в путешествиях на общественном автобусе, кто любит компанию, либо на собственных автомобилях. В каждой семье кооператора свой легковой автомобиль! А было — лошадь не у каждого.

А что с Марийкой?

Может, и она нашла вторую половину кольца? Кто знает...

Разбитого аиста на этажерке в комнате Йосифа Троусила давно уже нет.

Фарфор — слишком хрупкий материал для счастья.

НЕИЗВЕСТНОЕ ФОТО МАЯКОВСКОГО

Маяковский много путешествовал. Ведь он считал выступления своей второй профессией. Ежегодно он бывал в Крыму, но не отдыхал там, а работал весьма интенсивно. Помимо непосредственно посвященных Крыму стихотворений, там в 1926 году написано «Товарищу Нетте — пароходу и человеку», а спустя год дописывалась поэма «Хорошо!».

На одном из вечеров в Крыму Маяковский сказал:

— Сюда съезжаются со всего Советского Союза. Тебя слушают одновременно и рабочие, и колхозники, и интеллигенты. Приходят люди из таких мест, куда ты в жизни не попадешь. Они разъедутся по своим углам и будут пропагандировать стихи, а это — моя основная цель.

В Крыму Маяковский общался с московскими артистами. Помню еще только начинавшего Лемешева, которого Маяковский впервые слушал в ялтинском курзале и которому, кстати, предсказывал большую будущность. В Ялте он встречался и с П. Полем, Ю. Солнцевой, в Евпатории — с Вл. Хенкиным. Много у Маяковского друзей было в театре Мейерхольда, из них любимейший — Игорь Ильинский.

— Обожаю его в «Клопе», — говорил Маяковский,— но он замечателен во всех ролях.

Летом 1929 года Владимир Владимирович, нарушив свой обычай, направился на Кавказ. Штаб-квартирой были Сочи, откуда поэт выезжал на близлежащие курорты. В Хосте находилась группа артистов, многие из которых дружной компанией поселились в пансионе. Среди них знакомые Маяковского: Илющенко, Михаловская, Полонская, Асаф Мессерер, Царман, киноактриса Судакевич.

Александр Царман не раз снимал Маяковского. К сожалению, большинство негативов и фотографий пропало, а из оставшихся многие, качественно слабые, не могут быть воспроизведены.

Публикуемый снимок мне кажется весьма своеобразным. Маяковский снят на террасе пансиона.

П. ЛАВУТ

МИР через 20 лет

Джо УОЛЛЕС,
поэт (Канада)

...Я верю — вместе с мистером Хрущевым, — что наши дети будут жить при коммунизме. Образование Новой демократической партии, возникшей совсем недавно, свидетельствует о том, что миллионы людей в моей стране начинают политически мыслить. И это мое убеждение подтверждает готовность канадских рабочих бастовать и бороться за свои права, вопреки воле реакционного профсоюзного руководства, несмотря на угрозу остаться без работы...

Гостей в Арктике не бывает...

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

Гостей в Арктике не бывает. Прилетел — включайся в общую жизнь, не ожидая, что кто-то будет здесь с тобой возиться.

Начальник станции «Северный полюс-10» Николай Александрович Корнилов, которому я представился, выйдя из вертолета, первым делом отправил меня откапывать раскладушку.

— Поселишься в домике аэрологов, денек осмотрись, а завтра заступишь дежурным по камбузу.

Есть на станциях такая традиция — каждый вновь прибывший идет на камбуз: мытье посуды — дело всем настолько надоевшее, что любая разрядка в графике дежурства просто необходима.

Раскладушка была извлечена из глубокого сугроба. Если бы меня спросили, чего больше всего на Севере после льда и снега, я бы, не задумываясь, ответил: бочек, газовых баллонов и раскладушек. Освободившиеся железные бочки — вещь универсальная: они служат как умывальники и печки, ящики для мусора и вехи на аэродромах. В одном поселке из них даже сложена ледяная горка для катания. Повсюду можно увидеть торчащие из-под снега красные макушки баллонов и рядом с ними целые вязанки раскладушек — предметы первой необходимости.

В домик аэрологов меня проводил Вася Митрофанов — самый молодой и самый бородатый из зимовщиков, его здесь величают «министром культуры», он выполняет обязанности культорга, и уж кому, как не ему, принимать представителей прессы!

Вася выдал мне спальный мешок, и на этом «устройство» закончилось.

Мытье посуды оказалось занятием весьма полезным: за день моего дежурства в кают-компании трижды побывали все зимовщики, и была возможность с каждым познакомиться. В ином случае пришлось бы обходить все домики, отрывать людей от дела.

Перед завтраком, открывая новый ящик бифштексов, мы с поваром Степаном Пестовым увидели листок бумаги и прочитали маленькое послание:

«Дорогие друзья-полярники. Мы посылаем вам свою продукцию и просим сообщить, понравились ли полуфабрикаты. Желаем вам хорошего здоровья и больших успехов в труде. С горячим приветом и наилучшими пожеланиями работницы Московского мясокомбината Аня Платонова и Лена Максимкина».

Это натолкнуло на мысль познакомиться с переписной станции, чему я и посвятил свободное время между завтраком и обедом.

Пишут люди самые разные. Школьники из Конотопа просят прислать фотографии для своего «Арктического альбома», их ташкентские сверстники просто спрашивают, как идут дела на станции. Чехословацкие пионеры из девятилетней школы в Кладрубах у Стршибра хотят узнать «о жизни в необъятном крае снега и льда...».

Профессор Евдокимов-Рокотовский из Горького интересуется полюсом относительной недоступности. Московская студентка Людмила Миловидова желает пополнить свою коллекцию самыми северными автографами. Семья архитектора Бельского из Сызрани и Сафоновы из Электростали поздравляют с праздником и желают здоровья...

А вот конверт с переадресовкой, написано: «Мурманск, Полярная станция», и приписка «СП-10». Пишут работники Новозыбковского овощного госсортоучастка: «Убедительно просим выслать наложенным платежом семена ранней капусты № 1-К-206 1 кг».

Это письмо вызвало общий восторг, хотя новозыбковцы тут вовсе ни при чем, — верно, на почте кто-то с легкой руки адресовал его не по назначению.

Людмила Покателюк из Туапсе пишет по-деловому: «Учусь в Гидрометтехникуме, хочу после окончания поехать в Арктику, на Северный полюс. Напишите, есть ли метеостанции, берут ли девушек и можно ли, работая там, заочно учиться?»

Дорогая Людмила Покателюк! Метеостанции, конечно, есть, и учиться заочно можно, хотя и трудно: ведь здесь четверо аэрологов выполняют такую работу, для которой в обычных условиях требуется человек двадцать. А вот девушек не берут. Тут и мужчинам трудно, на их плечи ложится много нелегких обязанностей. Часть запасов горючего и продовольствия находится на резервных базах, в нескольких километрах от лагеря,— их приходится подвозить. Да и на самой станции часты авралы — после очередной пурги нужно вновь и вновь извлекать из-под снега имущество (эту работу здесь в шутку называют «археологией»), обкапывать домики, освобождать полозья, на которых они стоят, чтобы в аварийной обстановке их можно было быстро перетащить трактором на другое место. Много сил затрачивается и на строительство аэродромов — не успеют сделать и «обжить» один, как его уже разломало, и необходимо расчищать новую площадку. А ведь это все не главные дела.

Основная работа — это круглосуточные научные наблюдения. Они помогают обеспечивать беспрепятственное движение самолетов и кораблей, познавать закономерности дрейфа льдов, течений и погоды. Полгода здесь полярная ночь, и все трудности нужно перемножить на темноту.

Но если вас так сильно тянет в Арктику, не падайте духом: можно работать на береговых зимовках, туда берут и женщин. Только знайте, что романтика Арктики — прежде всего труд, будничный и тяжелый, в этом убеждается каждый, кто хоть неделю побудет среди полярников.

...После обеда пришла свежая почта, и когда все собрались на ужин, в кают-компании появился Корнилов с объемистым свертком под мышкой. Увидал, как я орудую губкой, привязанной к палке («изобретение», принятое впоследствии на вооружение всеми дежурными), и весело изрек:

— Голова!

Потом развернул сверток и объявил:

— Папиросы кременчугской табачной фабрики. Подарок смены коммунистического труда. Сделано собственноручно Ниной Галайдой, Тоней Мерной и тремя Валями — Клочко, Дон и Булах! Вопросы есть? Нет! Тогда у меня вопрос: кто может перевести с немецкого?

Пришлось мне применить свои более чем скромные познания и взяться за перевод. Писал инженер Рудольф Кирсте из города Глаухау. Он рассказывал о своем давнем увлечении работами полярных исследователей и желал завязать переписку.

После ужина, как обычно, крутили кино. Наш народ так заботится о своих полярниках, что они абсолютно ни в чем не нуждаются: отличное питание, одежда буквально на все случаи жизни, на «складе» Васи Митрофанова около восьмидесяти кинокартин, даже елочку к Новому году не забыли прислать — и по сей день стоит она, не осыпаясь, возле мачты, на которой развевается флаг державы, пославшей на полюс сынов своих. И на этой льдине, продрейфовавшей за полгода более тысячи километров по просторам Северного Ледовитого океана, такая же кипучая жизнь, как в любом уголке родной страны.

Молодые ученые проводят дополнительные, не предусмотренные программой наблюдения, в свободное время играют по радио в шахматы с коллективом обсерватории «Дружная», что на острове Хейса в архипелаге Земли Франца-Иосифа, читают книги, поют песни... Занимаются в кружке английского языка. И второй кружок — по изучению дизелей и вождению трактора — необходимейшее дело: льдина — вещь коварная, никто никогда не знает, какой сюрприз преподнесет, потому и тракторы всегда стоят с работающими двигателями, случись что — каждый должен уметь его повести. Вот доктор Николай Исупов заправским трактористом стал. Нужно ехать на базу за горючим — он всегда готов, а так бы сидел, скучал: работы по специальности немного. На комсомольско-молодежной станции народ здоровый — как напарятся в бане, что в палатке оборудована, так и топают к своим домикам в одних унтах, не обращая внимания на тридцатиградусный мороз. И ничегошеньки им не делается!

Вышел из строя прибор у актинометриста Николая Макарова — звонит аэрологам: «Выручайте, братцы».

Собрались, поколдовали — заработал.

А комсорг инженер Игорь Попов постиг искусство парикмахера, и хотя ребята над ним подшучивали, однако каждый попадает под его машинку — не ходить же лохматым...

Уже под вечер накануне моего отъезда Корнилов позвонил к нам в домик и сказал Виктору Афанасьеву:

— Сходи промерь льдину да прихвати с собой корреспондента, вдвоем веселее будет.

И вот мы идем по диагонали, между торосами, старательно считая шаги.

За плечами — карабины, без них нельзя: днем ребята видели невдалеке свежие следы медведя.

Один переход у нас «холостой», и Витя мечтает:

— Хорошо бы поймать медвежонка, маленького-маленького. Отвез бы дочке. Она у меня очень любит игрушечных зверей, а тут вдруг живой! Лису только не любит, за то что выгнала зайца из лубяного домика... Четыре года ей, а вижу ее мало. Ведь за свои тридцать с небольшим я четырнадцать лет на Севере провел, год в Антарктиде — это тоже не близко. А медвежонка бы хорошо... Ну, скоро от медведей отбою не будет — вот потеплеет, пойдут разводья, они и явятся.

Пока все шло нормально, трещины были старые, смерзшиеся, но на последнем участке наш путь пересекла синяя полоска воды — узкая, сантиметров тридцать. Проходит близко от лагеря, метрах в ста пятидесяти.

Пошли вдоль нее. Трещина постепенно сузилась, и наконец только тоненькая паутинка зигзагами вилась по спрессованному, звенящему под ногами снежному насту, напоминая, что и здесь может в любой момент заколыхаться вода. Доложили Корнилову. Он пошел с нами и нашел еще одну «паутинку».

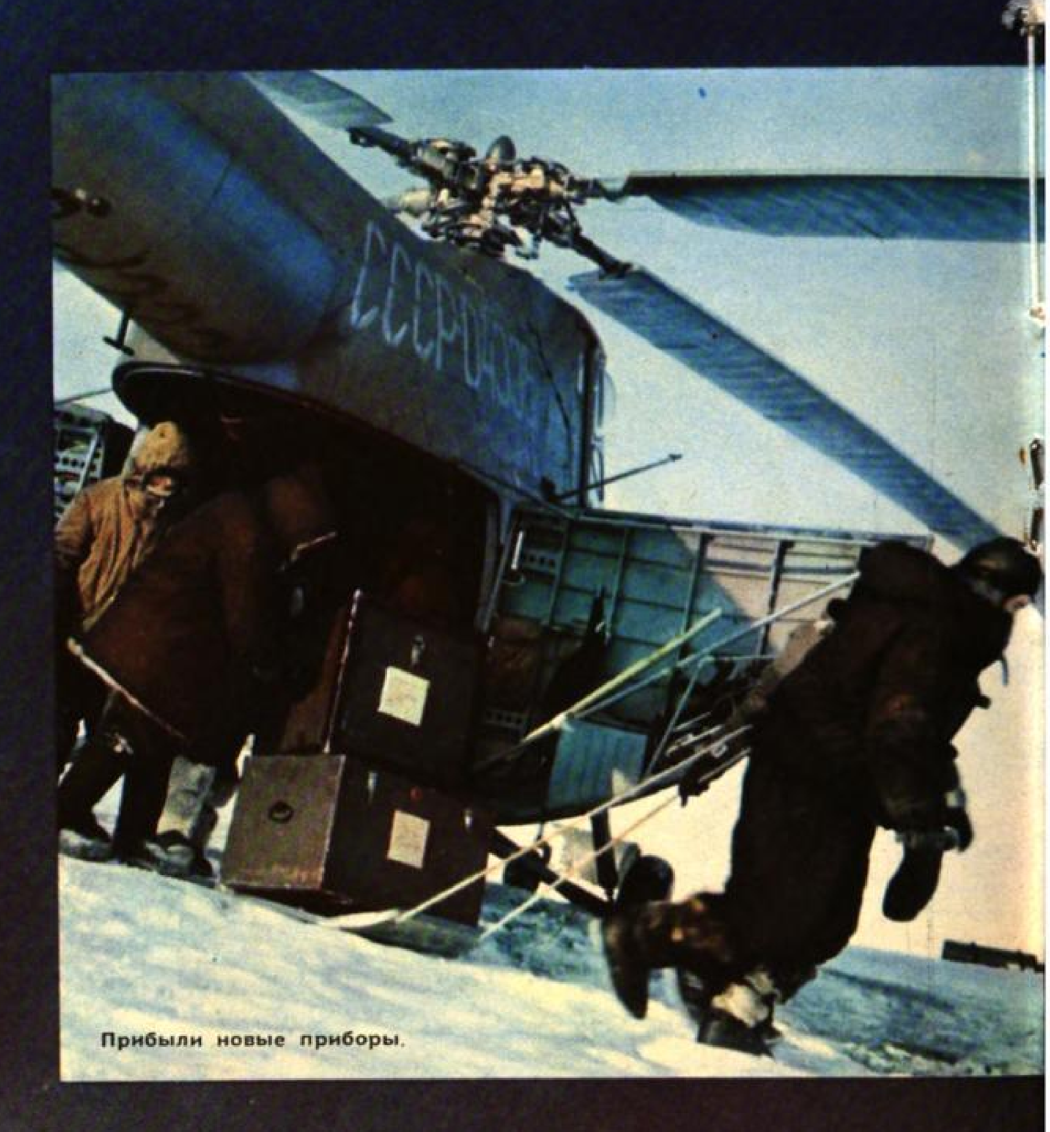
Потом, уже у себя в домике, нанося на схему новую ледовую обстановку, сказал:

— Ничего страшного. Обкололо нас, конечно, изрядно — была льдина пять на шесть километров, а теперь метрами меряем — восемьсот на тысячу, зато осталась самая сердцевина, лед прочный, местами до восемнадцати метров толщиной. Видишь, красный флажок — тут лагерь, толстая синяя линия — «генеральная трещина», а тонкие — это новые, часть из них уже «постарела» — смерзлась, да и сегодняшняя смерзнуться должна — почти нигде не разошлась. Еще подрейфуем!

Наутро надо было улетать. Вертолет ввинтился в синеву неба, и внизу сразу распахнулись белые полотнища ледяных полей, вкривь и вкось прошитые суровыми нитками торосов. И среди них совершенно затерялись оранжевые пятнышки домиков и черные — палаток — маленький поселок полярников...

И что людям не сидится?..

Прибыли новые приборы.

Аэролог Василий Митрофанов.

Радиозонд в стратосфере. За ним наблюдает по радиотеодолиту Николай Маринский. →

Скоро обед.

«Переселение» палатки — дело совсем несложное.

В домике аэрологов.

А. СТАРКОВ

Секунда

Александр Зарайский.
Фото Н. Козловского.

Это происшествие можно изложить совсем коротко, как уже, собственно, и сделано: газеты напечатали маленькую хроникальную заметку. Несколько строк. Но есть, конечно, и более обстоятельные свидетельства: акты, протоколы, заключения различных комиссий и экспертиз. Среди этих документов имеется и такой:

«В дирекцию, партийный комитет, комитет комсомола Киевского автодорожного института.

Жители дома № 25, корпус 41, по улице Январского восстания, сообщают вам о несчастном случае, совершившемся по вышеуказанному адресу.

21 января с. г. в 11 ч. 20 м. дня в связи с обрывом высоковольтной линии возник пожар. Жилец соседнего корпуса студент-пятикурсник вашего института Зарайский Александр Константинович проявил мужество. Во время пожара тов. Зарайский бросился к месту перекрытия газопровода, чтобы предотвратить взрыв газа. В этот момент его ударило током высокого напряжения, и он упал с высоты 4 метров, потеряв сознание. Пострадавший получил серьезные ожоги.

Жители горячо и сердечно благодарят весь ваш коллектив, воспитавший достойного советского человека».

...Накануне Сашко вернулся из Москвы с преддипломной практики на ЗИЛе. Галка ждала его с утренним поездом в воскресенье. А он, воспользовавшись льготным тарифом для студентов — шли каникулы,— махнул вместе с Миколой Михайленко на «ТУ-104». И уже в субботу вечером был у себя в монастырской обители. Я не ставлю тут никаких кавычек, потому что это действительно монастырская обитель, хотя и бывшая. С двадцатых годов в Киево-Печерской лавре в кельях с железными решетками на окнах живут не монахи, а миряне по ордерам из горсовета.

У Сашко, правда, ни ордера, ни прописки. На птичьих он здесь правах. И сам, можно сказать, виноват. Так, во всяком случае, считает Галка. Беспечность! Поступил в институт — прописался в общежитии. Но туда было много желающих, гораздо больше, чем мест. И Сашко уступил свое место студенту, у которого не было в Киеве ни родных, ни знакомых. А сам поселился у дядюшки в лавре. Из общежития его, естественно, выписали, а в лавру не прописали. Пошел в милицию.

— Нет,— говорят,— санитарной нормы.

Больше не ходил, жил без прописки. Потом приехала из Харькова Галка, жена. Стала работать в аптеке. При аптекоуправлении — общежитие для молодых фармацевтов. Галка — туда.

— Вы,— говорят,— замужем, а таких мы не поселяем.

И они жили в лавре, в монашьей келье, на чужой площади, и оба без прописки.

— Надо о жилье хлопотать,— говорила мужу Галка.— Так не может продолжаться. Без прописки не возьмут на учет...

Но разве его проймешь? Он только вяло отмахивался.

— Все равно ж меня распределят из Киева. Поедем с тобой в Донбасс. Вот там и будем хлопотать.

— Хотя бы временную тут...— продолжала Галка, но уже не очень твердо.

— А зачем? Живи, пока не гонят...

Перед самым его возвращением из Москвы приходил участковый, грозился оштрафовать и выселить. Вечером Галка не сказала об этом Сашко, не хотела сбивать с хорошего настроения. А утром не заметила, как он выскользнул из кельи во двор, к водопроводной колонке. Услышала уже через форточку, как он брызжется, фыркает на морозе. Выглянула — растирается мохнатым полотенцем. Сейчас побежит свой кросс. Вот, пожалуйста, уже побежал! Маршрут его известен: с горы к Днепру, а от Днепра в гору, вдоль монастырской стены. Пока он бегает, можно разогреть приготовленные с вечера любимые его вареники с картошкой.

За варениками она наконец решилась сказать:

— Саш, позавчера приходил участковый...

Но он даже нахмуриться не успел: в окно донесся крик. Женщина какая-то кричала, звала на помощь. Сашко мигом из-за стола — и во двор. А во дворе пусто, никого. Крик долетает теперь из-за ворот. Сашко кинулся было на улицу. Но вдруг увидел распахнутую дверь на лестницу, которая ведет к Анохиным и Охрименко. Почему распахнута? Это люди аккуратные, всегда закрывают. Сашко — на лестницу. С десяток ступенек, поворот. Дверь в квартиру Охрименко тоже раскрыта. Что с ними такое? Из-за двери странный звук: треск с шипением и пощелкиванием. И пахнет, как при электрических разрядах,— свежо и терпко. Сашко вбежал на кухню. И зажмурился от нестерпимого света. В глаза бьет яркоголубой сноп лучей. Закрыл лицо ладонями. Сквозь щелочки меж пальцев оглядел кухню. Над плитой железный вытяжной колпак. Он-то, этот оцинкованный козырек, и горит голубым пламенем. Нет, не пламя это — вольтова дуга! Вытяжка, значит, под током. И газовая труба тоже — вон как накалились вентили. Розовые. Но откуда ток? Сашко в комнату. Там счетчик с пробками. Сашко не раз менял их. Если что с электричеством, Охрименки всегда его зовут. Сейчас в квартире ни Елизаветы Петровны, ни Антоныча. Выбежали, наверно. Ну да, это ж Елизавета Петровна и кричала, ее был голос! Антоныч бросил на табуретке раскроенное голенище, куски кожи, нож. Сашко смахнул все это на пол, сам — на табуретку, быстренько вывернул пробки — и снова на кухню. А там все так же: вольтова дуга над плитой, раскаленные вентили. Да уже и вся газовая труба накалилась. А если расплавится? «Взрыв!» — мелькнуло в голове у Сашко. Он выбежал на лестницу и столкнулся с Антонычем.

— Саш, беда! Весь дом, понимаешь, под током... крыша искрит, Трегуба в душевой тряхнуло, Лизу мою стукнуло... я к старикам Анохиным, самим им не выбраться... страшное дело, газовую магистраль пробьет, все... все разнесет кругом, давай, Саш, перекрывай газ... газ перекрывай, знаешь, там у ворот... разводной ключ в сараюшке у Шалды... быстрей, Саш, быстрей, давай! — выпалил на вдохе и выдохе Антоныч и кинулся в квартиру к Анохиным.

А Сашко во двор, через двор, мимо мечущихся людей, мимо Марты Васильевны Собещанской, которая выбежала с кипящей кастрюлей в руках, мимо испуганной Галки, через палисадник прыжком к сараю, а в сарае темно. «Лампа дома, не бежать же за ней, так найду, но где же он, этот ключ? Был, кажется, под лавкой слева, нету, может, под верстаком, ага, вот он. Разводной? Разводной!» Из сарая через палисадник, через двор, снова мимо Галки, которая что-то кричит ему, но он не слышит, что она кричит, он в два прыжка около ворот. «Вон стояк, вот водосточная труба, рядом газовая с вводом, хвостовичок видишь? Его перекрыть, но как туда? Вот так, сначала на пристройку». Кто-то кричит: «Осторожно! Ток!» И только на секунду, нет, на мгновение сдерживает его этот крик, и вот он уже на пристройке, но отсюда тоже не дотянуться, еще рывок, левая нога на крыше пристройки, правая на косяке ворот. «Теперь только точно, только точно, чтобы в один поворот, в один поворот, понимаешь? Сразу ключом на себя, на се...»

Человек лежит на земле...

Я приехал в Киев, когда Сашко вышел уже из больницы. Он пролежал пятьдесят один день, перенес несколько операций, переливание крови, пересадку кожи. В «истории болезни» записано: «Большой электрический ожог лица, левого плеча и правой руки с нарушением ее функций». Пальцы недвижны: омертвлены сухожилия-сгибатели. Для их восстановления, как сказал мне хирург, потребуется сложная пластическая операция. Но она будет возможна лишь после полного заживления ран, видимо, через год...

Кроме «истории болезни», я просмотрел немало документов, связанных с этим происшествием: акты, протоколы, заключения. Говорил с электриками, пожарниками, газовщиками. Особенно обстоятельным был у меня разговор с одним инженером-электриком из «Киевэнерго». Человек это молодой, но опытный, знающий, о чем свидетельствует сама его должность: инспектор по авариям. Аварию в лавре он как раз и курировал, то есть расследовал. И нарисовал мне ясную, четкую и, конечно, объективную картину происшедшего. Я постараюсь изложить ее своими словами и заранее приношу этому человеку извинения, если упущу некоторые технические подробности. Но суть дела я, кажется, усвоил, насколько мне позволили мои познания в электротехнике.

Вот что произошло в то воскресное утро, вернее, уже ближе к полдню.

Был гололед, и к Днепру выслали несколько самосвалов с песком, чтобы посыпать набережную. Один из шоферов сбился с дороги, остановил машину, вылез, пошел искать путь. А машина, сойдя с тормозов, начала вдруг съезжать по крутому спуску к реке. Шофер кинулся к самосвалу, но, к счастью своему, не успел влезть в кабину. К счастью потому, что ему уже все равно не удалось бы ни удержаться на тормозах, ни свернуть в сторону. Самосвал врезался в опору высоковольтной линии, сбил ее, сорвал провода. Короткое замыкание! Но автоматы защиты и повторного включения сработали точно. Линия осталась в строю. Два провода сгорели. Третий упал на соседнюю линию низкого напряжения, передав ей свой потенциал в 10 тысяч вольт! Провода этой линии, освещающей лавру, парк приднепровский, лежат поверх монастырской стены. А высокая кирпичная стена эта, покрытая ржавой жестью, подходит вплотную к стене дома № 25, смыкается с его крышей. Понимаете теперь, как эта крыша оказалась под током, под высоким напряжением?

Изоляция не выдержала, предохранители сгорели. Возникли, как говорят пожарные, очаги возгорания. Вот откуда вольтова дуга на кухне у Охрименко, между плитой и газовой вытяжкой. Она, вытяжка-то, соединена с крышей, как связан с ней и прочий металл в доме, трубы водосточные, водопроводные, газовые. А если бы расплавился газопровод? То, чего так боялись Антоныч и Сашко... Нет, непосредственной угрозы взрыва не было: для этого необходима определенная концентрация газа. Но образовались бы дополнительные «очаги возгорания», и очень сильные. Правда, и с ними было бы быстро покончено: приехали пожарные. Прибыли и газовщики. Но газ был уже перекрыт — это сделал Сашко. «Киевэнерго» отключило для ликвидации аварии весь этот район...

Я слушаю инспектора, его точный, ясный, объективный рассказ, и мне немножко обидно за Сашко. Заметка о нем, напечатанная в газетах, называлась «Подвиг комсомольца». И вот он, этот подвиг, прослежен посекундно, расчленен подетально, препарирован под лупой, профильтрован сквозь сито актов, протоколов, заключений. И выглядит теперь если не бессмысленным, то безрассудным. Безрассудным потому, что, если б не счастливое обстоятельство, Сашко мог погибнуть. Окажись старая, вся проржавевшая водосточная труба, находившаяся под током, чуть покрепче, не развалилась она вмиг, как только ее коснулся головой Сашко, рванувший на себя ключ,— удар тока был бы смертелен. И гибель Сашко сочли бы совершенно бессмысленной: аварию можно было ликвидировать и без его броска, без его подвига... Доводы молодого инспектора убедительны, аргументированы, просто неопровержимы, и все-таки то, что он говорит, кажется мне обидным для Сашко. Может, кто другой не ринулся бы, как он, с голыми руками, поискал бы сперва резиновые перчатки, а не найдя их... Может, кто другой, услышав крик: «Осторожно! Ток!» — остановился бы не на секунду, не на мгновение... Наверно, не всякий на месте Матросова закрыл бы грудью амбразуру дота. Но я убежден, верните Матросову жизнь, и он в таких же обстоятельствах повторит свой бросок. И я уверен, повторись эта секунда, это мгновение: «Осторожно! Ток!» — и мой Сашко снова кинется вперед, спасая людей, с ключом в руке. Говорю так, ибо знаю теперь, какой он.

А какой он? Что я знаю?

Ничего, в общем, необыкновенного, сверхъестественного, что ли.

От Галки, извините, от Галины Павловны, я знаю, какой он был мальчишка. Они ведь вместе росли, в одном шахтерском поселке, в Голубовке, на одной улице, в соседних домах. У Галки не было подружек, она, как помнит себя, всегда с Сашко, с его дружками, с босячей командой. И ни ему, ни остальным мальчишкам ни в чем не уступала. А сизарей у нее на голубятне было даже больше, чем у Сашко... По садам тоже вместе лазали. Раз сбивали груши у какого-то деда. Сашко метнул каменюгу, угодил по стволу, камень срикошетил — и Сашко по голове. Тут дед выскочил из сторожки. Пока удирали, Сашко кровью залился. Галка промыла ему голову в речке. Не застонал, не пикнул, только фуражку поглубже надвинул. Домой вечером явился, мать и не заметила, что раненый. С месяц, наверно, не стригся, зарос, как чертенок, все увиливал, пока мать сама его не остригла. Видит, шрам здоровенный, пытала — не сказал. Он у него и сейчас на затылке, этот рубец. Когда лежал обожженный в больнице, хирург интересовался, откуда такая серьезная травма на голове, на войне ведь вроде не был... А как гоняли они вместе на велосипеде! У Сашко была новенькая гоночная машина. А он еще где-то фару «Боша» раздобыл. Мощный фонарь! Как стемнеет — на шоссе. Сашко фару включит да как прибавит скоростишки, встречные шоферы думают, мотоциклист несется. Ох, и гоняли! За лето пять тысяч километров, верите? Сашко — за рулем, Галка — на раме. Всегда вместе.

Но на целине она с Сашко не была. Про целину, про случай с Кочетковым мне рассказали ребята в общежитии. Сашко не живет там, но бывает сейчас каждый день и даже два раза на день: с утра до обеда и вечером до полуночи. Вместе веселее чертить. Времени до защиты диплома осталось в обрез. В деканате предлагали взять академический, долечить руку и защищать диплом на будущий год. Ну да, год терять! Ребята защитятся, разъедутся, а ему — в инвалидах? Материалы собраны, записка к проекту составлена: он еще в больнице начал диктовать ее Галке. Осталось семь листов чертежей. Тренировал, тренировал левую руку. И она вполне твердо держит карандаш. Два листа из семи готовы. Правда, это графики, с ними легче. Но и остальные будут к сроку. Когда он угодил в больницу, пришла телеграмма из Донбасса. От ребят, которые были еще на практике. Они услышали по радио о несчастье с Сашко. И телеграмма была такая: «Дорогой поправляйся скорее надеемся видеть тебя главе наших железных рядов момент нанесения решающего удара Гэку». Кто такой этот Гэк? Государственная экзаменационная комиссия.

Я начал про целину, про Кочеткова и отвлекся. Кочетков — фамилия, в отличие от Гэка. Фамилия одного тракториста. В поле этот Кочетков — золотой парень. Напьется — дурной медведь. Лезет ко всем, гнусные слова говорит. Ввалился как-то к студентам. Одного задел, другого отшвырнул, третьего за грудки. И все рукой за пазуху к себе лезет, будто за ножом. Сашко подошел, приподнял его, огромного, прижал к груди, понес, как малое дитя. Вынес на крылечко и говорит вежливо: «Ты как, Кочетков, сам дойдешь до дому или донести тебя?» «Сам дойду»,— сказал Кочетков.

И еще — о прописке. Тут было целое паломничество в милицию. Шли жильцы из лавры, из дома № 25. Марта Васильевна Собещанская сказала: «Я живу одна, у меня лишняя площадь». Старуха Плаксина: «И я одна...» Но настойчивей всех Охрименки: у них две комнаты, сын в армии, пусть пропишут Зарайских к ним. Милиция пошла навстречу: прописала к Охрименкам. И теперь у Сашко с Галкой прописка в Киеве, постоянная. Но жить они собираются в Донбассе...

Р. КОГАН

УДОСТ

Московские архивы... Названы они по-разному, но сближает их одинаковый адрес: Пироговская, 17.

Раньше слово «архивариус» связывалось с человеком пожилым, близоруким и безнадежно скучным. Такая ассоциация явно устарела. Работа в архиве увлекательная.

Зайдите в читальный зал архивов Октябрьской революции и народного хозяйства. И вы сами убедитесь в этом. Здесь нет равнодушных. Здесь люди разных специальностей, и дела у них очень разные. Инженера Гипросвязи Г. Осипенкова интересуют документы для статьи «Развитие международной телефонно-телеграфной связи», литератор Т. Гладков надеется хоть на малейшее упоминание в архивных делах имени Джона Рида. Кое-что он уже нашел: в книге пропусков в Кремль на одной из страниц стоит: «Джон Рид» — и ниже приписка: «По распоряжению Ленина». Интересно? Интересно.

Архивы гостеприимны. Здесь работают не только разные города, но и разные страны. Почта архива живая, невероятно разнообразная. Письма идут отовсюду и самые разные.

Писем много. Очень много. Я расскажу историю только одного.

Совсем недавно в архив написал Георгий Романович Федюшин, который живет в Ярославской области, недалеко от станции Некоуз. Федюшин просил узнать, есть ли в архиве документы, которые бы подтверждали его работу в Петроградском Военно-Революционном Комитете у члена комитета Николая Ильича Подвойского.

Архивную справку поручили составить младшему научному сотруднику Тане Анисимовой. Совершенно неожиданно в фонде Управления делами Совнаркома за 1918 год Таня Анисимова нашла копию удостоверения № 992 от 25 мая 1918 года. Вот что там было написано:

Российская
Федеративная
Советская Республика
Управление Делами
Совета Народных
Комиссаров

Москва, Кремль.

25 мая, 1918 года
№ 992

Удостоверение

Сие выдано Георгию Романовичу Федюшину в том, что он действительно состоит на службе при Управлении Делами Совета Народных Комиссаров в качестве личного Секретаря у Председателя Совнаркома Ленина.

Таких находок давно уже не было. Сотрудники других отделов приходили посмотреть.

— Интересно, где же подлинник этого удостоверения? — говорили архивисты.

— Может быть, у самого Федюшина,— предположила Таня.

— У Федюшина, но у какого? Федюшин из Некоуза пишет, что работал у Подвойского в Смольном, он же не говорит, что работал у Ленина...

— У Подвойского он работал в восемнадцатом. Может же так быть, правда? И инициалы сходятся...

Остается одно — поехать в Ярославскую область на станцию со странным названием «Некоуз» и разыскать там Георгия Романовича Федюшина. И тогда все сразу станет ясно.

Сажусь в поезд. Еду. В Ярославле мне долго втолковывают, что название «Некоуз» древнее, что татары в древности дошли до пустынных ярославских границ и со словами «некого узить» повернули обратно. С тех пор это место и зовется «Некоуз».

От Некоуза в двух километрах деревня Пахомово. И первый дом направо — федюшинский.

Две комнаты, в одной — большая русская печь. Стол, этажерка с книгами. Над постелью — портреты Маркса и Ленина. Много газет, журналов. Я застаю Георгия Романовича в обществе его двухлетнего внука, который довольно уютно расположился на коленях у деда. Внук и дед углубились в чтение журнала «За рубежом».

Домашнее «политзанятие» прерывается, мы знакомимся. Я задаю свой вопрос — об удостоверении № 992.

Георгий Романович молча уходит в другую комнату и возвращается со свертком. В нем много, много разных бумаг. Одна из них кладется на стол. Подлинник удостоверения! С круглой печатью, с кремлевской пропиской на обороте удостоверения и с подписями Фотиевой и Бонч-Бруевича.

Георгий Романович, человек очень скромный, рассказывает о себе скупо.

Двадцатилетним солдатом в ноябре 1917 года пришел к Подвойскому в Военно-Революционный Комитет. С декабря 1917 года был личным секретарем у Владимира Ильича Ленина. В октябре 1921 года ушел учиться на рабфак при Тимирязевской академии, в 1928 году окончил агрономический факультет академии. С той поры Георгий Романович — старший агроном Болшинской и Некоузской МТС.

30 лет прожил он с женой и детьми в этом доме. Здесь же за стеной химико-агрономическая лаборатория, которую он сам организовал и в которой провел с лаборантами много опытов.

Несколько лет Георгий Романович был депутатом Некоузского сельского Совета. Совсем недавно ушел на пенсию. Но мало что изменилось в жизни, по-прежнему он связан с землей, которой отдал столько лет и сил. И с людьми. С маленькими — он их навещает в сельских школах и интернатах, и с большими — он часто бывает на колхозных полях, на заседаниях в райкоме партии...

Я прошу Георгия Романовича

ОВЕРЕНИЕ №992

рассказать о Ленине. Вот его рассказ:

— ...Удивительно мне посчастливилось тогда... С 1 декабря 1917 года по октябрь 1921-го я работал рядом с Владимиром Ильичем, исполняя обязанности секретаря по приему посетителей. Владимир Ильич разрешал мне иногда присутствовать при его беседах с разными людьми. Он предъявлял к людям большие, серьезные требования. Всегда и во всем он воспитывал людей правдой. Но воспитание это было свободным от мелочности и педантизма.

Владимир Ильич удивительно умело находил и выдвигал на руководящие посты дельных людей. Так, членами коллегии Комиссариата земледелия были определены два землепашца — Фомин из Рязанской губернии и Чекунов из Калужской. В беседах с Владимиром Ильичем они проявляли незаурядное знание сельского хозяйства. На полях регистрационной книги посетителей против фамилии Чекунова Владимир Ильич написал: «Старик со светлой головой, не в партии из-за религиозных убеждений».

Несмотря на невероятную занятость (Владимир Ильич работал с 9 часов утра до часу ночи), он находил время не только справляться о здоровье сотрудников, но и помогать им. Сотрудница Совнаркома Анна Петровна Кизас неважно выглядела. Это и понятно: люди в те годы много работали, а питались плохо. Владимир Ильич предложил ей поехать в подмосковный дом отдыха. Она отказалась. Через несколько дней управляющий делами Совнаркома передал Анне Петровне записку от Владимира Ильича. Он предлагал товарищу Кизас оставить работу на две недели и запретил появляться в Совнаркоме до истечения этого срока.

А вот еще один случай. Нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин жил в гостинице и из-за болезни не мог пользоваться столовой СНК. Я помню, как Владимир Ильич поручил заведующей столовой Надежде Николаевне Воронцовой обеспечить больного Чичерина питанием.

Владимир Ильич живо интересовался ростками нового в сельском хозяйстве. Сотрудница Управления делами Совнаркома Мария Николаевна Скрыпник, ведавшая вопросами сельского хозяйства, в начале 1918 года узнала от меня, что один мой товарищ работает в сельскохозяйственной коммуне, и рассказала об этом Владимиру Ильичу. Владимир Ильич попросил меня съездить в коммуну «Куркино», Звенигородского уезда, Московской губернии. И в тот же день, когда я приехал обратно, Ленин с большим интересом расспрашивал меня о том, что делают коммунары, сколько обрабатывают земли, какие сеют культуры, сколько у них рабочих лошадей, сохранились ли помещичьи машины.

А сколько было за день посетителей у Ленина! Помню, как я привез на прием к Владимиру Ильичу уже совсем старого и больного Кропоткина, и они долго разговаривали вдвоем. На прием приходили не только «дельные» люди, но и фантазеры. Например, Владимир Александрович Поссе. (Лично я с ним очень дружил.) Поссе пришел к Владимиру Ильичу с проектом заменить деньги бонами, говорил, что это будет переход от денежной системы к натуральному обмену. Конечно, эта идея не понравилась Владимиру Ильичу.

Кажется, не было ни одной недели, чтобы к Ленину не приходили делегации рабочих и крестьян с подарками. Подарки были главным образом съедобные — хлеб, сахар, селедка. И всякий раз Владимир Ильич горячо благодарил за внимание, а потом просил нас подарки передавать в отдел детских учреждений Наркомпроса для детских домов.

В 1918 году был у меня перерыв в работе. Вместе с другими товарищами из Совнаркома я добровольно уехал с Первым головным социалистическим эшелоном на Западный фронт, под Псков, для защиты Петрограда. После заключения мирного договора с Германией вернулся в Москву, заболел, и меня военкомат назначил в караульный батальон. Тогда Владимир Ильич написал прошение в комиссариат, чтобы меня вернули на мою прежнюю работу, в приемную. Владимир Ильич был сильно занят, год выдался тяжелый, но вот нашел время написать это маленькое письмо в комиссариат...

Георгий Романович уходит в другую комнату и возвращается с пожелтевшей газетной бумагой. Очень бережно разворачивает ее. Вынимает какой-то листок, исписанный красными чернилами. Ленинский почерк! Подлинник! Никому не известный, нигде не опубликованный!

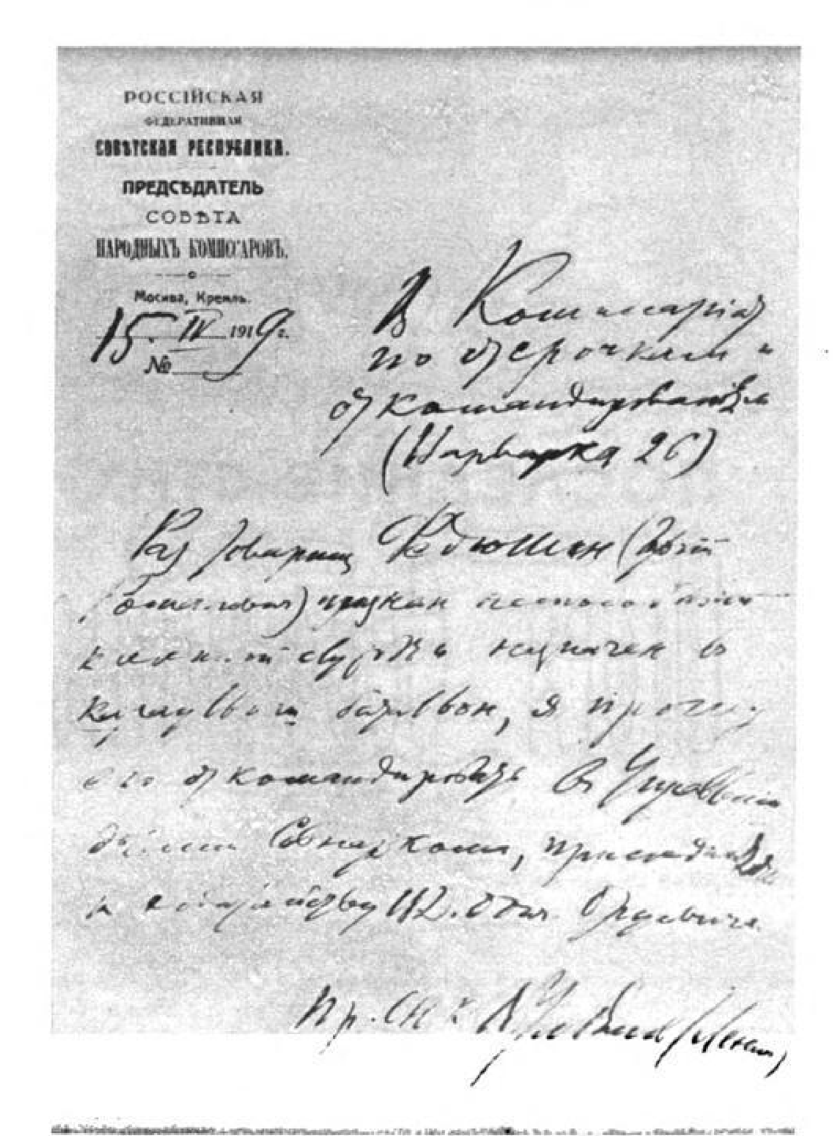
Российская Федеративная
Советская Республика
Председатель
Совета Народных Комиссаров.
Москва, Кремль.
15. IV. 1919 г.
В Комиссариат по отсрочкам и откомандированиям (Варварка 26).

Раз товарищ Федюшин (Георгий Романович) признан неспособным к военной службе и назначен в караульный батальон, я прошу его откомандировать в Управление делами Совнаркома, присоединяясь к ходатайству В. Д. Бонч-Бруевича.

Пр. СНК В. Ульянов (Ленин).

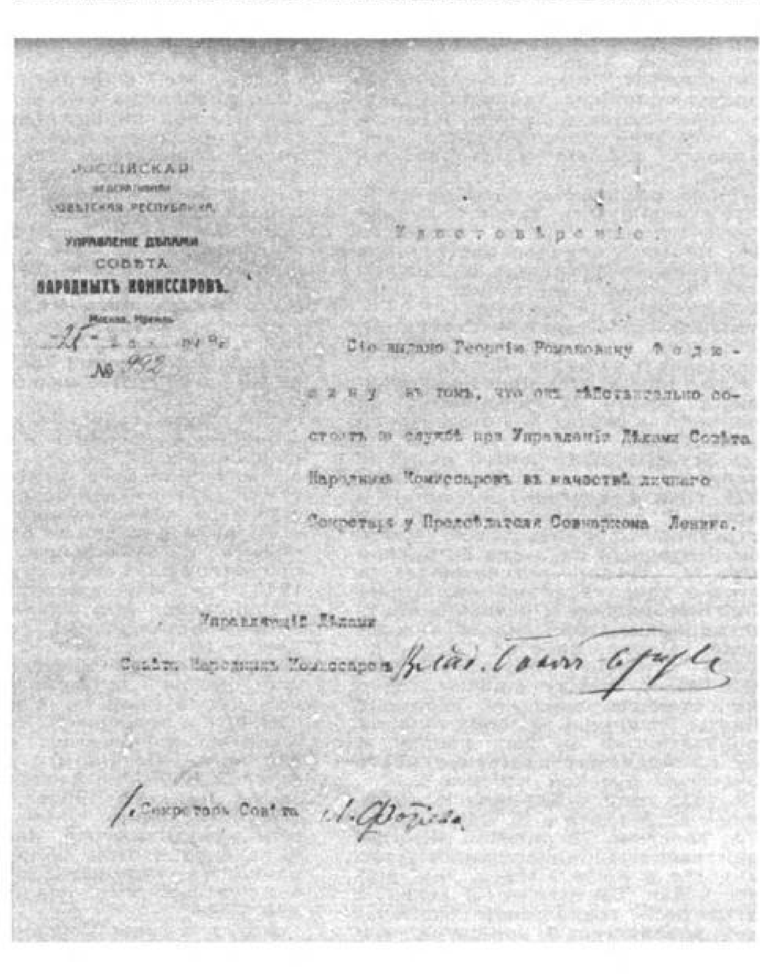
И закончил Георгий Романович свой рассказ так:

— Это письмо Владимира Ильича я в комиссариат не отнес, оставил себе. И с тех пор не расстаюсь с ним...

РОССІЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.
ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
СОВѢТА
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.
Москва, Кремль.
15 IV 1919 г.
№

В Комиссариат по отсрочкам и откомандированиям (Варварка 26)

РОССІЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.
УПРАВЛЕНІЕ ДѢЛАМИ
СОВѢТА
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.
Москва, Кремль.
№ 992

Удостовѣреніе.

Сіе выдано Георгію Романовичу Федюшину въ томъ, что онъ дѣйствительно состоитъ на службѣ при Управленіи Дѣлами Совѣта Народныхъ Комиссаровъ въ качествѣ личнаго Секретаря у Председателя Совнаркома Ленина.

Управляющій Дѣлами
Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Влад. Бонч-Бруевич

Секретарь Совѣта

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ
Игоря Северянина

Среди представителей модернистских течений в русской поэзии кануна первой мировой войны особую известность получил поэт-декадент Игорь Северянин. В дореволюционном творчестве поэта преобладали салонная тематика, показной аристократизм, вычурность образов и самовосхваление.

После революции поэт уехал в Нарву и оказался затем в буржуазной Эстонии. Время, прожитое там, многому научило Северянина, заставило задуматься о творческих позициях; он пишет стихи, полные тоски по родине.

В 1940—1941 годах И. Северянин находился в Советском Союзе и печатался в наших изданиях.

Ниже приводятся некоторые данные о жизни И. Северянина за границей и связях его с советской литературой.

В Эстонии поэт много ездил с чтением своих стихов. В мае 1921 года Северянин выступил в Тарту. В зале «Биргермуссе» он встретился с Фридебертом Тугласом. Народный писатель Эстонской ССР Ф. Туглас рассказывает о встрече так: «Условия его жизни были неважными и остались такими до конца. Он жил в чуждой среде. Много работал, переводя также эстонских поэтов на русский язык, между прочим, одно мое стихотворение (в сборнике «Поэты Эстонии»). В своих лучших произведениях он был поэтом, и ему принадлежит известное место в истории русской поэзии»[1].

В 1922 году в Берлине И. Северянин встретился с В. Маяковским и А. Толстым. 20 октября Маяковский выступал на собрании Дома искусств в кафе «Леон», где присутствовал Северянин. В связи с пятилетней годовщиной Октябрьской революции 7 ноября в полпредстве состоялся торжественный вечер, на котором выступили А. Толстой с чтением отрывков из «Аэлиты», В. Маяковский и И. Северянин.

Здесь же, в Берлине, Маяковский предложил ему вернуться на родину. Как пишет Северянин в своих неизданных воспоминаниях, он не нашел тогда для этого возможности и «этим обрек себя на то глупое положение, в котором находился все годы...»

В 1931 году И. Северянин совершил поездку по Европе. В Париже он выступил в зале Дебюсси и в зале Шопена. Собравшиеся послушать изысканные «поэзы» были удивлены: и тематика стихотворений и поэтика И. Северянина стали другими — в них больше не было ни «ананасов», ни «шампанского».

Проходили годы. Стихи И. Северянина переводились на все европейские языки, но это не улучшало материального положения поэта, а главное, все острее он ощущал свое одиночество.

Об этом Северянин рассказал в письме к болгарскому ученому, профессору Савве Чукалову в 1938 году: «Мы уже вторую неделю питаемся картофелем с крупной, кристалликами, солью... Вокруг — звереющий буржуазный мир и убивающее душу равнодушие. Недавно в Таллине был Ранчев, купил пару моих книг и тем немножко поддержал меня. К сожалению, новых книг не пишу. Не для кого». На Первом съезде писателей РСФСР в декабре 1958 года А. Васильев привел эти слова для иллюстрации положения человека, очутившегося вне родины. И главное в этом положении, конечно, не «картофель с солью», а буржуазный мир, где писать «не для кого».

Все эти годы Северянин тяжко переживает утрату родины, сознает, что «Россию нужно заслужить». В то время, как Д. Мережковский и ему подобные допускали в белогвардейской печати злобные выпады против советского народа, И. Северянин взволнованными стихами клеймит капиталистический образ жизни, выражающийся формулой «надуть, нажиться, обокрасть» («Их образ жизни»), осуждает тех, которые живут «нарядами и картами, обжорством и питьем» («Чем они живут»).

После того, как Эстония вошла в состав Советского Союза, И. Северянин писал в Москву: «Полон энергии, вдохновения, желания работать на пользу родины — самой умной, мирной и порядочной из стран мира». В другом письме: «Я страстно хотел бы быть полезным гражданином своей обновленной социалистической родины».

А. Фадеев и бывший в то время директором Гослитиздата П. Чагин приняли участие в судьбе поэта. Его пригласили в Москву, но война помешала приезду поэта и изданию книги его стихов.

25 мая у него был сердечный припадок, повторившийся 25 июня. «Я так боюсь всяких случайностей,— писал он,— которые могли бы разлучить меня с обретенной после стольких лет родиной.

Издательство «Советский писатель» обратилось ко мне с письмом, прося материал для ленинградского альманаха. Я послал четыре сонета. О, если бы хоть что-нибудь взяли куда-нибудь...»

В связи с наступлением немцев на Нарву поэт дал телеграмму на имя М. И. Калинина с просьбой эвакуировать его с женой и ребенком, а также обратился с письмом об этом к А. Толстому. «Ясно, что все впоследствии будет чудесно,— писал он 20 июля 1941 года,— что наша сознательная и замечательная армия победит, но пока все так смутно, ибо я болен, на чужбине... Ответьте, прошу Вас, научите, что делать!»

Но было уже поздно. Вскоре поэт умер.

Б. СМИРЕНСКИЙ

[1] Из письма к автору этих строк.

Их образ жизни

Чем эти самые живут,
Что вот на паре ног проходят?
Пьют и едят, едят и пьют —
И в этом жизни смысл находят...

Надуть, нажиться, обокрасть,
Растлить, унизить, сделать больно...
Какая ж им иная страсть?
Ведь им и этого довольно!

И эти-то, на паре ног,
Так называемые люди
«Живут себе»... И имя Блок
Для них, погрязших в мерзком блуде,—
Бессмысленный, нелепый слог...

1923.

* * *

Природу, страсть, и чаянья, и грезы.
«Ты помнишь, как сливались наши слезы?» —
Спрошу тебя твоим же мне стихом.

Ты из своей весны шестнадцать дней
Мне радостно и щедро подарила.
Ты в эти дни так бережно любила...
Я женщины еще не знал нежней!

Замок Hrastovac.
27 августа 1933 года.
(Публикуется впервые.)

* * *

И будет вскоре весенний день,
И мы поедем домой, в Россию...
Ты шляпу лучшую надень:
Ты в ней особенно красива.

И будет праздник большой, большой,
Каких и не было, пожалуй,
С тех пор, как создан весь шар земной,
Такой смешной и обветшалый.

И ты прошепчешь: «Мы не во сне?»
Тебя со смехом ущипну я
И зарыдаю, молясь весне
И землю русскую целуя.

1925.

Грустный опыт

Я сделал опыт. Он печален.
Чужой останется чужим.
Пора домой; залив зеркален,
Идет весна к дверям моим.

Еще одна весна. Быть может,
Уже последняя. Ну, что ж,
Она постичь душе поможет,
Чем дом покинутый хорош.

Имея свой, не строй другого.
Всегда довольствуйся одним.
Чужих освоить бестолково:
Чужой останется чужим.

Таллин.
2 апреля 1936 года.
(Публикуется впервые.)

* * *

Вот и уехала. Была — и нет.
Как просто все, но как невыразимо!
Ты понимаешь ли, как ты любима,
Какой в душе остался жгучий след!
Переворачивается душа:
Еще вчера — вчера! — мы были двое.
И вот — один! Отчаянье такое,
Что стыну весь, не мысля, не дыша.

Мы все переживали здесь вдвоем:

* * *

Только ты, крестьянская, рабочая,
Человечекровная одна лишь,
Родина, иная, чем все прочие,
И тебя войною не развалишь.

Потому, что ты жива не случаем,
А идеей крепкой и великой.
Твоему я кланяюсь могучему,
Солнечно-сияющему лику.

Усть-Нарова.
13 сентября 1940 года.
(Публикуется впервые.)

Заботы

Евгений ШАТЬКО

Рассказ

Рисунки С. БРОДСКОГО.

Черлёная вязь мороза на окнах голубеет, в избу просится рассвет. Александр Александрович просыпается и садится на скрипучей деревянной кровати. В печи уже трещит огонь, часы с кукушкой хрипловато бьют восемь. Директор по-воскресному беззаботно зевает и валится спиной в подушку. Он, как первоклассник, радуется, что сегодня не надо собирать портфель и спешить на урок. На стене над кроватью он видит свое новое ружье. Приклад медово мерцает в сумраке. Директор вспоминает, что уговорился сегодня идти на охоту со своими учениками из шестого класса. На охоту! Александр Александрович вскакивает и начинает резво одеваться. Он влезает в домашние латаные брюки, когда дверь раскрывается со всхлипом, и, привычно, ловко перенеся через порожек деревянную ногу, входит отец. Обирая с плеч свежий снег, перемешанный с сенной трухой, сообщает:

— Тёпло. Все никак морозы-то не падýт.

Метнув шапку на деревянный гвоздь, поворачивает к сыну тяжелую голову.

— Что торопишься? Али проспал?

— На охоту наметились пойти,— отвечает сын, влезая в теплые, снятые с печки валенки.

— С кем?

— С ребятами, с Володей Куклиным и Шуриком, Таньки сыном. Да вот нашего Тимофея хочу взять.— Александр Александрович кивает на младшего брата, который уже вертится рядом и умильно поглядывает на новое ружье.

— Этого бы не брать,— возражает отец.— Лентяй стал. Учиться не хочет. Вчера двойку принес.

В зал из-за перегородки, от печки, откинувшись спиной назад, вносит кипящий самовар мачеха, маленькая женщина с квадратным румянцем на озабоченном лице. Директор, погремев рукомойником за печью, проходит к столу. Он высок, по-юношески худ, узок телом. Голова у него длинная, как у отца, но губы и нос тонкой резьбы.

Отец бережно снимает со стены ружье, спрашивает:

— В самой Москве брал? — Он гладит ложе, по-детски улыбается.— Ишь, ружжо!

— В Москве, на Кузнецком,— отвечает Александр Александрович и садится к самовару; рядом усаживаются Тимофей и Надя, сестренка годом младше Тимофея, но повыше ростом.

Мать быстро проносит и шлепает на тарелку тонкий дымящийся блин.

Тимофей и Надя хватают его с двух сторон. Мать прикрикивает:

— Что вы, ровно сто лет не едали!

К исходу завтрака в избу, подталкивая друг друга и сдергивая шапки, входят ученики шестого класса: Шурик — бледный мальчик с серьезным синим взглядом — и Володя — кудрявый, большеротый. Они наперебой здороваются и стараются стать плечом друг за друга.

Директор поднимается, берется за полушубок.

Тимофей вздыхает, ерзает и умоляюще смотрит то на отца, то на брата.

— Па-ап,— заводит он тоскливо,— а па-ап, пойду?

Брат и отец вроде не слышат.

— Па-ап, а па-ап.

Отец хмурится, ставит блюдечко на стол и грозно спрашивает:

— А кто вчера двойку принес? Ну, кто?

Тимофей сжимается, ежится, кладет голову на плечо.

— Ну, кто? Ишь ты мне! — Отец поднимает блюдце на растопыренной пятерне, закладывает кусок сахару за щеку и произносит из-за этого картаво: — И не надейси!

Старший брат надевает полушубок, потертый до сапожного блеска на заду, заветный полушубок: в нем еще дед ходил на охоту. На Тимофея он не смотрит, лицо его выражает педагогическую строгость.

Мать вносит новый блин и, увидев, что Александр Александрович одет, просительно улыбается:

— Еще бы поел.

Мачеха молода и робеет взрослого ученого сына больше, чем мужа. Говорит с ним, стоя боком, долго в лицо не смотрит.

— А спасибо, Маня,— ласково отвечает директор.

Он закидывает ружье за спину, Володя и Шурик, толкаясь, подаются к дверям, Тимофей каменеет в своем горе... На пороге директор задерживается, встречается взглядом с отцом и вопросительно показывает глазами на несчастного Тимофея.

Отец ворчит, глядя в окно:

— Не стоило бы пускать — худо совсем стал учиться.

— Ой, худо, худо! — как эхо, повторяет тихий голос матери из-за печки.

— Вот что, Тимофей,— говорит Александр Александрович директорским тоном.— Ты, конечно, по своей лености недостоин охоты.

Уши Тимофея краснеют от радости.

— Разве что в последний раз...— раздумывая, неохотно произносит отец.

Тимофей, как угорелый, кидается к своему пальтишку.

— Подожди, выслушай! — приказывает Александр Александрович.— Ты по какому предмету получил двойку?

— По истории.

— Что ты не выучил?

— Столетняя война во Франции.

— Сегодня вечером при мне выучишь.

* * *

И вот все четверо сходят по мягко скрипящему крыльцу, выходят за ворота. Улица, покато уходящая к реке, покрыта свежим розовым снегом. Небо лилово-дымчатое, у горизонта синеет и сливается с мягкими увалами леса. Курчавый дым тянет из труб вверх. Кое-где в окнах бледные огни. Пушистый снег сминается под ногами.

Дорога круто гнет вниз, в черный ельник у моста.

— Ну-ко, кто живее до моста! — кричит директор и бросается бежать вниз по накатанной раньше и припушенной ночным снегопадом дороге. Он мчит, далеко назад выбрасывая тонкие ноги, ребята с криком бросаются наперегонки, разъезжаются, хватаются друг за друга. Повезло им — бежать вперегонки с ди-

* * *

Около моста ребята вцепляются в полы директорского полушубка, и все с визгом валятся в снег. Поднимаются, обивая друг с друга снег шапками, когда через мост подбегает к ним черномазая девушка в пуховом платке, в белых аккуратных валенках.

— Это что у вас за битва? — спрашивает она и смеется, заправляя черные волосы под платок. В вишневом румянце ее широких скул, в разбеге бровей проглядывает что-то татарское.

— Ну здравствуйте, товарищ директор! — Она подает ему руку.

Александр Александрович поспешно, неловко сдергивает рукавицу.

— Здравствуйте, Агния Васильевна! — Он счастливо улыбается, в растерянности надевает шапку на разлохмаченные, набитые снегом волосы.

— На охоту собрались, Александр Александрович?

— На охоту, Агния Васильевна!

— Гарно вы живете, Александр Александрович!

Агния Васильевна — заведующая сельсоветской библиотекой. Родом она с Кубани, и говор ее кажется гортанным, жгучим рядом с напевным местным словом. Все в деревне знают, что библиотекарь проходу не дает молодому директору и все ходит к нему вроде с заботами и просьбами. Вот и сейчас — жалуется, ноздри раздуваются от негодования.

ректором! А он забыл про свой директорский сан, прыгает, ловя ртом снежинки; забыл про то, что он депутат райсовета и сельсовета, забыл на этой крутизне, где не раз съезжал мальчишкой на лыжах-самоделках. Давно отвык так мальчишествовать директор. Старший сын в семье, он рано научился жить для младших, радоваться их радостью. Последние три класса десятилетки ходил Саша в школу за семь километров — лесной просекой. Зимой она походила на снежную пещеру, а летом наполнял ее смоляной зной и комариный звон. Белели дугой склоненные березы. После школы — институт в Москве. Там столько было забот по учебе и в комитете комсомола, что жизнь казалась не то учебником, не то беспрерывным собранием... После института вернулся домой, надеялся спокойной жизнью здоровье подправить (врачи признали начало туберкулеза). Решил заняться всерьез педагогикой (выписал сочинения Ушинского), охотой, чтением.

Назначили его сразу не учителем, а директором. А председатель нового, укрупненного колхоза, тоже человек новый, посадил молодого директора в машину и повез показывать фермы, поля. Потом сказал:

— Ваш бывший карликовый колхоз — самая тяжелая моя забота. Сам видишь — хозяйство у вас запущенное: ни кормов, ни семян, ни людских резервов, что твоя пустыня Гоби.

— Чем же я вам помогу? — спросил Александр Александрович.

— Ты уже нам помог тем, что вернулся в родное село.

— Я же не агроном, не зоотехник.

— Видишь ты, дорога́ не должность, а участие... Мы самый глухой угол в области. Шутка ли, от железной дороги двести километров. А ты вернулся... сверху.— Председатель показал ладонью и глазами в небо.— Это человеку всего дороже.

Было у председателя чутье на хороших людей, выбрали Александра Александровича в сельсовет, в партбюро... и полезли отовсюду заботы, все больше мелкие, бесконечные: одежные, сеновые, дровяные, керосиновые...

— Безобразие происходит, Александр Александрович, я к вам иду! Углов не дает ключа от комнаты, которую выделили для расширения библиотеки. Я прошу ключ, а он хохочет! Ключа так и не дал!

— Как не дал? — переспрашивает Александр Александрович и блаженно улыбается, не проникаясь еще смыслом слов.

Он не может отвести глаз от ее свежих, вымытых щек, холодных даже на вид, от черных бровей, старательно собранных в ниточку, от теплых волос.

— Ключа не дал? — повторяет он и наконец возмущается: — Решение же было принято, как же он не дал ключа?

— Не дал, не дал!

Агния Васильевна чувствует, что директор загорелся, и ее лицо обретает озабоченность.

— Пошли! — решает директор.— Пошли прямо к Углову.

И вместо того, чтобы свернуть к лесу, Александр Александрович быстро устремляется через мост, в деревню. Володя, Шурик и Тимофей, озадаченные отклонением, бредут сзади, но скоро начинают шалить, давать друг другу подножки.

— Что же вы в библиотеку не заглядываете, Александр Александрович? — задыхаясь слегка на горке, осведомляется библиотекарь.

— Да ведь некогда все, Агния Васильевна.

— Уж так и некогда, Александр Александрович?

— Вот не поверите, до чего некогда, Агния Васильевна.

— Чудно́! Для всех вам времени хватает, а для библиотеки нет. Отстаете, Александр Александрович.

— Отстаю, Агния Васильевна, вполне виноват.

Так, беседуя, ходко достигают они дома секретаря сельсовета Углова.

Когда директор открывает дверь в избу, в лицо ударяет ор песни и хмельное тепло. Углов гуляет третий день, пьют уже на старые дрожжи. Отмечается приезд сына с молодой женой в отпуск. В сизом косом свете за столом гости поют с таким напряжением, точно решили заглушить друг друга.

Из-за стола лезет Углов-отец; на приседающих ногах идет навстречу, расставив руки так, будто гонит кур.

— Пожалуста, дорогие гостечки! Проходьте, проходьте! — вопит он в непомерном восторге.

Следом за отцом лезет до смешного подобный отцу, только меньшего размера, ушастый Углов-сын и тоже кричит:

— Гостечки, проходьте, проходьте-ко!

Отец медвежьей хваткой цепляет директора под руку и влечет к столу прямо с ружьем.

— Это не дело, Макар Сергеич. Я зашел по особому вопросу.

— Я тебе, Александрыч, готов по любому вопросу,— заверяет Углов, приближая директора к столу.

Один из гостей, путаясь руками, стаскивает с директора ружье.

Шурик, Володя и Тимофей взволнованно дышат у дверей — пропала охота!

Углов-сын с ужимками привета берет под руку Агнию Васильевну.

— Не буду я пить, Макар Сергеич.— Директор высвобождается из объятий Углова.— Я пришел по делу. Подайте ключ от комнаты для библиотеки!

Углов мелко моргает, приходя в память.

— Ключ, ключ подайте,— сухо напоминает Александр Александрович.

Углов резко трезвеет и переходит на «вы».

— Почто же пренебрегаете!

Гость, который понес было ружье за печку, останавливается в недоумении.

Углов-сын бормочет:

— Что ж вы, не русские, што ль?

Компания тяжко смолкает. Неловкая, вязкая тишина нарушается только чьим-то обидчивым сопением.

— Извините нас, Макар Сергеич,— говорит директор, смягчаясь.— Мы вас, конечно, поздравляем.

Уступчивый тон директора вызывает у Макара Сергеича прилив радости.

— Александрыч, милой, не в ключе дело обстоит. За стол садись, а то ключа не дам! — Все хохочут, довольные.

— Ладно, уж по рюмочке выпьем. Наскоро. Меня ведь ждут.

Директор оглядывается на мальчишек. Мальчишки хорошо понимают взрослых, и на их лицах снисходительное разрешение: мол, пейте уж, только побыстрее!

— Одну рюмку,— предупреждает директор.

— О господи! Да рази ж я не понимаю! — вопит Углов.— Вот и ключ, пожалуйста! Я, Александрыч, признаться, хотел в этой комнате Серегу с женой временно поместить!

Директор с Агнией Васильевной присаживаются, выпивают по рюмочке и по второй...

* * *

И вот опять все пятеро идут по улице. Директор шибче машет руками, и все смотрит на Агнию Васильевну, и все улыбается невесть чему.

Ей давно пора отвернуть к библиотеке, но она идет... Ружье несет Шурик.

Хмурая голубизна низких облаков прорезана у горизонта солнцем, и лучи его выхватили из дальней хмари янтарно-зеленый кусок леса.

— Когда же вы у нас в библиотеке лекцию прочитаете? — спрашивает Агния Васильевна.

— Да ведь все некогда.

— Так уж и некогда, Александр Александрович?

— Вот не поверите, до чего некогда, Агния Васильевна!

Агния Васильевна обидчиво молчит, отворачивается. Александр Александрович перестает махать руками, грустно сморкается.

Неожиданно, сбежав с высокого крыльца, на них налетает девушка в платке внакидку, в резиновых, нестерпимо сверкающих ботиках.

— Здравствуйте, Александр Александрович! Извините, загляните-ко к нам. Какой нам ремонт сделали! — выпаливает она одним духом и, как будто только заметила Агнию Васильевну, преувеличенно вежливо здоровается с ней:

— Здравствуйте, товарищ библиотекарь!

Это учительница; вместе с подругой она стоит на квартире в этом громоздком желтом доме.

Агния Васильевна сухо кивает и каменеет, а глаза ее застывают, стекленеют от ревности.

Директор растерялся, вертит головой, глядит то на учительницу, то на Агнию Васильевну. Учительница не отступает, так и сыплет:

— Зайдите, зайдите, взгляните, как у нас печь после ремонта топится! Это же смех!

— Зайдемте вместе, Агния Васильевна,— предлагает директор робко.

— Заходите и вы,— приглашает учительница Агнию Васильевну, надеясь, что та откажется.

— Ну, если вы просите,— соглашается Агния Васильевна.

Мальчики с ружьем остаются подождать во дворе, директор с Агнией Васильевной вслед за учительницей поднимается по узкой лесенке в надстройку.

Тесная комната полна душистого березового дыма. Около печки стоит на коленях девушка в ватнике и плещет в топку водой из ковшика. Пахнет сырой гарью, как на пожарище.

— Ну и ну! — говорит директор, встает на табуретку и лезет смотреть дымоход.

— Тяги нет. Нынче погода тихая, а печь сырая, а дрова березовые,— заключает он, пошарив рукой.— Да и дров набили полную печку.

Через полчаса, когда печь наконец разгорается и директор, вымазанный, но довольный, моет руки над тазом, со двора доносится грохот выстрела. Директор охает и бросается вниз по лестнице. Так и есть! Тимофей стоит со счастливым и перепуганным лицом, ружье в руках у него дымится. Шурик и Володя бегут к подстреленной сороке в угол двора. Директор отбирает ружье у Тимофея и награждает его легким подзатыльником. Выбегают перепуганные учительницы и отчитывают ребят, а Агния Васильевна закрывает рот ладонью: смешно.

* * *

Около клуба директор прощается с Агнией Васильевной, и наконец охотники направляются к лесу. Но на краю деревни опять задержка. Около крайней избы, поджидая, стоит дедушка Куклин, отец матери Шурика, ветхий старик в валенках. Когда охотники равняются с ним, дедушка Куклин кланяется и протягивает директору твердую, ковшиком, ладонь.

— Здравствуйте, дедушка,— говорит Александр Александрович почтительно.

— Доброе здоровье, Александр Александрович,— почтительно говорит дедушка Куклин.— На охоту наладились?

Дедушка Куклин — самый старый человек в деревне. За последние два года он усох и поменел. Ходит еще сам, но из конца в конец деревни полдня будет идти.

— Как живем, дедушка?

— Слава богу, живем,— отвечает дедушка, и все лицо его морщится улыбкой.— А ведь я к тебе собрался по вопросу пензеи, Александр Александрович. А ты с ружжом... Иди, иди... Снежок подпал, заяц не лежит, выбегивает... Утром следы около двора видал... Пойди, пойди, заяц выбегивает... Я после...

— В чем же заключается твой вопрос насчет пенсии? — со вздохом спрашивает директор.

— Может, зайдешь в избу-то,— предлагает дедушка Куклин.

Директор заходит.

В избе Куклиных пахнет детьми и поросенком. Младшая дочь дедушки, Валентина, качает дочь в деревянной люльке, подвешенной на крюке к потолку. Двое мальчишек постарше босиком бегают по кухне. Старшая девочка в синем платье читает книжку за столом. Все в семье светловолосы, у всех белые ресницы и бледные глазастые лица.

Директор здоровается и садится к столу. На стене в рамке из розовых ракушек пестрят желтые фотографии. Рядом на пожухшей картонке пришпилены медали — награды мужа Валентины. Директор знает, как живут здесь, знает, что в доме Куклиных нужда не гостья, а постоянная жительница. К ней здесь привыкли, сжились. Год назад муж Валентины, человек пришлый, бросил свою семью, ушел на льнозавод, а потом перебрался в Великий Устюг, откуда сам родом. Сначала семье помогал регулярно, потом все реже и вот совсем перестал. Жена дедушки Куклина умерла уже с полгода. У дедушки Куклина пенсия малая, колхозница на разных работах Валентина, ослабевшая от горя и забот, чего получает? Сейчас и корова не доится. А пятерых надо одеть, накормить. Хорошо это знает Александр Александрович, но дедушка Куклин снова обсказывает все положение и просит написать заявление на Николая куда следует, чтобы он жене на детей «пензею выслал». Валентина достает из сундука старый конверт — последнее письмо от мужа. На конверте адрес, написанный ловким безликим почерком: г. Великий Устюг. Революционная. Автобаза № 3.

— Напиши все изложение дела, чтобы как лучше,— говорит дедушка Куклин.— В эту автобазу директору или сразу главному прокурору по пензеи?

— Напишу на базу, в партийную организацию,— решает Александр Александрович.

— Пиши, чтоб хвост ему поприжали,— одобряет дедушка Куклин.— Что ж! Он там на окладе. А такой пройдоха! Пять робенков бросил. Плохой мужик. Пирог ни с чем.

Александр Александрович обстоятельно излагает для парторганизации положение семьи. Дедушка Куклин и Валентина сидят рядом и с надеждой смотрят на строчки.

* * *

Уже полдень, когда директор выходит от Куклиных. Охотники проходят немного по улице и останавливаются в раздумье: и в лес хочется и обедать пора. Решают — обедать.

А около моста, где утром они все попадали, еще встреча — на этот раз с доярками. Их двое: маленькая Зойка, рыжебровая, с цепкими зелеными глазами, и тихая Нина.

— Товарищ директор, что ж вы все ходите, ходите помимо нас, а к нам не надворачиваете! — кричит Зоя еще издалека.

Директор вспоминает, что он со своими учителями обязался подготовить трех доярок в восьмой класс вечерней школы. А провел всего одно занятие.

— Дела́ все,— отвечает он.

— Какие дела — с ружьем ходите, а нас призабыли? — играя бровями, смеется Зоя.— И никто-то к нам не заходит. Уж и дорожки не видать!

Ферма желтеет новым деревом на угоре

около леса, и к ней ведет еле видная тропка.

— Я сейчас обедать иду,— виновато поясняет директор.— А вы задание сделали?

— А вы зайдите, проверьте.

— Хорошо, после обеда зайду,— вздыхая, обещает директор.

* * *

И после обеда через белое поле к ферме уныло двигается фигура с ружьем, а следом — та же троица.

Вытащив патроны, Александр Александрович отдает ружье мальчикам и заходит в коровник. В оранжевом полусумраке темнеют вздыхающие коровы, звонко цвиркают о ведра молочные струи. Между атласно-черных коровьих спин поднимается и опять исчезает голова в розовом платочке. Зоя чистит настил деревянной лопатой и, видно, торопится: ходуном ходит спина, мелькают локти. Подталкивая корову плечом, она покрикивает по-свойски:

— Ну-ко, Антарктида!

— Быстро вы сегодня управились! — говорит директор, подходя.

— Поторопилась, поторопилась: сегодня игришá! — объявляет Зоя. Она так и произносит «ш» вместо «щ» и ударяет на последнем слоге.

— Игрища? — переспрашивает Александр Александрович, и сразу из детской памяти выплывает что-то размашистое, цветастое, как сказка. Игрища — это не простая вечеринка с танцами, это — древнее гулянье. Теперь они устраиваются совсем редко.

— Да где же будет?

— А у тетки Лиды избу сняли. Три лампы уж приготовили.

Зоя оборачивается и кричит в глубь коровника:

— Ей, Нинка, живее пооборачивайся-ко!

— А Нина, видно, не поспевает за тобой?

— Все время тяну ее — уж больно она тихая.

— Комсомолка она?

— Нет. Мать и бабка не пускают, затемненные они, сектанты несчастные. Когда пионеркой была, галстук с нее снимали.

В это время широкие двери коровника раскрываются, за воротами видна лошаденка, запряженная в сани. Вытянув косматую голову вперед и вниз, лошаденка шагает и втаскивает в коровник сани, нагруженные силосом. Рядом с возом входит парень в полушубке, надетом на новый костюм. Это Мишка Бревнов, бывший тракторист, разжалованный в кормовозы за пьянку. Мишка стыдится такого понижения, работает пренебрежительно, покуривая папироски.

— Вот посмотрите, сколько коровам задаем! — Зоя подводит директора к саням.— Вот это на моих и Нинкиных коров. Какие тут кормовые единицы?

— Коровки наши скоро будут как кощеи! — смеется Мишка.

— А ты не смейся! — напускается на него Зоя.— Он у нас комсорг фермы, а сам только на гармошке играет. Собрал бы своих дружков да наломал нам хвои.

Мишка бросает вилы, закуривает и подмигивает директору: что с бабами разговаривать!

Сегодня, в воскресенье, Мишка гуляет с дружками и на ферму зашел на минуту, даже в выходном костюме.

Из коровника Зоя ведет директора в общежитие доярок. Большая бревенчатая комната из нового теса полна смолистого аромата. Комната разделена красной занавеской на две половины. В задней — кровати доярок, открытки и вышивки на стенах. На одной стене клеенка с видом: голубое, как эмалированный таз, озеро, кипарисы и пузатые лебеди. На берегу — дева с бараньими глазами, около нее — томный усатый кавалер в жокейских сапожках.

— Кто здесь спит? — спрашивает Александр Александрович, указывая на кровать под клеенкой.

— Здесь я! — отвечает Зоя с гордостью: видимо, она довольна, что «коврик» произвел впечатление.

— У нас тут культурно,— добавляет она убежденно и важно.

Она поправляет одеяло, пирамиду из подушек, потом хватает ведра и убегает за водой.

Директор остается один на один с Ниной. Ему хочется расспросить замкнутую по-бабьи, в темное одетую девушку о ее семье, о ее заботах. Но она явно смущается, прячет за спину тяжелые, красные руки. Видно, она относится к нему, как к начальству.

— А Зойка ваша боевая,— говорит директор для поддержания разговора.— Как она Мишку отчитала!

— Она всегда с ним ругается.

— А с другими?

— С другими не так.

— Почему же все с ним?

— Уж так они все друг с другом цепляются.

Александр Александрович замечает на столе затертую голубую тетрадку, берет ее и читает на обложке: «О любви».

Он открывает первую страницу. Крупными ученическими буквами там написано:

«Любовь разделяется на два вида:
а) Любовь общественная и товарищеская,
б) Любовь личная.
Когда луч солнечный сольется,
И сотрясется вся земля,
И небо с треском разорвется,
Тогда забуду я тебя.
Любовь — это сила!
Любовь — это счастье, стеклянному счастью разбиться легко».

Далее идут

«Признаки любви»:

«Если мальчик жмет руку девушке, то никогда не говори «ой», это значит, что ты признаешься в любви.

Для начала знакомства нужно говорить на общественную тему, а не о любви...»

— Чья это тетрадка? — спрашивает директор.

— Это Зойкина,— густо краснея, говорит Нина.

На крыльце слышатся шаги, и директор поспешно кладет тетрадь на стол.

Входит Миша. Он сбрасывает полушубок, надевает черное полупальто и, щурясь от дыма папиросы, бросает как бы мимоходом:

— Где Зойка-то?

Нина скашивает улыбчивый взгляд на директора: «Вот, смотрите, что у них с Зоей происходит...»,— а вслух спрашивает:

— Иль не доругались еще?

— Ладно, ладно, не твое дело. На игришá идете, што ль?

С полными ведрами входит Зоя и, вроде не замечая Мишку, ставит ведро на горящую печь. Миша подходит помочь ей, но только мешает, толкает ведро и расплескивает воду.

— Эх ты, безрукой! — кричит Зоя, пряча улыбку.— Отойди уж!

Мишка краснеет и отступает.

— На игришà идете, што ль? — спрашивает он небрежно.

— А это дело наше личное! — отрезает Зойка и уходит за занавеску переодеваться.

Мишка, потоптавшись у дверей, плюет и переступает порог. Директор выходит следом за ним.

Когда директор и Мишка выходят наружу, пронзительная синь уже заплеснула леса, масляно зажелтели огни деревни.

Из-за запарника, вкусно пахнущего отрубями, показались три тени.

— Вот и сходили на охоту,— грустно, виновато говорит директор.

Мальчики молчат.

Они идут вниз к деревне по крепнущему снегу. Мишкины сапоги взвизгливо скрипят на все поле.

* * *

Собираясь на игрища, директор надевает новый, слежавшийся костюм, ссохшиеся полуботинки с негнущимися подошвами.

В длинном твердом пальто, надушенный и причесанный, он чувствует себя опять студентом и улыбается, слыша на дороге гармошку и девичьи голоса... Он подходит к избе, где будут игрища, поднимается по трескучим выметенным ступеням и раскрывает дверь... И сразу в глаза ему плещет разноцветье сарафанов: кумачовые, изумрудные, вишневые, лазурные! Сначала директор даже не узнает девушек, а ведь все здесь свои — так лучатся глаза, так жарко горят лица и сказочным, древним шелестом веет от атласных, блистающих кофт, бабушкиных платков и лент...

Между цветками сарафанов теряются черные пиджаки парней.

Комната уже подготовлена к игрищам: убрано все, кроме лавок вдоль стен. Три висячие лампы, а на стенах — старые плакаты, на одном — человек в противогазовой маске и подпись: «Изучайте противогаз».

Уже играет гармошка, смеются, перешептываются девушки, покуривают парни.

МИР ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ

**Ф. Е. РЕГАН,
помощник водолаза (Англия)**

...Я много думал, что станет с Англией через 20 лет. Если бы Советский Союз не был так силен, то нас давно бы вовлекли в ядерную войну те, кто занимает ответственные посты и заявляет, что они лучше погибнут, чем станут жить при коммунизме. Мы, англичане, погибли бы в этой войне. Вот почему наша жизнь зависит от Советского Союза.

Я искренне верю, что настанет то время, когда не будет эксплуатации и войн и когда мы, трудящиеся всего мира, будем сами распоряжаться своей судьбой...

**Петр ДЯТЛОВ,
монтажник-строитель (СССР)**

Давайте представим себе нашу жизнь в 80-х годах.

...Давно уже решен вопрос о всемирном разоружении. В океан сброшены запасы бомб. В домны и мартены отправлены на переплавку корабли и пушки, танки и пулеметы. Миллионы солдат вернулись к мирному труду, сменив армейские шинели на рабочую одежду. «Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство и Счастье!» — этот лозунг будит нас поутру и вдохновляет весь день...

Джордж Н. ХЕФЛИК, дворник (США)

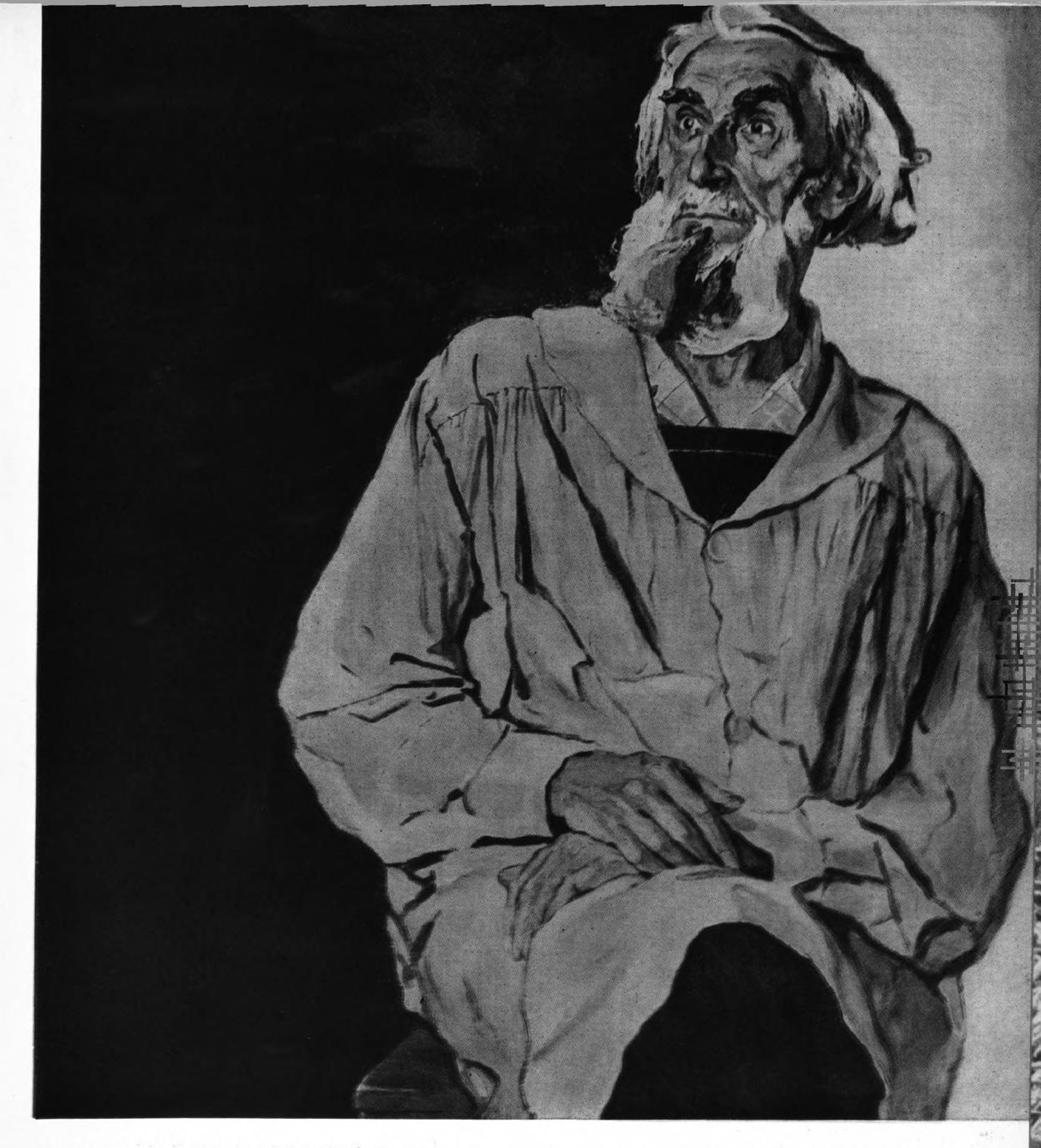
...Мне 59 лет. Я зарабатываю для себя и жены, работая дворником Кентского государственного университета, одного из ведущих учебных заведений в Огайо. Чтобы покрыть разницу между моей заработной платой и оплатой необходимых жизненных потребностей, я работаю в весенние месяцы в оранжерее, занимаюсь доставкой продуктов на дом, выполняю всякую работу, какую только смогу найти...

Теперь о предсказаниях...

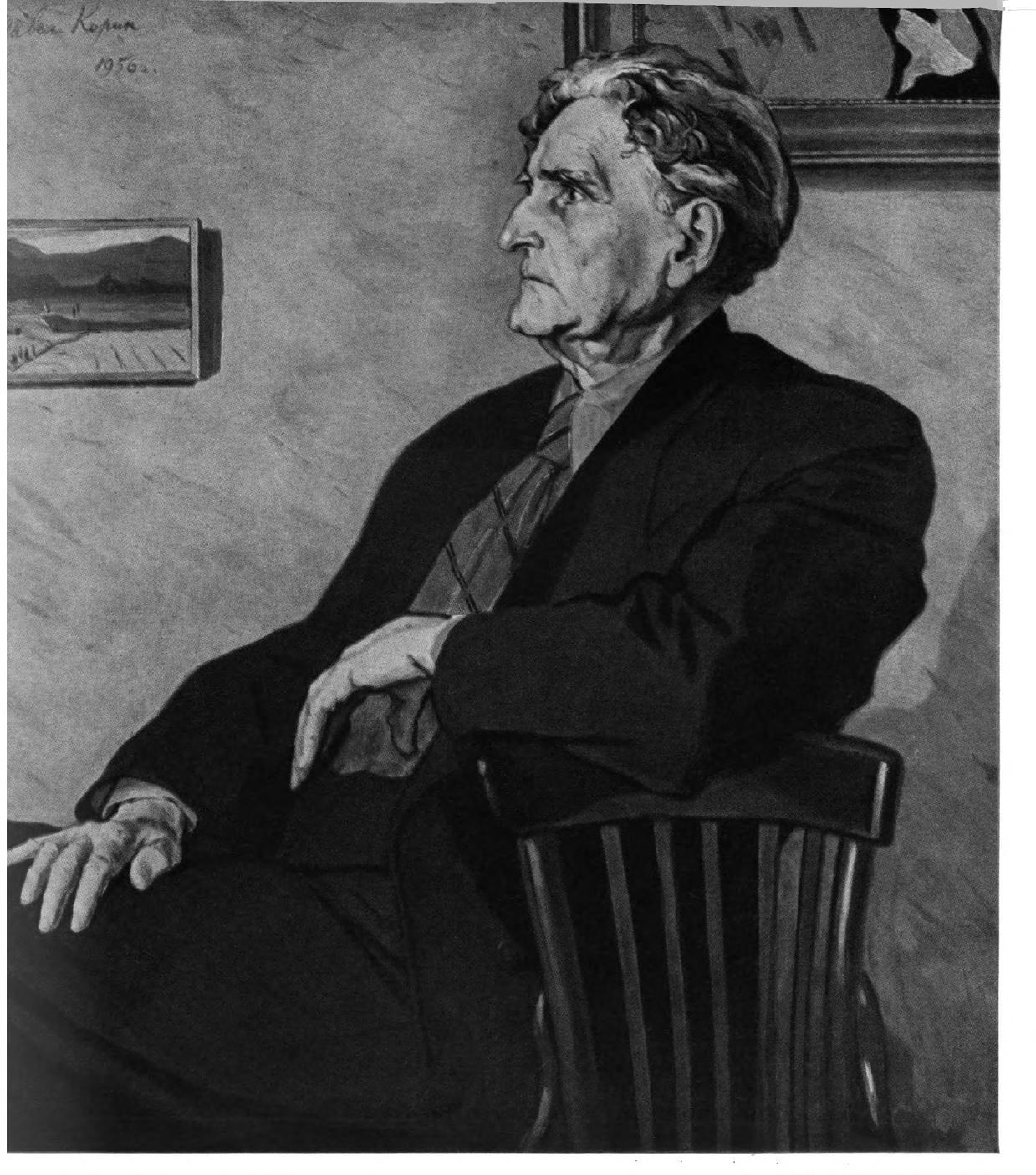
Через 20 лет мы будем жить в лучшем мире. Война будет отменена, как бред. Угрозы и напряженность, присущие настоящему времени, вследствие простой целесообразности будут заменены более эффективным принципом сотрудничества. Этого потребуют народы мира, уставшие до смерти от... бесчеловечности нашей внешней системы...

Апполинар ЛОМА, рабочий (Мексика)

...Войны не будет, не должно быть! Я верю: если все народы объединят свои усилия для достижения этой цели, Никите Хрущеву удастся убедить все правительства в необходимости разоружения.

П. Корин. ПОРТРЕТ СКУЛЬПТОРА С. Т. КОНЕНКОВА. 1947. **Государственная Третьяковская галерея.**

П. Корин. ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА М. С. САРЬЯНА. 1956. **Государственная Третьяковская галерея.**

Директор здоровается со всеми за руку и, взволнованный, садится на лавку. У стены напротив скоро появляется Агния Васильевна. Она тоже приоделась: белая кофта, черная узкая юбка и сапожки. Смоляные волосы заплетены и уложены короной, на груди рябиновой гроздью рдеют бусы. Зоя, Нина и Мишка тоже здесь. Мишка уже навеселе, он сидит, обняв своего дружка, курит и надрывно хохочет. Сивые его волосы сбились на одну сторону, лицо в пятнах, рубаха расстегнута. Народ все подходит, у дверей уже толкучка; на печку набились ребятишки, шумят там, как воробьи.

Вот с лавки поднимаются и выходят на середину две девушки: первая, в красном сарафане,— Зоя, вторая, в голубом,— смирная Нина. Головы подняты, концы платочков торчат в стороны, руки, обтянутые узким рукавом кофты, округлены.

Выйдя на середину, Зоя как-то незаметно начинает дробить каблучками и нечаянно, легкой скороговоркой запевает:

Говорят, что не степенка.
Кому надо, степенись.
Я девчонка удалая,
Ты меня поберегись.

А Нина, глядя себе под ноги, отвечает:

Невеселая погода,
Низко ходят облака,
Посмотрела бы на дролечку
Хотя издалека.

Так начинает она грустную повесть несбыточной любви, но Зоя не согласна поддаваться этой робкой печали, не хочет изнывать в ожидании.

Она мелким шагом проплывает круг, останавливается перед взъерошенным Мишкой и поет:

Уговаривали четверо,
Я всем дала отказ,
Хоть мой дролечка — теленок,
Все равно дороже вас.

Мишка вскакивает, желая не то запеть, не то заругаться, но его хватают за пиджак соседи.

Нина все неутешна в своем горе-ожидании:

Ты скажи-ка, сера уточка,
Когда будешь тонуть:
Всю я скуку и разлуку
Приколю тебе на грудь.

Подружки расходятся и садятся. На смену им выходят две другие и так же, похаживая друг за другом, поют свои припевки.

А в избу все входят и входят новые принаряженные девушки. Становится тесно. На лавках давно нет мест, и девушки по обычаю садятся на колени к ребятам. Зоя, озорно мазнув глазами Мишку, вдруг подбегает и садится на колени Александру Александровичу. Мишка багровеет и все сильнее мотает головой и все надрывнее хохочет. А у Агнии Васильевны вспыхивает лицо и от ревности стекленеют глаза.

Парные частушки кончены. Гармошка смолкает на минуту, гармонист перекуривает, девушки оправляют сарафаны.

Отворотив лицо далеко к плечу, гармонист заводит зыбкую мелодию...

Два сарафана выплывают в середину; вразвалочку, с ленцой выходят двое парней. Они сходятся, медленно кружат парни девушек, расходятся крест-накрест... Это еще не танец, а разминка, небрежное вступление. Вроде и танцевать никому не хочется, медленно текут улыбки, руки, лица...

Зоя выходит с директором. Он ежится, неловко кружится, долговязо возвышаясь над всеми; некуда девать руки, ноги.

Мишка зверовато из-под мочалистой челки поглядывает на Зою.

Во второй фигуре танца разгорается кружение, живее плывут сарафаны и дугами скользят руки. Пол в избе, однако, уже поскрипывает. В третьей выходке кружатся уже размашистее, уже раздуваются сарафаны.

В четвертой и пятой фигурах и дальше — не разберешь в какой — подолы взмывают веерами, пол гудит от дроби каблуков, разрывается гармошка. Распахиваются, мчатся голубые, как небо, алые, как закаты, сарафаны. Вихрь кружит, сливает в одно радужный полет платков, лент. Дрожит пламя в лампах, горячим ветром несет воздух по избе.

И вдруг Мишку подбрасывает, он кидается, расталкивая танцующих, к лампам. Девушки с визгом сыплются на лавки, парни бросаются на Мишку, но поздно; лихо развернувшись, он бьет кулаком по лампе — керосин плещет в лицо человеку в противогазе, звякает стекло. Мишку оттаскивают на лавку, он крутит головой и бормочет, выворачиваясь:

— Я все понимаю, я все ужасно понимаю.

Бить лампы кулаком на гулянке — тоже обычай, обычай глупый, темный... Если парень хочет показать перед девушкой свою удаль, свою лютую ревность, он разбивает кулаком лампу.

Мишку крепко держат, а Зоя кричит на него:

— Дурной ты, у-ух какой бессовестный! Сплошной дурак!

— Я все ужасно понимаю,— повторяет Мишка и нюхает руки.

Пол быстро заметают, и снова играет гармошка. Директор, вскипевший было от Мишкиного безобразия, тут же чувствует, что веселье не разрушено разбитой лампой. Даже наоборот, танцевать будут непоколебимо, назло Мишке. Гулянье получило дикий колорит. Выявился и мрачный герой вечера — рассерженный влюбленный. И «кадрель» продолжается. Зоя танцует снова; на ее изменчивом, озорном лице появляется выражение упрямства. Хоть все лампы побей, а она — сама по себе! И опять полыхают сарафаны!

Все это исполнено ровно нарастающего напряжения и даже покоя. Никто не покрикивает, не впадает в буйство. «Кадрель» не перепляс, она свершается точно обряд, с нерушимой затаенной улыбкой. Это огонь, влитый в неизбывный вековой канон. И хотя сами танцующие, кажется, пробуют разорвать кружение, но только усиливают магическую мощь танцевального узора. Никому и ничему не под силу разрушить его.

Мишка сидит понурясь и опять, не желая быть побежденным, вскакивает. Тогда его крепко берут под руки и, нелепо мотающегося, выставляют из избы.

* * *

Уже к полночи директор возвращается с игрищ. Несутся над окоченевшими угорами и замирают в стылом лесу крики, говор, песни, рваные взвоны гармошки. Александр Александрович выходит на дорогу и возле моста видит женскую фигуру. Агния Васильевна поскрипывает сапожками по лунному снегу.

— Вот как мы гуляем,— говорит директор, подходя к ней.

Она молчит, тягуче улыбается, постукивает ногой об ногу. Иней выбелил воротник, края платка. Он берет ее под руку, они вместе идут вверх. Снизу, из-за моста, нарочито противно, захлебываясь, вопит Мишка:

Эх, это тоже не растопочка.
Это тоже не дрова-а.
А это тоже не залеточка.
Домой хожу одна-а!

Они подходят к ее дому, останавливаются под навесом у калитки. Александр Александрович задевает шапкой навес, и снег струйкой сыплется Агнии Васильевне на лицо, блестит на бровях. Она тихо ахает и припадает к его груди. Александр Александрович наклоняется — уберечь ее от снега — и касается твердой холодной щеки, горячих губ...

* * *

Когда директор приходит домой, изба наполнена разномастным храпом. В кухне перед лампой сидит Тимофей и читает историю. Директор выпивает кружку молока. Тимофей смотрит на брата осоловелыми глазами и бормочет, повторяет на память, прикрыв ладошкой прочитанное:

— Англичаны дошли до Парижа́, когда простая крестьянская девушка Жанна Деарк поднялась, чтобы защитить свой район...

— Молодец,— говорит директор и треплет Тимофея по голове.

Чтобы поддержать брата, директор не ложится тоже, достает тетрадку, в которой записаны вопросы учеников шестого класса. Тетрадки с вопросами в каждом классе — нововведение директора. В них учащиеся записывают свои вопросы о чем угодно, и каждую неделю учителя должны отвечать на них. Александр Александрович, зевнув и встряхнувшись, читает вопросы:

«На чем держатся облака?» — спрашивает Белозерцева.

«Почему не дают писать авторучками?» — Бревнов.

«Кто изобрел пианино?» — Дербина.

«Из чего образовалось стекло?» — Сверчков.

Ох, сколько вопросов!

А вот и самые каверзные:

«Где ночует ночь?»

«Почему не все люди живут хорошо?»

Директор долго думает, отгоняя дремоту. На печи охает во сне мать. Куры, хлопая крыльями, возятся в ящике — деревянной клетке под столом.

Тимофей глядит в книгу, уже ничего не понимая.

— Давай-ка спать, Тимофей,— решает директор и прячет тетрадку в портфель.

Тимофей кивает, чешет голову обеими руками и опять бормочет на память.

Директор проходит в темную залу, раздевается и с наслаждением вытягивается на кровати.

«Где ночует ночь? Почему не все люди живут хорошо?»

Это спрашивает внук дедушки Куклина, Шурик, который сегодня ходил с ним на охоту. Шурик беленький, худой. В доме у них нет сейчас молока, корова еще не доится. А он слабоват, на уроках слушает плохо, сонлив. Надо сказать в правлении, чтобы дали молока для Куклиных.

— Когда англичаны дошли до Парижа́, простая крестьянская девушка Жанна Деарк...— бормочет на кухне Тимофей.

Директор задремывает и видит лица сразу всех Куклиных: дедушки, Валентины, маленьких... Они сливаются в одно лицо, в одни серьезные, громадные глаза, которые спрашивают:

«Почему не все люди живут хорошо?.. Где ночует ночь?»

Директор засыпает и помнит, что завтра он должен им ответить...

МИР ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ

Франческо СЕВЕРИ,
математик (Италия)

По моему мнению, главной научной проблемой, стоящей сейчас перед человечеством, является проблема исключения... науки из сферы создания орудий войны и разрушения... В мире будущего та отрасль науки и техники, в которой я работаю, а именно математика, будет иметь очень большое значение.

Эмиль НУРДЕН,
рабочий (Швеция)

...Я пишу как бы из 1981 года...

Человечество не знает никаких войн. Это плоды предусмотрительной политики СССР. Ни одна страна не отважилась начать самоубийственные действия «нажатием кнопки», как говорилось в старину. Империалистов, пытавшихся спровоцировать военные конфликты, вовремя схватили за руку... Силы мира оказались могущественнее сил войны.

Встреча делегатов Народного Китая и США в кулуарах Конгресса.

СЛУШАЙТЕ, КОНТИНЕНТЫ!

Начало см. на страницах 2—7.

Дьоп Серинь (Сенегал).

Зефков не дождался освобождения: его казнили. Мать Бэрбель Советская Армия освободила из зловещего концлагеря Равенсбрюк. Освободила ее и тысячи других немцев, с которыми люди доброй воли могут, конечно, найти общий язык. Не правда ли, мэтр Нуво?

...На Конгрессе происходят десятки встреч, ярких демонстраций единого стремления к миру. В фойе рядом сидят делегаты из США и посланцы Народного Китая. Они обсуждают вопросы, которые волнуют и тех и других. Европейцы жмут руки африканцам — представителям континента, поднявшегося на борьбу за свободу. Никого не оставила равнодушным встреча в зале заседаний представителя Национального фронта за освобождение Южного Вьетнама и делегата из Демократической Республики Вьетнам. Политика американского империализма разделила их страну, попыталась расколоть народ. Но братские объятия двух вьетнамцев в зале заседания Конгресса были свидетельством решимости вьетнамского народа добиться единства и мира для своей страны.

Мир и разоружение нужны всем, каждой стране, каждому континенту. Беседуя с нами, бывший вице-президент Боливии Ньюфло Чавес Ортис сказал:

— Почему всеобщее и полное разоружение важно для народов Латинской Америки? Мы верим, что лишь оно освободит нас от опасности войны. Если начнется война, она не обойдет ни один континент. Ядерное оружие угрожает всем народам. Есть и еще одна причина, которая заставляет нас требовать разоружения. Мы слаборазвитый континент, и мы надеемся, что те средства, которые ныне напрасно и бесцельно расходуются на войну, будут использованы международным фондом развития, чтобы помочь нам одержать победу над экономической отсталостью.

Путь Москвы — это путь мира и дружбы со всеми народами планеты. Каждый из нас, советских лю-

Рагнар Форбекк (Норвегия).

←
Посланцы Дагомеи.

Слева — китайский писатель Мао Дунь.

Бэрбель Зефков (ГДР).

дей, присутствовавших на Конгрессе, с особой гордостью думал об этом, слушая речь Никиты Сергеевича Хрущева. Она произвела исключительное впечатление на делегатов. Нужно было видеть, как горели глаза людей. Нужно было слышать, какой шквал аплодисментов бушевал в зале.

Вот коротние записи из наших блокнотов. Они сделаны через несколько минут после того, как закончилось заседание, на котором выступил Н. С. Хрущев.

РОКУЭЛЛ КЕНТ, американский художник: — Великолепно! Я хотел бы, чтобы так выступил глава моего государства, Соединенных Штатов Америки.

П. ДЖИВАНАНДАМ, издатель из штата Мадрас, Индия: — Я восхищен этой речью. Конкретная, деловая, серьезная, она указывает народам реальный путь к установлению на земле спокойствия и безопасности.

ФРЭНК ХАРДИ, австралийский писатель: — По моему мнению, это очень глубокое изложение политики борьбы за мир. Речь Хрущева поможет многим найти верную дорогу.

Б. ШИРЕНДЫБ, президент Академии наук Монгольской Народной Республики: — Всеобщее и полное разоружение возможно — этот вывод сделает каждый, кто познакомится с яркой речью Никиты Сергеевича Хрущева. И скажет слова благодарности Советскому правительству за его гуманизм, за огромную заботу о человечестве.

Битва за мир, за жизнь идет сегодня повсюду.

Ее фронт проходит на великих стройках в странах социализма, по дорогам Америки, которыми шагают участники «Похода за мир», по Японским островам, испытавшим ужас атомной трагедии и заявляющим сегодня в полный голос: «Нет — войне!»

Самая многолюдная, самая могучая — армия мира. Она вооружена разумом, доброй волей. Ее солдаты — ты, я, мы. Все люди.

Люди победят!

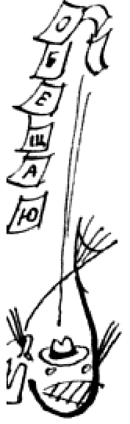
Харбанс Сингх Азард (Индия).

Рисунки И. ГЛАЗУНОВА.

Фатьма Ахмед прилетела в Москву из Судана. →

Четыре сообщения на одну тему: почему мало овощей и фруктов в магазинах?

Внимани

Пришло лето со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. Вовсю торгуют мороженщицы. Полны пляжи. Получив курортную путевку и положив в чемодан самое необходимое, курортник спешит на юг. А на север потянулся частник. Он тоже торопится. Обливаясь пôтом, он тащит в аэропорт три-четыре набитых до отказа чемодана. А кто поворотистей, то и побольше. Куда же он торопится? В Москву, Свердловск, Новосибирск и далее. Почему он торопится, нервно поглядывая то на часы, то на чемоданы? Что у него там? В чужие чемоданы заглядывать не положено, и нам придется потерпеть, пока частник не раскроет их где-нибудь на Тишинском или Черниковском рынке.

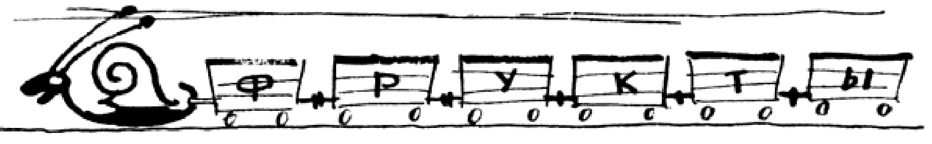
Алые помидоры, оранжевые бархатистые абрикосы, нежные персики. Дары южного лета радуют глаз.

Не радуют только цены. Дорогое удовольствие.

Частник потому и торопится, чтобы взять с покупателя за удовольствие подороже. Фруктовый сезон только начинается. И пока раскачиваются торговые организации, частник садится в самолеты новейшей конструкции и почти со звуковой скоростью летит в Красноярск, Свердловск, Ленинград. Он становится за прилавки городских рынков и диктует свои цены. Перебросив 600 килограммов помидоров, он кладет в карман 1 300 рублей чистоганом и летит за новой партией. Когда еще появятся у него конкуренты!

В самом деле, когда?

Мы публикуем четыре сообщения с разных концов страны — Свердловска, Ташкента, Киева, Москвы,— четыре сообщения на одну тему: почему так мало ранних фруктов, овощей на полках магазинов, почему так неповоротливы работники торговли, потребкооперации — ведь урожай-то богатый! А горожанин это, увы, почти не ощущает. Почему?

МОСКВА

ВИТАМИНЫ НА ТРЕХ КИТАХ

К. ОБОЛЕНСКИЙ

Витамины полезны, витамины необходимы, витамины очень важны. Все это знают. А попросту говоря, хочется съесть салат из помидоров с огурчиками. Или редиску в сметане. Или клубнику с молоком. Разве плохо?

Но это только легко сказать — «съесть». Те крохи фруктов и овощей, что, по образному выражению, «выбрасывают» в магазины, растворяются, как капля в море. На рынке даже видавшие виды хозяйки крутят головами от так называемых «сложившихся рыночных цен».

Схема снабжения москвичей выглядит просто. Теоретически потребляющая единица питается фруктами и овощами, купленными: а) в государственных магазинах, б) в торговых точках Центросоюза и в) у неорганизованного продавца на рынке, «по идее» — колхозника.

Вот, как говорится, три кита, на которых зиждется снабжение москвичей витаминами в натуральном виде. Процесс поступления продуктов, опять же теоретически, весьма прост: для первого кита, то бишь Мосгорплодоовоща, закупки производят заготовительные пункты потребкооперации и поставляют совхозы; второй кит сам закупает для своих центросоюзовских магазинов излишки, оставшиеся после выполнения государственного плана; а третий, неорганизованный кит выкручивается и доплывает до потребителя как сумеет.

— Все это в какой-то мере интересно,— может сказать читатель,— но почему же все-таки в столице так мало фруктов и ранних овощей?

Давайте разберемся вместе.

В Роспотребсоюзе нас встретили как боевых союзников.

— Овощей могло быть в Москве в несколько раз больше,— горячо доказывает заместитель начальника заготовительного производственного отдела И. И. Никифоров.— И стыдно и совестно это говорить, а молчать нельзя. Разве столько продаем, сколько производим? Куда там! Только небольшую часть. Одна треть гибнет еще на поле. Уборка не механизирована. Рук не хватает. Да и собранный урожай как следует довезти не можем. Погрузили, допустим, помидоры в Астрахани. В пути раз шесть состав формируется. По три дня стоят вагоны на станциях, гоняют их по маневровым путям... Разгонят вагон — трах!.. Три ряда ящиков кувырком...

— Ну, знаете, это уж слишком! — возмущается тов. Мартынов, начальник отдела холодильных перевозок Министерства путей сообщения, когда мы изложили ему претензии работников Роспотребсоюза.— Не можем же мы к каждому вагону с ихними помидорами паровоз прицеплять. Давно перед ними ставили вопрос: давайте формировать целые эшелоны,— а ведь до сих пор это наладить не могут!.. И потом, почему свет клином сошелся на МПС? У Министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог Российской Федерации имеется достаточный парк.

— Разве на самолетах нельзя привезти? — укоризненно качает головой начальник управления перевозок Аэрофлота тов. Чулков.— Ранней весной мы можем по льготному тарифу овощи перебрасывать, но ни разу никто из торгующих организаций не обратился ко мне с этим вопросом.

— Обращались,— горестно замечает Ульяненко, начальник управления совхозов ВСНХ РСФСР.— Обращались к товарищу Баранову, начальнику отдела перевозок Краснодарского аэропорта. Отказались авиаторы ягоду на Москву грузить. «Нам,— говорят,— товарищ Иванищев из краевого управления Аэрофлота такое указание дал». А ведь тогда сразу в Москву и Ленинград могли бы 80 тонн ягод перебросить!

И это было в то время, когда в московских магазинах, торгующих овощами и фруктами, красовались пустые полки.

— Помилуйте, почему пустые?! — заместитель управляющего Мосгорплодоовоща тов. Морозов даже откинулся на спинку кресла.— В этом году у нас положение лучше, чем в прошлом!..

Прошлогодние воспоминания у нас в памяти несколько потускнели, и поэтому мы попросили оживить их сравнительными цифрами. Михаил Александрович долго и упорно склонял свежую капусту и зеленый лук. Мы переводили разговор на помидоры, огурцы, фрукты. Выяснилось, что при плане завоза до 1 сентября 6 тысяч тонн капусты уже на 21 июня было завезено 5 100 тонн, да на подходах к Москве поступкивали колесами еще семь капустных эшелонов. Чувствовалось, что план по валу-тоннажу идет с перевыполнением.

— Ну, а помидоры, огурчики? — снова напоминаем мы.

Михаил Александрович делает в воздухе руками неопределенный жест:

— Подвели совхозы Московской области. Да и погода тоже.

О погоде спорить трудно, а вот положение с овощами в Подмосковье действительно плачевное. Завалив магазины луком, подмосковные совхозы и колхозы вместо 2 тысяч тонн огурцов дали 1 300. Салата вместо 385 тонн поставили только 100, петрушки — четверть плана, редиса и сельдерея — половину. Моркови и свеклы не дали совсем.

Но почему московские заготовители не обратили свой взгляд на юг?

— Завозить ранние овощи не так-то просто,— выдает сам себя заместитель управляющего.— Надо иметь изотермические вагоны, добиваться самолетов...

Какие уж тут комментарии?

Так сработала инертность. Промешкали заготовители, стоят где-то вагоны на станциях, не принимают фрукты на аэродромах... Не проявили в Мосгорплодоовоще должной заботы ни о плодах, ни об овощах. Не оправдали, так сказать, свое название.

КИЕВ

БОРЩ ИЛИ ВАЛ?

Т. КАЗАКЕВИЧ, домашняя хозяйка

Как известно, знаменитый украинский борщ состоит из многих слагаемых. Чтобы приготовить этот борщ, нужны совершенно свежие свекла, морковь, петрушка, укроп, лук, картофель, капуста, помидоры, фасоль... И если такой борщ заправить сметаной, право же, он будет очень вкусен и питателен.

На украинских землях все эти овощи великолепно произрастают. Однако многие киевские хозяйки не всегда имеют возможность угостить своих близких и друзей хорошим борщом.

В чем же дело? Дело в том, что эти хозяйки в своем большинстве работают или воспитывают детей и не могут бегать из магазина в магазин, простаивать в очередях, чтобы собрать необходимый ассортимент овощей. Не могут они и воспользоваться рынком: до начала рабочего дня не успеешь, а после работы уже поздно.

Почему же нужно бегать из магазина в магазин, ведь гораздо проще купить все в одном месте. Конечно, было бы проще, но... 282 торгующих овощами и фруктами магазина, 618 лотков и павильонов часто не имеют в продаже необходимого набора доброкачественных товаров. Если есть укроп, то нет лука, если на прилавке лежат свекла и морковь, то не будет капусты и картофеля...

Совхозы и колхозы завозят товары с «нагрузкой». Работники торговли жалуются на поставщиков, которые действуют так: хочешь получить 30 килограммов огурцов, 1 000 пучков редиски, 300 килограммов луку — бери 500 килограммов щавеля и столько же укропу. Выхода два, один другого не лучше: либо не принимать такой набор, либо взять и потом три-четыре дня держать товар в магазине, отпугивая покупателя его унылым видом, на радость какой-нибудь рыночной тетке Палашке, торгующей свежими, отборными овощами.

Кроме того, заведующие магазинами и продавцы не заинтересованы в торговле овощами и потому под всякими предлогами отказываются от продукции совхозов. Часто представитель совхоза гоняет машину в поисках более сговорчивого завмага. Если такой не находится, он обращается в трест совхозов, оттуда звонят начальству, и завмага принуждают принять овощи.

Так возникает острейшее противоречие между борщом и злополучным валом.

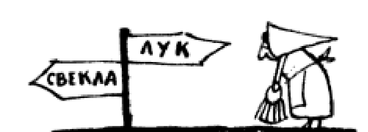
В какой-то мере составляют исключение находящиеся в центре города магазины — специализированные и фирменные (совхозов). Здесь бывает выбор свежих овощей, и потому там всегда очереди.

Вот фирменный магазин совхоза «Овощная фабрика» по улице Толстого, совхоза «Совки» по улице Карла Маркса, совхоза имени Щорса по улице имени 25-летия Октября. Сюда овощи завозятся по два-три раза в день в широком ассортименте. Если продукция остается и теряет так называемый товарный вид, совхоз забирает ее на корм скоту. Магазин не должен быть в убытке — ведь он на балансе совхоза. Тут все более или менее благополучно.

Это в центре. А как же обстоит дело подальше от Крещатика? В Железнодорожном районе имеет свой фирменный магазин один из лучших совхозов — «Бучанский». Но, увы, картина тут совсем иная. Во-первых, магазин месяц стоял на ремонте (нашли время!), и торговля шла на улице с лотков. Ну что же, было бы чем торговать. А торговать-то как раз и нечем. Совхоз не обеспечивает свой магазин товарами, принуждает его брать такую продукцию, которая не может быть продана за один день, и она портится.

В прошлом году жители Киева должны были получить 270 тысяч тонн овощей и картофеля, а в магазины поступило лишь 218 тысяч тонн, продали же всего 137,3 тысячи тонн. Остальное испортилось.

Не справляется со своим заданием и потребкооперация — на 15 июня она дала только четвертую часть овощей, которые должна была завезти в Киев.

е! Литер «Ф»

СВЕРДЛОВСК

УЗБЕКСКИЕ ПЕРСИКИ И УРАЛЬСКИЕ ГРИБЫ

А. ГРИГОРЬЕВ

— ...Абрикос андижанский! Только что самолетом.
— ...Кому вишня? Крупная горийская вишня...
— ...А вот помидоры! Лучшие в мире ферганские помидоры!

Идешь между базарными рядами в воскресный день, и глаза разбегаются от фруктового изобилия. Приезжему человеку даже с трудом верится, что происходит все это не на юге страны, а в центре Урала — на рынке Свердловска.

— Совести у вас нет,— сокрушенно покачала головой пожилая женщина, принимая от молодого человека в ярко расшитой тюбетейке три небольших, но зато сочных помидора в обмен на две руб. левые бумажки и полтинник...

Каждый день во дворе почтового отделения № 14, что вблизи Центрального рынка, выстраиваются машины с шахматным пояском. В кабину и багажник грузятся благоухающие свежими яблоками посылки, ящики с помидорами. Через несколько минут целая автокавалькада въезжает в ворота базара.

А в посылочном отделении почты в окошко то и дело протягиваются квитанции на 20, 40 и даже на 70 посылок сразу.

— Вот, обратите внимание, — сказал один из почтовых работников, кивая на подходившего к окошку человека с бегающими глазами, в замызганном пиджаке. — Каждый день по нескольку раз приходит. Наверное, уже больше сотни посылок получил.

Тем временем человек невнятно назвал свою фамилию и протянул паспорт. Взглянув на документ, девушка удивленно подняла брови:

— Неужто вам, дядечка, всего двадцать лет?..

Разговор продолжался уже в отделении милиции. Ибрагим Аргашев, 1942 года рождения по паспорту, оказался 53-летним Машрадом Кадыровым, охранником третьего строительного управления города Маргелана, Ферганской области. В течение нескольких дней он ухитрился отправить в Свердловск 140 ящиков ранних помидоров. Затем примчался сюда на самолете и получал их мелкими партиями в различных почтовых отделениях по двум паспортам... Уже более тонны помидоров прибыло в Свердловск на имя Кадырова и Аргашева. Продавал он их по пять рублей за килограмм.

— Где взяли чужой паспорт? — спросил следователь Кадырова.

— Это паспорт моего родственника, он недавно умер.

Оговоримся сразу. Конечно, далеко не все торгующие на свердловских рынках южными фруктами — спекулянты. Немало здесь и таких, что продают излишки продукции со своих приусадебных садов и огородов.

Но спекулянты действуют особенно активно. Пока раскачиваются заготовители различных торгов, вовсю орудуют дельцы, заполняя рынки ранними овощами и фруктами и устанавливая на них астрономические цены.

Урал, конечно, не фруктовый край. Овощи созревают здесь поздно, фруктов своих мало. В значительной степени все это завозится из южных районов страны.

И вот после базара мы побывали в овощных и фруктовых магазинах города. Тут обилие свежей капусты, парниковых огурцов, лука... И почти полное отсутствие ранних фруктов.

Почему же так происходит?

Сначала несколько цифр. Вместе с начальником 14-го почтового отделения И. Я. Бирюковым мы подсчитали: только за двадцать дней июня сюда прибыло с юга страны почти четыре тысячи посылок с фруктами и помидорами — около 40 тонн. А ведь это только по одному почтовому отделению! Даже грубые подсчеты показывают, что на рынках города за это время предприимчивыми частниками продано не меньше 120—150 тонн помидоров и фруктов, привезенных в основном из районов Средней Азии.

А сколько же за это время заготовлено и реализовано южных фруктов в магазинах города? Как это ни странно, но цифра, названная нам в городском управлении торговли, оказалась вдвое меньше, и в основном это касалось черешни. Заместитель начальника областного управления торговли тов. Сахарный, которого мы попросили прокомментировать эти данные, был краток:

— Наш район заготовок — Украина и Молдавия. Фрукты созревают там позднее, чем в Узбекистане, а заготовками ранних фруктов в Средней Азии должна заниматься потребительская кооперация. Она имеет право покупать излишки на месте по среднерыночным ценам.

Да, известно, что рыночные цены на фрукты и овощи, особенно в глубинных районах Средней Азии, чрезвычайно низки. Если даже учесть расходы по заготовке и транспортировке фруктов, то потребительская кооперация могла бы продавать их в Свердловске вдвое, а в иных случаях даже втрое дешевле, чем продают сейчас на свердловских рынках дельцы с юга.

И вот мы беседуем с заместителем председателя областной коопсбытсекции В. М. Хацкелевичем. Данные, которые он сообщил, поистине удивительны. Оказывается, вся эта организация не смогла закупить за три недели июня даже одной тонны фруктов, хотя посылала немало своих заготовителей и в Среднюю Азию и в другие южные районы страны.

— Не продают нам в Узбекистане. Местная кооперация заготавливает фрукты плохо. В глубинку не заглядывает. А потом, видите ли, по директивам Центросоюза мы должны работать с другими кооперативными организациями на взаимовыгодных условиях. А Узбекская коопсбытсекция просит у нас в обмен знаете что?..

Я уже готовился услышать разговор о лесе, кровельном железе и других промышленных материалах, чем так славится Урал и что распределяется строго централизованно, а услышал неожиданное слово: грибы.

— Да, да, именно грибы. — Владимир Михайлович даже воодушевился.— Вы знаете, грибы в Узбекистане — такой деликатес, как у нас на Урале, например, персики или ранние помидоры... Дай им грибы, и они нас завалят фруктами. Ведь сколько просьб было...

— Так в чем же дело?

— Нет у нас грибков, самим не хватает. — Голос Хацкелевича стал грустным.

И тут вспомнилось, какой азарт охватывает уральцев в страдную грибную пору. Вспомнились большие корзины, наполненные аппетитным белым грибом, подберезовиками, рыжиками, лисичками, сыроежками, что волокли городские и сельские жители в воскресные дни из ближних лесов... А если забраться в дальние?..

И мне представилось, как несколько позднее какой-нибудь предприимчивый «деловой человек» с Урала будет стоять на ташкентском рынке и продавать маленькими кучками маслята, доставленные за три часа на «ТУ-104», и по такой же баснословной цене, как его узбекский собрат ранние яблоки или помидоры на свердловском рынке.

Когда еще договорятся между собой и развернутся кооператоры!

ТАШКЕНТ

ПРЕПЯТСТВИЕ С ВАРИАЦИЯМИ

В. КРУПИН

Ваш корреспондент беседовал с работниками, от которых зависит своевременная доставка фруктов и овощей с юга и кто так или иначе связан с этим делом.

А. РАСУЛЕВ, заместитель председателя «Узбекбрляшу».

— Фрукты, конечно, есть. Особенно в Ферганской долине. Но все упирается в то, что у нас нет посадочной площадки для тяжелых самолетов. Мы могли бы прямиком в Красноярск отправлять и урюк и яблоки. Можно ли возить продукты автомашинами? Помидоры, яблоки можно. Но урюк нельзя. Он через день потемнеет. Да и далеко от Ферганы до Ташкента — 300—400 километров. Абрикос в дороге помнется, потечет. Отправлять фрукты до Ташкента машинами, а потом авиацией? Можно. Но дороже будет стоить. Железной дорогой? Дорога нам помогает. План по капусте мы перевыполнили. Вывезли вместо 2 400 тонн 3 700. Но главное слово — за ГВФ. Никак не можем пробить прямую воздушную дорогу для фруктов...

Итак, по словам руководителя потребкооперации Узбекистана, на пути у свежих плодов следующие препятствия: отсутствие прямой авиалинии Фергана — потребитель; дальность расстояний для перевозки автотранспортом; дороговизна доставки при перевалке грузов в Ташкенте; капризы изнеженного товара.

Справедливы ли все эти нарекания?

Начнем с ГВФ.

В. ЗАЙЦЕВ, инженер службы перевозок Узбекского территориального управления ГВФ:

— Перевозки свежих продуктов самолетами с каждым годом растут. В шестидесятом году мы отправили на север полторы тысячи тонн. В прошлом году — более трех тысяч. По наметкам нынешнего года должны перебросить в города Центра, Урала, Сибири, Дальнего Востока и Камчатки до четырех тысяч тонн фруктов и овощей. На воздушных линиях введен литер «Ф». Если, отправляя очередной самолет, мы ставим после номера рейса букву «Ф», это значит — рейс фруктовый. Его должны принять, обработать и пропустить дальше без задержки.

Но есть одна загвоздка. План по Москве, Ленинграду, Куйбышеву мы, безусловно, выполним. Туда грузы идут прямо из Ташкента. А вот Красноярск, Хабаровск, Иркутск, Свердловск, Петропавловск, Норильск должны получить фрукты из Ферганской долины. Здесь их скопилось очень много. Вот, видите, телеграмма из Андижана: «Разрешите отправку фруктов 35 тонн перевалкой Ташкенте до Иркутска». Чем мы можем помочь? Сняли один «ЛИ-2» из Нукуса. Но он не решит проблему. Его грузоподъемность всего 2,5 тонны, а больше машин для подброски грузов из Ферганы у нас нет. Между тем из Ташкента обычные рейсы на восток идут незаполненными, иной раз бывает в самолете всего 8—10 пассажиров. Можно грузить 6—10 тонн фруктов. А Красноярск предлагает даже «ИЛ-18» для вывозки помидоров. Их как-то надо подбросить из Ферганской долины.

Ю. УСИКОВ, начальник управления грузовых перевозок Министерства автомобильного транспорта УзССР:

— Можно ли организовать перевозки фруктов и овощей автомашинами? Можно и должно. В Ташкенте у нас есть специальная автобаза по перевозке сельхозпродуктов. Она возит на небольшие расстояния. В прошлом году, например, она была занята на перевалке афганского винограда с самолетов на железную дорогу. Отлично справились. Тогда же возили мы урюк из Ферганы на Ташкентский консервный завод. Машин у нас хватает. Утвержденный план грузовых перевозок — 1 миллион 200 тысяч тонн. Но если понадобится, можем еще тысяч двести перевезти. Ведь у нас многие машины простаивают по 6—7 часов на базах и в ожидании погрузки. Ввести литер «Ф»? Конечно, можно. Но надо организовать дело как следует, чтобы приехал на место, а там уже грузчики ждут. А перевозить мы можем все: и яблоки, и помидоры, и виноград, и даже персики. Для капризных фруктов у нас есть специальные машины.

К. ХОДЖАЕВ, начальник службы перевозок Ташкентской железной дороги:

— Потребкооперация плохо использует наши возможности. Подвижной состав есть. Пример с капустой вам подтверждение. А можно возить и урюк. У нас есть вагоны-ледники. В них и урюк, и черешня, и вишня долго продержатся.

Н. ЩЕПОЧКИН, председатель Дорурса Западно-Сибирской железной дороги:

— Не знаю, что там в инструкции записано, знаю только, что в прошлом году Маргеланский потребсоюз отгрузил нам 20 тонн абрикосов в Омск. Десять дней шли фрукты в леднике. Отходов практически не было.

И. РЯБОНЕНКО, исполняющий обязанности начальника плодоовощного отдела «Узбекбрляшу».

— Можете расписать меня в журнале как угодно, но только возить из Ферганы огурцы мы больше не будем! Урюк? Чего вам дался этот урюк? Самый капризный из фруктов. То ли дело яблоки, помидоры, виноград! Ну хорошо, возьмем урюк. И с урюком дело можно организовать. Без посадочной площадки? Можно, конечно. Но возни больше. Перевалочный пункт в Ташкенте понадобится. Для него штаты нужны. Нельзя ли без дополнительных штатов? Это надо продумать. Дорого ли стоит доставка из Ферганы в Ташкент? По железной дороге — копейка за кило. Да и не мы платим, а получатель. Если он за самолет платит копеек по шестьдесят, то почему ему не добавить копейку? (Раздается телефонный звонок, и Рябоненко говорит уже в трубку.) Фергана? Да-да. Я. Чем везти? Машиной. Ничего подобного. Дойдет! Постелите в машину брезентик, травки под него постелите. Чтобы не было механических повреждений. Только не навалом. Надо в таре. И все будет в порядке! Привет... (Рябоненко продолжает первоначальный разговор.) Так вот. Все дело в организации. Я работал когда-то в Мелитополе. Так у нас отгрузка шла прямо с поля. Подходит несколько машин. А я уже человек сто девчат-упаковщиц подготовил. Раз-два — и готово. Упаковали. Погрузили. И пошел товар прямо к потребителю. А теперь инстанции. Бригада. Колхозный склад. Склад райпо. И так далее. Раза два-три перегружают. Так время и теряется. Организовать надо дело, организовать!

Литер «Ф»... Если все, кто имеет непосредственное отношение к этому литеру,— производители фруктов и овощей, заготовители, транспортники, работники торговли — работая слаженно, поставят дело продуманно и широко, продукция под литером «Ф» будет идти в города без задержек, постоянным потоком. И миллионы горожан скажут им от души спасибо.

Что же мешает этому? Мы ждем ответа руководителей министерств торговли, потребительской кооперации, транспортных организаций.

ФРУКТОВ НЕТ

СКАЛА-БАРС

Наша экспедиция изучала юрские отложения в горах Кугитанг-Тау в Туркмении. В одном из походов мы увидели небольшую скалу, напоминающую голову барса.

К. ТОМАШАЕВ

Ашхабад.

МАРКА С НЕОБЫЧНОЙ СУДЬБОЙ

Осенью 1943 года группа украинских партизан захватила в плен немецкого генерала. При обыске у него нашли десятка два почтовых марок, еще не отклеенных с обрывков конвертов. Фашист заметно волновался. Командир партизанского отряда Николай Гладченко предположил, что это шифр, и оставил марки у себя. Однако подозрения не подтвердились.

После войны Н. Гладченко вернулся в родной город Сочи. В 1956 году в Сочи проводил свой отпуск бакинец В. Г. Панин. Он познакомился с Н. Гладченко. Последний, узнав, что Панин — филателист, подарил ему трофейные марки.

Панин осторожно отклеил марки от обрывков конвертов. Каково же было его удивление, когда под одной из них он обнаружил незнакомую марку. Это была марка острова Маврикия. Во всех каталогах мира она описывается как одна из самых редких. В свое время марка была оценена в 100 тысяч золотых немецких марок.

Вот что известно об этом почтовом знаке. Английские власти острова Маврикия решили в 1847 году выпустить марку, приурочив ее к празднику. Заказ дали ювелиру Жозефу Бернарду, занимавшемуся и гравировкой. Мастеру нужно было выгравировать профиль королевы Виктории, название острова и надпись «почтовый сбор оплачен». Однако Бернард в силу своей рассеянности забыл текст надписи. Подходя к зданию почты, он увидел вывеску: «Почтовая контора». Бернард решил, что именно эти слова и нужно выгравировать на марке. В тот же день он закончил работу. Было оттиснуто семьсот марок.

Губернатор острова, прочитав на марке надпись, рассвирепел. Но отменить назначенное торжество не решился. Пришлось разослать приглашения с этими марками. Более того, были отпечатаны еще триста штук.

Сейчас этих марок насчитывается в мире менее тридцати. И вот одна из них, возможно, единственная в нашей стране, находится в коллекции бакинского инженера В. Г. Панина.

Ю. ШАКОВ

Неожиданная гостья

Москвичка Екатерина Георгиевна Жигунова вошла в свою комнату и была приятно удивлена. На картине сидела небольшая золотисто-желтая птичка и весело распевала. На нежданную солистку пришли взглянуть и соседи. Это была канарейка.

Певунья проникла в квартиру через открытую оконную форточку. Здесь она чувствовала себя, как дома. Хозяева сели обедать. Птичка тут же слетела на стол и бесцеремонно принялась склевывать крошки хлеба. Охотно пила она и из блюдца с водой.

И тут сидящие за столом обратили внимание, что на левой лапке гостьи недоставало двух пальцев, зато ее украшало узенькое серебристое колечко, напоминающее перстенек.

На второй день певунья чувствовала себя еще свободнее, а на третий так освоилась, что на присутствие людей не обращала никакого внимания и звонко распевала с утра до вечера. Ночь она проводила за картиной, сидя на веревочке.

Неискушенные в птичьих делах хозяева узнали от соседей, что канарейку следует кормить не простым кормом, а специальным семенем. И они отправились в зоологический магазин.

Из магазина они вернулись с пакетиками и птичьим домиком.

Но каково было их удивление, когда, переступив порог комнаты, они не услышали звонкой трели и не увидели своей певуньи! Заглянули во все углы — птицы нигде не было. Форточка оказалась открытой, а тюлевая занавеска, которой было затянуто окно, не помешала улететь на волю.

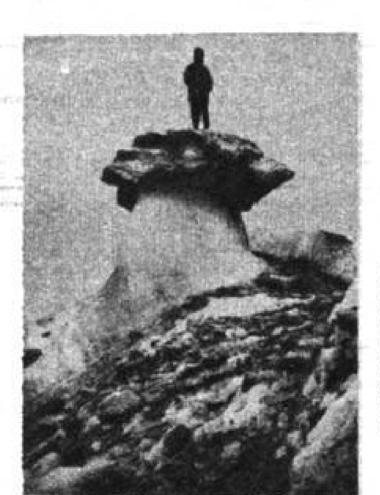
С. МИНАЕВ

НА СЛОНАХ

Так в Индии поднимаются туристы по крутой дороге к развалинам древней столицы Джайпурского княжества Амбер. Их привлекает знаменитый дворец, который построен в XVII веке.

Н. СУШКИНА

Башня на леднике

Этот снимок сделан на леднике Иныльчек, в Центральном Тянь-Шане. Когда-то эта каменная глыба лежала на поверхности ледника. Вокруг лед постепенно подтаивал, а под камнем — сохранялся, защищенный от солнечных лучей. Так образовалась эта «башня».

Р. МАЛЬКОВИЧ

Ленинград.

«СТЕКЛЯННЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Тонкие нити нервов, сплетения вен и артерий, легкие, сердце — все, как у обычного человека. Только сам человек стеклянный. Его внутренние органы и прозрачная оболочка сделаны из органического стекла. Этот экспонат подарили Ленинградскому музею здравоохранения друзья из Германской Демократической Республики.

Впервые «стеклянный человек» был показан немецкими специалистами в 1930 году на Второй международной выставке гигиены в Дрездене. Сейчас в Дрездене готовят новые модели, которые будут демонстрировать кровообращение.

Е. ПЕНОВА

Фото М. Семенова.

После выступления «Огонька».

ПОЧЕМУ СМЕЮТСЯ НЕВАЛЯШКИ

И. АБРАМСКИЙ

В фельетоне «Неваляшки» («Огонек» № 51 за 1961 г.) мы рассказали о ваньках-встаньках, которых «положили на бок» за разные неблаговидные поступки. Но у каждого из них находился свой заступник. И ваньки снова оказывались встаньками.

Редакция получила от Совнархоза Латвийской ССР и Рижского горисполкома сообщения о принятых мерах и уже готовилась их опубликовать, как вдруг прибыло письмо, которое заставило нас насторожиться: «Многие рабочие, ваши читатели в Слоке, приветствовали правдивый фельетон «Неваляшки». На днях на агитпункте мы вели разговор и пришли к выводу, что жулики, которых вы разоблачаете, посмеиваются над вами и, поклонившись своим покровителям, опять живут припеваючи».

...И вот я снова в Латвии, чтобы повнимательнее присмотреться к неваляшкам и их адвокатам. Как известно читателям, Э. Алтманис, бывший главный инженер Слокского цементного завода, пьянствовал, построил себе руками рабочих этого предприятия двухэтажный дом. Брал на заводе по оптовым ценам дефицитные материалы, бесплатно использовал заводской транспорт.

Что же предпринял начальник управления кадров совнархоза Л. Я. Тарвид? Перевел Алтманиса на другой крупный завод. В той же руководящей должности. И при этом он уверен, что проявил чуткость. А на самом деле оказал Алтманису очень плохую услугу, создав вокруг него опасную атмосферу безнаказанности.

Опубликован фельетон. Казалось бы, пора призадуматься, понять ошибку. Управление кадров предпочитает, наперекор фактам, защищать честь мундира. В подготовленном ответе редакции Тарвид всячески пытается обелить Алтманиса, хотя и вынужден сообщить, что ему объявлен выговор.

Л. Я. Тарвид с помощью членов комиссии собрал составленные по единой форме и отштампованные, точно на конвейере, справки — отписки рабочих, удостоверяющие, будто бы Алтманис расплачивался с ними из собственного кармана.

А лучше бы комиссии познакомиться с прекращенным уголовным делом Алтманиса. Там имеются показания рабочего Муранса: «Я зарабатывал примерно 90 рублей в месяц, а Алтманис мне начислял 110 рублей». Почему члены комиссии не поговорили с Мурансом? Почему не побеседовали с членом партии шофером Конощенковым, свидетельствующим, что он возил Алтманису доски из Стенде на заводской машине, а оплата была проведена за счет завода? Почему не расспросили рабочего К. Смирнова? Смирнов сообщил, что инженер Герлиньш послал его работать на строительство дачи Алтманиса и сказал, чтобы он денег с него не брал...

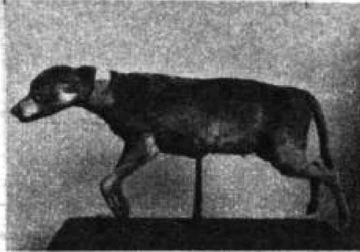
Что же делала комиссия по расследованию фельетона на протяжении двух месяцев, если ей не удалось установить ряд весьма тревожных обстоятельств? Достаточно заглянуть в дело Алтманиса, поворошить папки Слокского цементного завода, поинтересоваться материалами Госконтроля.

Документы гласят: из ста рабочих и служащих слокского завода индивидуальные дома возводят двадцать четыре. А точнее, почти все ответственные работники завода!

В обстановке полной безнаказанности живет директор завода Берг. Он построил себе двухэтажную виллу. Отремонтировал силами рабочих трактор и получил лично за это шестьсот рублей с колхоза «8 Марта». Шофер Конощенков сообщил следователю, что возил на дачу Бергу цементные столбы, изготовленные на заводе, а рейсы не отмечались в путевке. Все эти эпизоды никого не заинтересовали. Почему? Никто не хотел связываться с всесильным Бергом, который чувствует себя хозяином в этом маленьком городке?

В Слоке отлично помнят, что Берг был заместителем председателя Слокского горисполкома. Заместителем перерожденца Диденко, который за взятки передал частникам за бесценок пятьдесят один коммунальный дом. Диденко после недопустимо затянувшегося следствия наконец осужден. Но нам рассказали такой эпизод: когда после предварительного заключения Диденко вышел из тюрьмы, он так терроризировал свидетелей, что некоторые из них отказались от своих показаний. Диден-

Тайна трех слов

Лизетта.

Фото А. Коренькова.

Петр I любил охоту и держал хороших гончих. Стройный, серой масти Тиран участвовал в травле кабанов, медведей, волков, оленей. Гладкошерстная Лизетта, представительница английских терьеров, поднимала норных зверей.

Лишившись своих любимцев, Петр повелел сделать чучела. Они стояли в его кабинете. Редкие экспонаты сохранились до наших дней. Они многие годы находились в Государственном Эрмитаже, потом были переданы Зоологическому музею Академии наук СССР.

Осматривая чучела, художник М. А. Заславский заметил на ошейнике Лизетты оттиски металлических букв. Он прочитал любопытную фразу: «За спасение верноподданного». Как и кого могла спасти Лизетта? Тайну трех слов раскрывает летопись.

Одному из вельмож Петр вынес жестокий приговор. Желая изменить решение мужа, Екатерина призвала на помощь Лизетту. Под ошейник собаки она подсунула записку, в которой говорилось, что Лизетта просит не чинить вреда провинившемуся вельможе. Петр, прочитав записку, развеселился и помиловал вельможу. Вскоре на ошейнике Лизетты засияли золотые буквы: «За спасение верноподданного».

Восстанавливая другое чучело, М. А. Заславский открыл, что у Тирана не собачьи, а рыбьи глаза. Художник вынул глаза и вдруг увидел маленький пожелтевший от времени клочок бумаги. На нем было написано: «Поправлял скорняк Арсени Мучалов из Сербие Бела Града». Это был сербский мастер, который приехал в Россию, чтобы поправить и сохранить для истории петровские экспонаты.

В. КРИВОШЕИН

Вулкан за полярным кругом

В Заполярье, недалеко от Северного Ледовитого океана, возвышается одинокий Анюйский вулкан. Наша партия геологов побывала около этого вулкана, а Владимир Касаткин сфотографировал его.

А. Садовский,
И. Пилипенко,
Ю. Жижимов

Поселок Сеймчан,
Магаданская область.

— Анюйский вуклан,— сказал нашему корреспонденту доктор геолого-минералогических наук Е. К. Устиев,— был впервые исследован мною в 1953 году. О нем и его громадном лавовом потоке я написал книги «Анюйский вулкан» и «По ту сторону ночи». Для геологов и вулканологов Анюйский вулкан представляет особый интерес хотя бы потому, что он находится в большом удалении (около тысячи километров) от тихоокеанского «огненного кольца», в пределах которого, как известно, располагается большая часть ныне действующих на нашей планете вулканов.

Последнее извержение Анюйского вулкана произошло около пятисот лет назад. Любопытно, что до сих пор среди местных жителей — эвенов сохранились предания об этом извержении.

Верхом на собаке

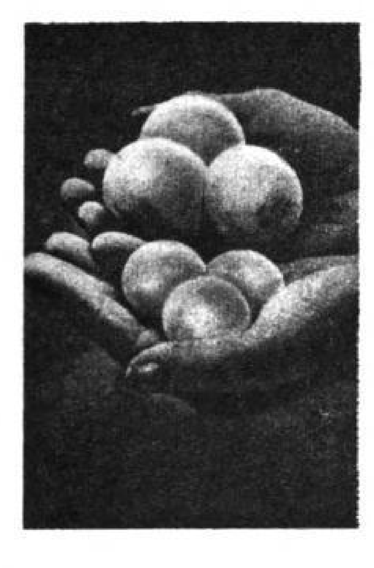

Вблизи города Ферганы во время земляных работ была найдена эта бронзовая статуэтка. Археологами она датируется третьим-вторым веками до нашей эры.

М. АГАРОНЯН

Ленинград.

«КЛАДОВАЯ ЯИЦ»

Берег в устье реки Ориноко, в Венесуэле, местные жители называют «кладовой яиц». Сюда вот уже сотни лет в начале марта приплывают черепахи. Ежедневно на берег выходит до семи тысяч животных. Самки быстро вырывают в песке ямы и откладывают в них от 80 до 200 яиц размером с небольшие апельсины.

В это время у местных жителей горячая пора. За сезон они добывают тысячи килограммов черепашьего мяса, важнейшего продукта питания жителей этой части Венесуэлы, и собирают миллионы яиц. Любопытно, что из черепашьих яиц извлекают жир для приготовления некоторых медикаментов. Панцири перемалывают в порошок, который добавляют в корм скоту.

С. КУХАРЕНКО

Заяц живет в дупле

На японских островах Амамиосима и Токуносима обитает удивительный заяц. Он живет в дуплах, хорошо лазает по деревьям, промышляет только ночью, питается ягодами и листьями. В отличие от обычных зайцев он бурого цвета, коротноухий, с маленьким хвостом и сильными когтями.

В 30-х годах советский ученый - ихтиолог П. Ю. Шмидт вывез из Японии двух древесных зайцев и подарил их Ленинградскому зоологическому институту. Чучело одного из них вы видите на снимке.

И. ШЕИН

ВСТРЕЧА С ЧИТАТЕЛЯМИ

В Измайловском парке культуры и отдыха города Москвы состоялась встреча редакции журнала «Огонек» с читателями.

О журнале, его планах и активе рассказал заместитель главного редактора Б. Иванов. Интересными были выступления писателей В. Карбовской, Б. Ласкина, поэта В. Фирсова, фотокорреспондента Ю. Кривоносова, художника Ю. Черепанова, составителя кроссвордов С. Егорова. Собравшиеся познакомились с творчеством композитора И. Горина, песни которого исполнила Л. Девяткина. Во встрече с читателями приняли участие редактор отдела художественного оформления И. Долгополов, фотокорреспондент Д. Бальтерманц.

но и его дружки распространяли слухи, что дело прекращено и плохо придется всем, кто выступил против него, Диденко.

Берг воспользовался тем, что Диденко был освобожден на короткий срок до суда, и немедленно зачислил его к себе на завод старшим экономистом. Нашлись и другие покровители махрового взяточника. Председатель Слокского райпотребсоюза Чернышев принял на работу продавщицей ягод жену Диденко. Эта неваляшка уже однажды проворовалась и была уволена, но Чернышеву есть за что благодарить Диденко. Последний сначала капитально отремонтировал за счет государства, а потом «продал» Чернышеву дом стоимостью в семь с половиной тысяч за одну треть стоимости.

Комиссия советского контроля предложила взыскать со всех слокских домовладельцев-ловчил разницу между фактической ценой домов и теми грошами, за которые они приобретены. Но ни один рубль в казну до сих пор не поступил. Собственники цинично отказались платить деньги, и им это сошло совершенно безнаказанно.

Казалось бы, в Слоке произошло чрезвычайное происшествие. Но все обошлось тихо, по-семейному. После осуждения Диденко его окружение не понесло никакого наказания, а Чернышев остался секретарем парторганизации.

Вернемся к письму нашего читателя. Естественно, я захотел увидеть автора, поговорить с ним. Но не нашел ни адресата, ни его дома. Зато все, о чем писал неизвестный корреспондент, подтвердилось. Значит, он боялся открыто говорить правду.

Автор подписался чужой фамилией, но не вымышленной. Человек под такой фамилией жил в Слоке, работал на цементном заводе заведующим складом, с которого Алтманис и Герлиньш получали материалы для строительства своих дач. Но этот человек по фамилии Карклинш утонул в реке Лиелупе.

В прокуратуре Рижского района мы обнаружили дело об утопленниках на реке Лиелупе. Если бы члены комиссии совнархоза прочитали протоколы дознаний, они бы обнаружили, что в одной лодке с утонувшим Карклиншем оказались... наши герои — Алтманис и Герлиньш.

Оставшиеся в живых участники пьянки свидетельствуют, что в тихий безветренный день большая моторная лодка с будкой перевернулась. А между тем отсутствует даже акт о техническом состоянии лодки.

И это дело о трагическом происшествии в Слоке тоже почему-то прекращено.

Алтманис и Герлиньш не оказали помощи тонущим. Они сразу же «поплыли к берегу»...

Всем этим следовало особенно пристально заинтересоваться именно потому, что местом действия была все та же злополучная Слока.

Итак, маленький приморский городок Слока стал свидетелем ряда грязных дел. Значит, каждое новое происшествие в этом городе надо было расследовать с удвоенной тщательностью. Но этого не поняли местные власти.

Совнархоз Латвийской ССР, ознакомившись с собранными редакцией документами, отменил свое прежнее решение и новым письмом в редакцию сообщил, что освободил Э. Алтманиса от должности главного инженера завода стекловолокна, а материалы о его злоупотреблениях по службе передаются на повторное расследование в прокуратуру республики. Совет просит прокуратуру проверить правильность и законность строительства личных домов другими руководящими работниками слокского завода.

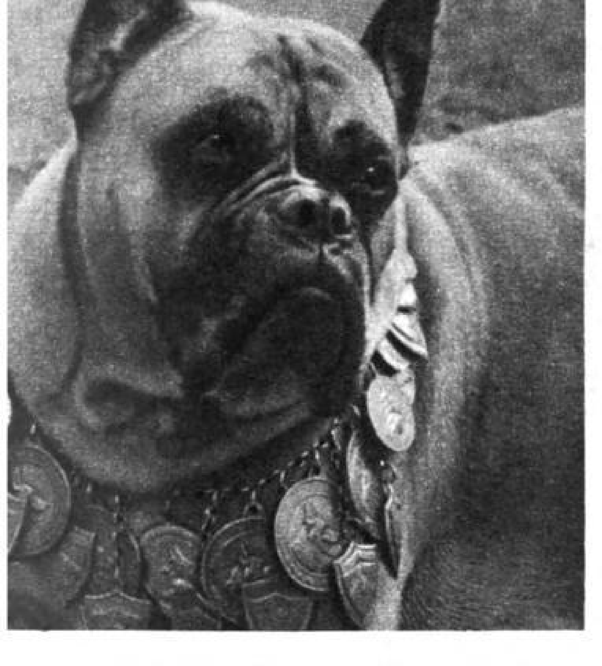
Решение справедливое. Но почему в нем не дана оценка действий начальника управления кадров Л. Тарвида и комиссии, замазавших слокское дело?

Об этом мы говорим еще и потому, что подобные явления в Риге не единичны. Заинтересовавшись судьбой других неваляшек, мы обнаружили такой случай. Заместитель министра торговли республики И. А. Круминь и начальник управления кадров И. Л. Мистрис специально выезжали в Даугавпилс на заседание бюро горкома партии, чтобы выгородить махрового неваляшку — начальника городского управления торговли Николаева. Но высокие чины защитников не помогли. Горком снял с работы жулика, который бесплатно набирал в магазинах товары, принимал на работу проходимцев, препятствовал деятельности общественного контроля, запретил подчиненным сообщать прокуратуре и милиции о злоупотреблениях.

Добросердечные покровители перевели Николаева на новую работу с повышением в зарплате. В августе 1961 года он был наконец арестован за новые злоупотребления, конечно, без всякой помощи со стороны министерства торговли. Совет Министров республики ограничился тем, что за ослабление контроля за работой торговых организаций предупредил министра торговли И. К. Янсона и его заместителя И. А. Круминя. И. Л. Мистрис вообще избежал наказания.

Совет Министров принял полезное решение о мерах по усилению борьбы с хищениями в торговле, но не проконтролировал проведение его в жизнь. А неваляшкам только это и нужно. Отлежались, пока гремела гроза, а потом снова выпрямились...

По справкам управления торговли Риги свыше десятка проштрафившихся ванек-встанек вновь приняты на работу в магазины и низко кланяются своим покровителям. А Рижский горисполком в ответе на фельетон «Неваляшки» сообщил редакции, что ни один работник, ранее уволенный из торговой сети, вновь туда не принят. Очевидно, тоже не разглядели...

Семикратный чемпион боксер Вольвега.

ЧЕМПИОНЫ

Римма ЛИХАЧ

Двадцать шестая московская выставка служебных собак. 1 200 четвероногих различных пород прошло на ринге перед строгими экспертами. Непосвященный человек считает: это очень просто, провел на поводке по кругу свою собаку и пожалуйста — медаль. Но только непосвященный может так легко решать, а вот эксперты... Им мало вашего убеждения, что именно ваш четвероногий друг самый красивый и самый умный. Вы знаете, сколько требований предъявляют собаке? Родословная с двумя рядами предков (претендент на звание чемпиона породы обязан иметь родословную до третьего колена), экстерьерная оценка собаки и ее потомства, специальный курс дрессировки. Не так-то просто получить медаль!

Четыре дня продолжался смотр. Четыре дня хозяева верно служили своим собакам: на дождь и холод никто не обращал внимания, всей семьей поочередно выводили на ринг питомцев, чистили и холили их, волновались. Ведь очень приятно добавить еще одну медаль на ошейник своего верного друга.

Эрдель-терьер.

Знакомство.

Южнорусской овчарке жарко.

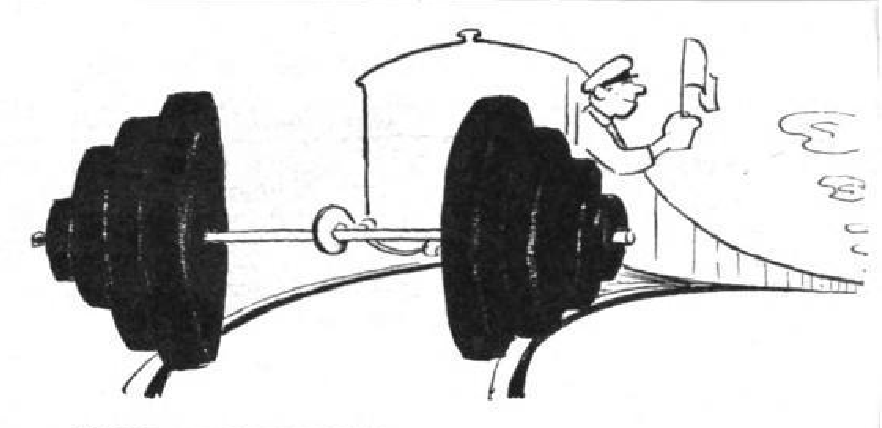
Колли очень изящны и спокойны.

Джим и Гера — супружеская чета, чемпионы породы.

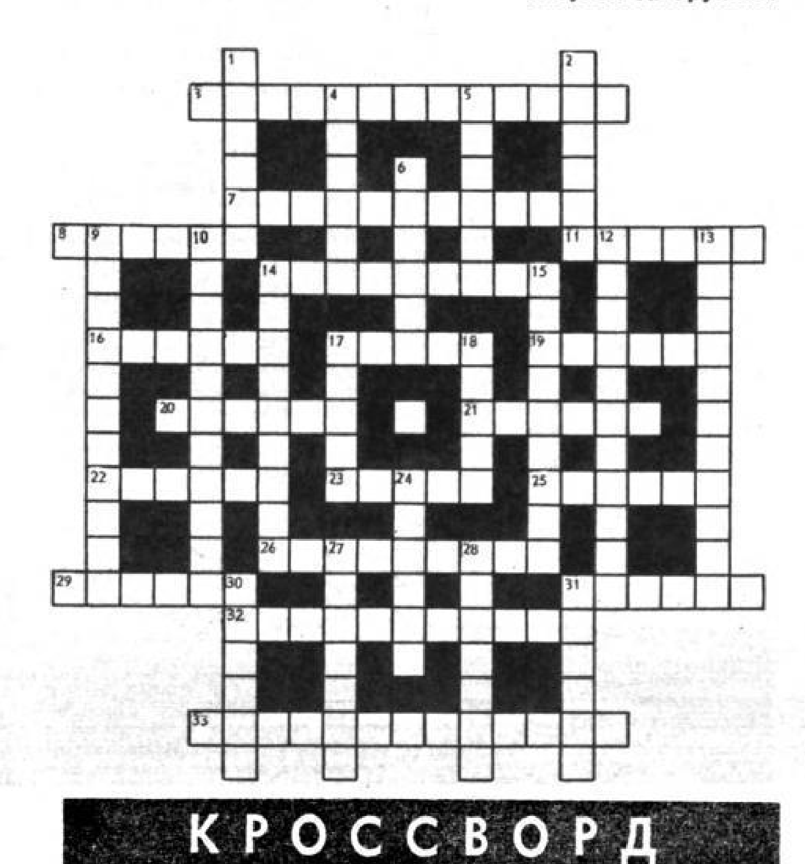
Порода чау-чау.

Выехал на соревнование.

Рисунок А. Грунина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Специальность рабочего. 7. Спортсмен. 8. Персонаж балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро». 11. Длительный гул. 14. Опера Д. Верди. 16. Птица семейства утиных. 17. Жук. 19. Сказка X. К. Андерсена. 20. Советский ледокол. 21. Горная порода. 22. Приток Дубны. 23. Внешний вид. 25. Химический элемент. 26. Сопоставление. 29. Два мельничных жернова. 31. Верхняя одежда. 32. Обучение, просвещение. 33. Распорядитель.

По вертикали:

1. Название журнала. 2. Монета некоторых государств. 4. Угол между направлением компасной стрелки и направлением, по которому виден предмет. 5. Дикая кошка. 6. Заключительная часть литературного произведения. 9. Положительное качество. 10. Степень нагретости. 12. Переложение музыкального произведения. 13. Наличие различных товаров. 14. Эпоха Возрождения. 15. Вид эстрадного представления. 17. Печатный шрифт. 18. Чешский писатель. 24. Столица европейского государства. 27. Травянистое растение. 28. Река в Северной Америке. 30. Рассказ А. П. Чехова. 31. Пассажирская платформа.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали:

5. Мартос. 6. «Фитиль». 9. Перламутровка. 12. Венера. 13. Акопян. 14. Подшипник. 16. Оксфорд. 17. Книга. 19. Лимузин. 20. Агроном. 21. «Кочегар». 25. Кобальт. 26. Скула. 27. Третник. 28. Краснопер. 31. Бензин. 33. Анналы. 34. Корреспондент. 35. Трасса. 36. Дренаж.

По вертикали:

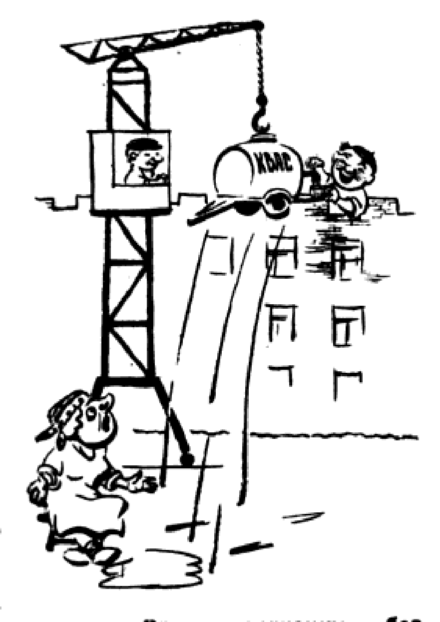
1. Нансен. 2. Готланд. 3. Цицерон. 4. Блузка. 7. Кулибин. 8. Феникс. 9. Прямоугольник. 10. Аккомпанемент. 11. Рябчик. 14. «Подросток». 15. Коллектор. 17. Кросс. 18. Айова. 22. Погреб. 23. Турнепс. 24. Жигули. 29. Аметист. 30. Пандури. 32. Ноябрь. 33. Аншлаг.

На первой странице обложки: Сталевар московского металлургического завода «Серп и молот» Владимир Иванович Потапкин. За шесть месяцев нынешнего года он дал 250 тонн стали сверх плана.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Яхты на Клязьминском водохранилище.

Фото Л. Бородулина.

— Одну кружечку, без сдачи!

Рисунок В. Воеводина.

Без слов.

Рисунок С. Крылова.

Дежурство...

Обеденный перерыв...

Рисунок В. Воеводина.

Проросла...

Рисунок Г. Оганесова.

— Не разберу, что он хочет сказать?..

Рисунок Д. Белова.

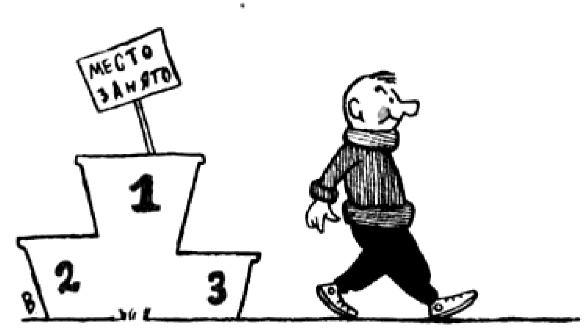

— Чудеса! Патроны целы, а зайца принес...
— Сдался без боя!

Рисунок Д. Белова.

В парикмахерской пожарных.
— Освежить?

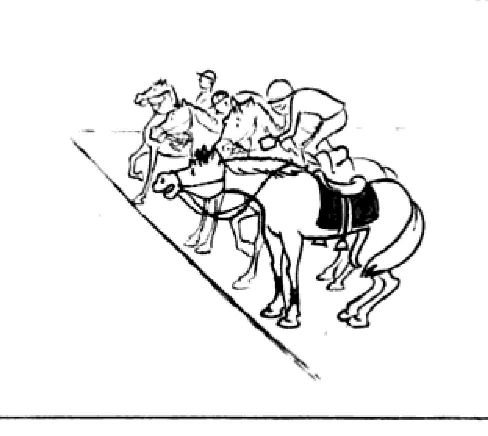
Рисунок В. Каневского.

Без слов.

Рисунок М. Вайсборда.

Фальстарт на ипподроме.

Рисунок А. Шера.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00500. Подписано к печати 11/VII 1962 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 1110. Зак. 1956.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

SR
787
632